

БЫТЬ РУССКОГО НАРОДА.

ЧАСТЬ IV.

ЗАБАВЫ.

I. ИГРЫ. II. ХОРОВОДЫ.

От. А. Перещенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ВОЛЖСКО-РУССКИХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по изпечатаніи представлено было въ Цензурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 марта 1846
года.

Джоржъ Фрайзингъ.

I. ИГРЫ ДВТСКІЯ. II. ИГРЫ ДВВИЧЕСКІЯ. III. ИГРЫ МУЖЕСКІЯ и IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА.

Вступленіе. I. Игры дѣтскія: сорока, лошадка, перегонка, кляпки, пень, теребить носъ, ярка, хлонаніе и хлонушина, куклы, голубъ, горобецъ, волкъ и гуси, строй волкъ, мышка, крыночка, сучка, клюкъ, шнуръ, веревочка, бумажный змѣй, рыба, тюавки, орышекъ, терять, ласы, сиѣжныя изображенія, волчокъ — II. Игры дѣвическія: макъ, горылки, лычки, сижу посижу, безъ соли соль, жмурки, котики, первенчики, корабль съ мельницей, колечко, камешки, колышки, кумки, коза, огарушкѣ, скачка на доскѣ, запуски, четъ и нечетъ, обручъ, бирюльки. III. Игры мужескія: мячъ, мячъ обѣ землю и обѣ стѣну, летучій мячъ или воланъ, воробын, пытка, свайка, ножикъ, мышка, чушки, чижъ или чижикъ, кандалы, шаръ или касло, вѣтчинка, бабки, чеканчики или жожки, альчикъ, пыжъ, скрагли, склять, кегли, сконердинъ, шурка, рай, тычка, чекарда, городки, крэгли, буй, простѣнокъ, орянка, кости или зерна, перетягиваніе веревкою, гусекъ, шахматы, шашки, ломка пряниковъ, борьба, кулачный бой. IV. Игры обоего пола: ужище, колючки, жгуть, король (литовскій), бружасть, медвѣдь, драгунъ, вѣничикъ, дергачъ, король (малороссійскій), вавѣшиваніе соли, кружокъ, кончики, ланта, столбики, коршунъ, воронъ, рѣдѣка, веревочка, яша, рѣкрутскій наборъ, курилка, игра имепами, игра въ птицы, воробей, почта, синопинъ, кухня, весь туалать, кошки-мышки, пошоль рубль, охъ болитъ, мостъ мостить, азбу-

ка, молчаніе, къ чemu бы употребили меня? — чemu упo-
добить? — прошколить, вотъ мой корзина, иѣмой кон-
цертъ, осужденный, птичій охотникъ, перчаткой играть,
дорожные, сочинитель, носъ, заебданіе; хороши пригожъ,
женииться хочу, или: хороща пригожа; замужъ хочу, со-
сѣды; продажа холста, иостыль, цвѣтъ, начини, катанье съ
горъ и на саняхъ, карты.

}

И Г Р Ы.

Не возможно представить въ стройномъ порядке, по-^{Вступле-}
всемѣстныя наши забавы: онъ такъ многочислены и
перемѣнчивы, что трудно собрать ихъ въ одно, под-
вести подъ одинъ уровень увеселеній, чтобы вывести
объ нихъ общее заключеніе. — Простой народъ, со-
хранилъ предковъ поговоры въ обычаяхъ, смыть ихъ съ при-
вычками своими. — Иностранцы весьма превратно изо-
брали наши игры: не зная нашего языка, и мало за-
ботясь о вѣрности изложения, они включали въ свои
дневники, все безъ разбора. — Довольно взглянуть на
школьные современныхъ извѣстій иноземцевъ, чтобы
убѣдиться о ихъ невѣжественномъ описании: Окру-
живъ себя книгами иностранными, незаслуживающи-
ми довѣрія, они выписываютъ изъ нихъ, что имъ
вздумается, и говорятъ, какъ бы сами все видѣли. —
Забавы нашего народа, отраженіе истинного и не-
поддальнаго ихъ веселія, не иначе могутъ быть опи-
саны, какъ съ дѣйствительной картины ихъ жизни.

Въ теплое время собираются предъ домомъ мушкины
и женщины, молодые и дѣвушки. Сначала мушкины при-
бѣтствуютъ другъ друга, снятыемъ шапки съ головы,
и женский полъ встрѣчаетъ ихъ улыбкою, или вопро-
жомъ о здоровыи; потомъ садятся рядомъ на лавкѣ у

дома. Если бы не достало места для женщинъ, то самые старики встаютъ и просятъ ихъ садиться. Женщины уважаются повсюду, во всѣхъ состояніяхъ. Молодые перешепчиваются между собою, старики усмѣхаются и говорятъ имъ, съ простосердечнымъ хохотомъ, что ихъ подслушали. Тогда начинается разговоръ живѣе, бесѣда откровеннѣе и перестаютъ чуждаться; подступаютъ ближе другъ къ другу, и дѣлаютъ общий кругъ. Является балалайка, и всѣ раздвигаются. Дѣвушки ожидаютъ съ нетерпѣніемъ приглашенія. Везде дѣвушки начинаютъ первыя, и вездѣ онѣ съ своими правами. Молодецъ, который всѣхъ посмѣлѣ, выступаетъ впередъ, и снявъ шапку, просить красавицу повеселиться съ нимъ. — Все общество въ праздничныхъ нарядахъ: мушкы въ кафтанахъ, съ отворотомъ красной рубашки и въ шапкѣ набекренъ. Дѣвушки въ сарафанахъ, съ длинными рукавами бѣлой рубашки и бѣлымъ платкомъ въ руцѣ. — Еще не начинается пляска, а только заохочиваются къ ней. Тутъ мальчики мѣшаютъ всѣмъ: они отвлекаютъ общее вниманіе своею бѣготнею и играми, въ коихъ нерѣдко принимаютъ участіе и взрослые. — Дѣвушки расходятся, образуютъ свой кругъ, измѣняютъ о своихъ забавахъ; женатые отдѣляются отъ нихъ, идутъ въ сторону; одни старые остаются предъ домомъ, и ведутъ разговоры о своихъ занятіяхъ: все расходится, и казалось бы веселію конецъ. Тутъ-то оно начинается: рѣзые и беззаботные жалуны, затѣваютъ своихъ лошадокъ и запуски; парни сбиваютъ городки, дѣвушки скачутъ на доскахъ. Когда поразвеселятся, тогда затѣваются общія игры, въ которыхъ не принимаютъ только дѣтей; послѣднія не жалѣютъ объ этомъ, потому что онѣ имѣютъ свою собственную, имъ однимъ принадлежащія. Но дѣвушки и мушки, кроме общихъ забавъ, имѣютъ такъ же свои

отдѣльныя: тогда парни не вѣничаются въ девичествѣ, а двѣщаи въ мужеския игры.—Ноъ и возрастъ отдѣляется другъ отъ друга, а потому происходитъ само по себѣ естественное раздѣленіе игръ.

1. ИГРЫ ДѢТСКІЯ.

Дѣтскій возрастъ любить беззатѣйныя, не хитрыя игры; но въ нихъ скрывается или поученіе или выраженіе ихъ возраста.

Сорока повсемѣстная забава. Ею веселять ребенковъ Сорока и маленькихъ дѣтей. — Матери или нянѣчки, посадивъ ребенка на свои колѣни, или поставивъ его подъ себя, перебираютъ по пальцамъ дитяти и ласкаютъ, чтобы оно не плакало, приговаривая: сорока, ворона, дѣтямъ кашку варила: одному дала, другому дала,—и засекаютъ подъ мышкой, произносить скоро: а третьему не дала. Сорока улетѣла! — Въ Малороссіи говорять: сорока, ворона, на припичку сидила, дитямъ кашу варила; одному дала, другому дала, сѣму дала, сѣму дала, а сѣму не дала,—гай! гай! сорока улитила.—Засекаютъ ребенка, пробуждаютъ въ немъ смѣхъ и послѣ заставляютъ его повторять тоже самое. — При успѣшномъ повтореніи дитяти, цѣлюютъ его всякой разъ. — Этую забаву продолжаютъ, пока дитя развеселится.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: сорока, ворона, дѣтямъ кашу варила, на порогъ ступила. Тому дала, тому дала, тому шейку урвала, и полетѣла! — Суха суха!... Забавляютъ еще такъ:

Сорока, сорока, кашку варила; на порогъ скакала, гостей смѣкала. Гости на дворъ, кашку на столъ; гости со двора, кашка со стола. Этому дала, этому не

даца; этому досталось, этому не досталось: который маль, который дрова не таскалъ, который ветку не тошилъ, который щи не варилъ, который за водой не ходилъ. Шу, полетѣла к хвостикомъ завертѣла.

Ладушки, ладушки! гдѣ были? — У бабушки кушали аладушки. Что ъли? — Кашку. — Что пили? — Бражку. — Кашка сладенька (сладѣнька), бражка пьяненка. — При закачиваніі дѣтей поютъ протяжнымъ голосомъ:

Воркуй, воркуй голубчикъ,
Воркуй смазенькой.
Дворомъ летишъ, воркуешъ;
Шатромъ летишъ, слунаешъ.
А кто въ шатре говорить?
Говорить въ шатре
Братъ со сестрой,
Родимой со родимой. —
Сестрица моя родная!
Пойдемъ гулять,
Во зеленой садъ.
Сорвемъ въ саду по цветку,
Совьемъ себѣ по вѣнику.
Понесемъ вѣники къ батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ.
Сударь ты мой, батюшка,
Сударыня ты моя, матушка
Которой вѣнокъ алые?
Которой изъ насы милые? —
Дитя мое милое!
Всѣ вѣники алые,
Всѣ дѣти милые. —

Иногда забавляютъ дѣтей причитаніями:

У котика, у кота,
Была мачиха;
Она била кота,
Приговаривала;

На все стороны,
Кота оборачивала.
Дайте коту папы,
На задние лапы. —
Быть котикъ, — не кроши;
Больше папы не проси. (').

(') Въ Польшѣ приговариваютъ дамы:

Tu tu kokoszka, jagelki warzyła,
W dziobek się sparzila:
Temu dała, temu dała.
Tamtemu lepekk urwała,
I het połeciała,
Do rzeczki.

Połeciała do paproci
Wygrzebiała troje dzieci:
Pierwsze woła gnać.
Drugie poganiać,
Trzecie siędzi na kamieniu,
Trzyma dudki na ramieniu:

Biegła mysz.
Ziadła knysz.
Tu tu siadła.
Knysza ziadła.

Myszko, myszko! gdzieś
była?
U babki.
Coś jadła?
Ochłapki (остатки).
A czemuś nie przynosiła?
Bom zapomniała.

Myszka, myszka poszła do laski,

Zlapała ptaszka,
Nikomu go nie dała,
Sama go ziodła.

Kowalu, kowalu! podkuj mnie buty.

Poczekaj Moszanie,
Niech ogień dostanie. —
Stuk, stuk, stuk.

Iedzie pan, pan,
Na koniku sam, sam.

Iedzie żyd, żyd,
Hotata! hotata!
Iedzie chłop, chłop
Z konika hop, hop.
Golębow. Gry i zabaw. etc.,
ed. Warsz. 1831 r., ч. 3.
c. 7—10.

У петерскихъ Словаковъ
мама сорока известна подъ
именемъ дѣтской каши. Мама
или нянка, взявъ ручку
дитяти, бьеть указательнымъ
пальцемъ по его ладони или
крутить пальцемъ по ладони,
представляя отнынъ, что она

лошадка. Въ праздничные дни, особенно лѣтомъ, всегда и по-всюду встрѣтите мальчишкъ съ веревочками въ зубахъ, бѣгущихъ по два или по три, схватясь за руки, представляя изъ себя лошадокъ. Ими пра-вить бой-кучеръ, который неумолимо хлопаетъ плетью и кричитъ на нихъ. Эта игра есть одна изъ любимыхъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ де-ревнѣ сдва станеть ходить мальчикъ, уже онъ возитъ истоптаный лапоть или Ѵзидѣтъ верхомъ на палочки; поинть своего коня, ставить его въ конюшню, даетъ ему овеа и чистить его. Когда можетъ уже бѣгать по улицѣ, тогда онъ съ восторгомъ снаряжаетъ тройку, которая иногда впряженется въ тележку, и на ней по-мѣщается кучеръ. — Тройка бѣжитъ сначала тихою рысью, потомъ несется, бѣТЬ и опрокидывается повозку. Ушибенный кучеръ забываетъ о своей боли: онъ бѣ-житъ за лошадьми, останавливаетъ ихъ, гладить каж-дую по головкѣ и внимательно рассматриваетъ: не засѣ-лась ли которая? — Намачиваетъ имъ ноги водою, а о себѣ не думаетъ — Эта игра выражаетъ страсть им-щиковъ къ своему занятію.

Играютъ въ лошадки еще проще: садятся мальчики

мѣшаютъ кашу, и приговариваютъ за каждымъ разомъ:

Назарина мамичка кашички,

Польте семъ, подьте семъ, мои дѣточки!

Тому то дала на миштичу,

Тому то на пакичку,

Тому то на ламбрегъ,

Тому то на дыжечку,

Тому то на видличку.

А тому то найменьшему вицъ не дала,

Але му праслато замяла;

Кикъ! кикъ! кикъ!

Kollar: Národn. zpiew. ч. I. с. 315.

и дѣвочки вѣрхомъ на палочкѣ, и воображая себѣ, что онѣ ѿдуть на лошадкѣ, занудымаютъ ее шнурочкомъ или веревочкою, хлещутъ плетью, а за неимѣніемъ ее, тонкимъ прутикомъ, сворачиваютъ свою головку на сто-
рому, скачутъ галопомъ, или во всю прыть, и кричатъ:
«вшель! пади! — Дѣвочки не такъ охотно разыграются
на лошадкѣ, какъ мальчики, обнаруживая себѣ съ
дѣтства, что это не свойственно имъ полу, — потому
онѣ предоставляютъѣздить мушинамъ. —

У дѣтей болѣе взрослыхъ, составляеть любимую еще ^{перегон-}
забаву, — бѣганье въ перегонку. Играющія перегоняютъ
другъ друга, и кто кого перегонитъ, тотъ хвалится съ
самодовольствіемъ. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе
дѣвушки. — Перегонка служитъ къ тѣлесному укрепле-
нію и развитію проворства. — Эта игра называется въ
Малороссіи *выпередки*.

Дѣти, которымъ запрещено отлучаться отъ дома, ^{клѣцки.}
собираются подлѣ воротъ и играютъ въ клѣцки. Образо-
вавъ изъ большаго и указательного пальцевъ кругъ, про-
пускаютъ сквозь него свою слону. — Кто пропуская слю-
ну, уронитъ ее на какой либо палецъ, тотъ получаетъ
название *клѣцки*. — Тогда всѣ начинаютъ дразнить его:
клѣцка, клѣцка; прокислая клѣцка, клѣцка! — Онъ бѣ-
гаеть за ними и ловить; кого поймаетъ, тотъ дѣлается
клѣцкою, который потомъ ловить ихъ точно также,
какъ и первый. Игра продолжается, пока не забѣгаются
вдоволь. — Она составляетъ одну шалость дѣтей.

Дѣти обоего пола взбираются на новыя избы, имѣ-
ющія одинъ только потолокъ, или на другое какое ли-
бо зданіе съ однимъ потолкомъ. Вскарабкавшись по лѣ-
стницѣ, становится четверо по угламъ, а пятой, ставъ по
срединѣ, пригаетъ на обѣихъ ногахъ и поетъ:

Пеня, пень, дай кошечку.
Трещику, гераньку, —
Масла съ ложку. .

.. При последнемъ словѣ всѣ мѣняются мѣстами, лишь же старается захватить чѣ бы то ни было мѣсто, потерявшій же его играетъ пши. Игра продолжается, пока она не наскучитъ; но кто остался въ послѣдній разъ пнемъ, тотъ долгоноситъ это название. Игра въ пень, хотя есть дѣтская рѣзвость, однако ею выражается дурачекъ. —

Теребить носъ. Дѣти шалуны, наскучивъ какой-либо игрою, бросятся другъ на друга, толкаютъ, кричатъ, бѣгаютъ, падаютъ, ушибаются, — этого мало, этого имъ недовольно: они ищутъ другихъ опущеній. Кто порѣзывѣе, тотъ вызываетъ къ новой забавѣ, — теребить носъ. Становятся другъ противу друга, и кричатъ: начинай! — Нѣть ты начинай. — Тутъ одинъ начинаетъ спрашивать, а другой отвѣчаетъ ему. — Чей носъ? — Савинъ — Гдѣ былъ? — Славилъ — Что выславилъ? — Копѣйку. — Куда дѣлъ? — Прянникъ купилъ. — Съ кѣмъ сѣлъ? — Одинъ. — При этомъ словѣ спрашивавшій хватаетъ за его носъ, подергиваетъ во все стороны, приговаривая: не ъшъ одинъ, не ъшъ одинъ: — Если подергиваемый скажетъ тогда: сѣлъ съ тобой, — то носъ его оставляютъ въ покое. — Случается, что не отвязчивые шалуны, до того наклеиваютъ носы, что долго, долго помнить ихъ. — И кто забываетъ носы? Многія водятъ за носы, а многія натягиваютъ ихъ такъ длинно — что вань иѣменскій! —

Эта игра по видимому ничего не объясняетъ собою, но вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно: то за иѣжевые вадохи и любовныя дѣлишки, то за дурачество и житайсіе промахи, — од-

нимъ словомъ носюду носы, — что не получать вѣ? — Обращаюсь къ вамъ, не сердитесь за носы. Безъ носа нельзя быть. — Безъ носа только дурные люди, — фи! — Носъ! носъ! дайте носы: безъ носа никто не можетъ жить.

Лѣтомъ, собравшись мальчики вмѣстѣ, выходятъ на яркую поляну. Тамъ копаютъ въодинъ рядъ нѣсколько ямочекъ, разстояніемъ одной отъ другой на два вершка, а въ концѣ ямочекъ дѣлаютъ одну большую. Одинъ изъ играющихъ катитъ чрезъ ямочки въ большую яму мячъ, который, въ чьей остановится, тотъ подвергается наказанію: становить его на колѣна, ерошатъ ему голову въ поютъ ярку:

Ярка, не яри,
Баранъ, не барана:
Старая овечка да не ярочка.
Вотитель, вотитель! выше города плетень,
А на томъ плетитъ, кузнецы куютъ;
Кузнецы куютъ, но головки бьютъ.

Съ послѣднимъ словомъ, ударивъ мячикомъ по головѣ, разбѣгаются въ сторону. Тотъ схватываетъ мячъ и бросаетъ въ бѣгушихъ; кого засѣкетъ, тотъ долженъ катать мячикъ. Если сдѣлаетъ промахъ, то долженъ катать снова. — Нападеніе враговъ на безсильного и беззасчитность послѣдняго, — не вездѣ ли между людьми? —

Каждый мальчикъ и каждое лягя, какъ только распустится у деревьевъ и цветовъ листья, срываетъ ихъ для своей забавы: листъ прикладывается къ своимъ губамъ и встанувъ въ себѣ, разрывается пополамъ, производя этимъ громкое потрескеніе въ воздухѣ, на подобіе отдаленного выстрѣла. — Этотъ трескъ такъ нравится дѣтямъ, что

Хлопа-
ние и
хлопу-
шка.

онъ ходить по нѣсколько вмѣстѣ и щелкаютъ поминутно, стараясь другъ предъ другомъ выказать свое искусство.

Поэтъ Анакреонъ воспѣлъ эту забаву, которая была любимою у Грековъ.

Свертываютъ еще листъ бумаги трехугольникомъ и хлопаютъ имъ по воздуху,—ходя и бѣгая. Дѣти любятъ пугать хлопушкою мухъ, особенно имъ нравится хлопать неожиданно по идущимъ. — Гуль отъ свернутой бумаги, раздается довольно сильный.

Въ обѣихъ этихъ забавахъ, выражается наклонность дѣтей къ военнымъ занятіямъ.

Куклы. Дѣлаютъ изображенія деревянныя, представляющія дѣвушекъ, мальчиковъ, ребенковъ; всѣхъ ихъ наряжаютъ въ платья и дарятъ дѣвочекъ, которыхъ нянчить свои куклы, ходятъ съ ними въ гости, или сами угождаются имъ.

Эта игра составляетъ пріятное препровожденіе времени для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ приучаетъ дѣвушекъ съ малолѣтства видѣть, въ себѣ самыхъ, будущихъ матерей. Подъ куклами онъ воображаютъ своихъ малютокъ, а себя мамками, няньками и материами. Сколько для нихъ слезъ, если увидять, что кто нибудь ударитъ ихъ куклу! Онъ рыдаются по нихъ, какъ нѣжныя матери по дѣтямъ.

Голубь. Одно изъ проворныхъ дѣтей выбирается ястребомъ на всю игру, или до ухода первого голубя. Въ первомъ случаѣ онъ называется вѣчный, а во второмъ съ хвостикомъ. Играющіе избираютъ изъ своей среди голуба и голубку, а всѣ прочіе составляютъ однихъ птенцовъ. Голубъ летить собираетъ корму, голубка ожидаетъ его съ дѣтьми. Птенцы просятъ хлѣба, но его вѣтъ; они голодаютъ, бродятъ и пищать. — Прилетаетъ самецъ и дѣлить между ними пищу. — Дѣтки уже подросли; имъ не хочется сидѣть дома; онъ пускаются летать по свѣту. Но повсюду есть враги, особенно для счастливаго семейства. Летить ястребъ и устремляется на нихъ. — Онъ

похищаетъ лѣтой по одиночкѣ: голубъ и голубка тоскуютъ. Ястребъ, не довольствуясь расхищеніемъ малютокъ, поражаетъ сначала самца, потомъ самку, — и тѣмъ довершаетъ истребленіе цѣлаго семейства. Бываетъ, что голубъ убиваетъ ястреба. — но если онъ не одолѣетъ его? — Тогда ястребъ развертываетъ всю свою лютость, — выраженіе мстительнаго врага, — поражаетъ его въ голову, рветъ перья и распускаетъ повѣтру.

Разсвѣтлѣвшіяся въ этой игрѣ лѣти, хватаются крѣпко за платья и рвутъ другъ на другѣ, не замѣчая этого.

Голубъ и голубка съ своими птенцами, высказываютъ собою несчастное семейство, страдающее отъ лиходѣевъ; семейство беззащитное, которое разоряютъ всѣкими неправдами.

Игра эта малороссійская; въ нее играютъ преимущественно мальчики. Составивъ кругъ изъ трехъ или болѣе паръ, берутся за руки и двигаются въ одну сторону, припѣвая:

Горо-
бецъ.

Горобичко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чы бачывъ ты, якъ макъ сіютъ?
Якъ макъ сіютъ, якъ макъ сіютъ!

Пропѣвъ это, движущіеся останавливаются: мальчики обращаются другъ къ другу и скавъ кулаки, размахиваются, какъ бы сѣютъ макъ, и бьютъ въ тактъ по бокамъ другъ друга по три раза, съ припѣвомъ:

Оце такъ макъ сіютъ. 3. р.

Потомъ составляютъ прежній кругъ и двигаются по прежнему, припѣвая:

Горобичко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?

Чы бачынъ ты, якъ макъ цвѣте?
Якъ макъ цвѣте, якъ макъ цвѣте!

Кругъ разрывается, мальчики обращаются другъ къ другу, и ударяя по щекамъ три раза: то правой то лѣвой рукою, припѣваютъ:

Оце такъ макъ цвѣте. 3- р.

Опять становятся въ прежний кругъ и движутся по прежнему, припѣвая;

Горобѣничко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чы бачынъ ты, якъ макъ трусять?
Якъ макъ трусять, якъ макъ трусять!

Послѣ этого быстро разрываютъ кругъ, бросаются другъ на друга, схвачиваются за чубы, сталкиваются головами и припѣваютъ:

Оце такъ макъ трусять. 3 р.

Въ это время трусять другъ друга не на шутку, — только что не летятъ волоса. Смысль этой игры: потѣха до ощущительныхъ увеселеній. Молодость не любить тихихъ удовольствій: ей давай, чтобы лобъ трепещалъ, волоса летѣли. —

Еще поютъ иначе :

Шпачку, шпачку, воробѣничку!
Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку?
Чы видавъ же ты, якъ макъ слють?

Отъ такъ, такъ, сють макъ.
 Морковочку, постарнакъ.
 Шпачку, шпачину, воробеичку!
 Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку,
 Чы видавъ же ты, якъ макъ полютъ?
 Отъ такъ, такъ, полютъ макъ,
 Морковочку, постарнакъ.
 Шпачку, шпачину, воробеичку!
 Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку!
 Чы видавъ же ты, якъ макъ товчуть.
 Отъ такъ, такъ, макъ товчуть,
 Мерковочку, постарнакъ.

Нѣсколько дѣтей становится въ одинъ рядъ, съ на-
 званiemъ гусей, и держутся за полы платья другъ у
 друга; впереди ихъ стоитъ бойкой мальчикъ, съ на-
 званiemъ гусака: онъ защищаетъ прочихъ гусей отъ
 нападенія волка, который старается унести гусь или
 гусенька. Волкъ не можетъ хватать ни изъ средины,
 ни изъ первыхъ, но долженъ уносить изъ конца. Онъ
 бѣгаетъ дотолѣ, пока не разстроитъ рядъ и не сква-
 тить съ конца, и такимъ образомъ продолжаетъ перела-
 вливать. Потомъ нападаетъ на самого гусака, и терзаетъ
 его. — Эта игра выражаетъ значеніе голуба. — Она пре-
 имущественно въ употребленіи на Литвѣ и въ нѣкото-
 рыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. —

Избранный волкъ садится на бугоркѣ и думаетъ, какъ
 бы унести овечку изъ стада, которое, разсыпавшись по
 полю, счиляетъ себѣ травку спокойно. Когда волкъ бро-
 сается на овецъ, тогда онѣ разбѣгаются во всѣ стороны;
 пойманная имъ овечка, играетъ уже сѣраго волка. — Иные
 играютъ еще такъ: когда овечки счилятъ травку, тогда
 приговариваютъ: ~~шпилько~~ травку, сѣрому волку; сѣрому
 волку на лопатку, — и бросаютъ ему въ глаза. Разсер-
Сѣрой волкъ.

женный волкъ бросается на стадо, и терзаетъ пойманную овечку. (')

Много на свѣтѣ людей, подобныхъ волкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ смоленской губерніи, играютъ въ сѣраго волка еще иначе. Дѣти выбираютъ изъ среды себя волка и хозяйку: оба они должны быть проворные и смѣтливые. Остальные дѣти представляютъ собою гусей. Хозяйка гонитъ ихъ въ поле, и потомъ возвращается домой. Волкъ сидится на дорогѣ, — хозяйка, спустя нѣсколько времени, сзыываетъ гусей: гуси, лебеди, домой! — Гуси, выстроившись въ рядъ, кричатъ: боимся! — Чего? — Волкъ подъ горой — Что онъ тамъ дѣлаетъ? — Сѣренъкихъ, бѣленъкихъ щиплетъ — Хозяйка не вѣритъ гусямъ, и кричитъ разсердившись: домой! Онъ бросаются летѣть, но волкъ перехвачиваетъ кого можетъ, а прочія гуси прилетаютъ домой.—

(') Въ Польшѣ тоже играютъ въ сѣраго волка, только что тамъ, вместо овецъ, занимаютъ мѣсто гуси. Волкъ сидѣтъ по среди пасущихся гусей, копаетъ землю и разводить огонь. Мать съ гусенками, обходитъ его нѣсколько разъ, и потомъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ:

Гусь. Na co ten dołeczek?

Волк. Na ogniecieżek

Гусь. A ten ogienieczeżek?

Волк. Na wody grzanie.

Гусь. A la woda?

Волк. Na talerzykow umywanie.

Гусь. A te talerzyki?

Волк. Na gazy krajanie,

Гусь. A gdzie je masz?

Волк. U ciebie za pasem.

Сказавъ это, волкъ бросается на послѣднюю или крайнюю гусь.—Geleb.: Grzy i zabaw., etc. ed. Warsz. ч. 3, с. 69 и 70,

Хозяйка снова отправляет ихъ въ поле, и потомъ снова приказываетъ возвратиться домой. Волкъ опять перехватываетъ гусей, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не переловитъ всѣхъ ихъ и тымъ оканчивается игра. — Въ Малороссіи эта игра извѣстна, подъ именемъ гусей. Изъ играющихъ избирается волкъ и хозяйка, остальные играютъ гусей. Волкъ сидить гдѣ нибудь въ сторонѣ; а хозяйка, избравъ мѣсто для своей хаты, гонить въ поле гусей со двора. Когда отойдутъ гуси на довольноное разстояніе, тогда зоветъ хозяйку:

Хоз. Гуси до дому!
 Гус. Вивѣ за горою.
 Хоз. Шо робить!
 Гус. Гуску скубе.
 Хоз. Якую?
 Вол. Сиру, да билу, да волохнату.
 Хоз. Скорїй же мои гуси до хаты.

Гуси летятъ домой, волкъ бросается ловить, и если поймаетъ какую либо, то ведеть ее въ свою нору.

Хозяйка опять гонить въ поле гусей, и опять зоветъ ихъ по прежнему. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока волкъ не переловитъ всѣхъ. Тогда хозяйка идетъ искать гусей своихъ, и заходитъ къ волку.

Хоз. Здоровъ куме.
 Вол. Здравствуй кумо.
 Хоз. Чи не бачывъ моихъ гусей?
 Вол. А яки твои гуси?
 Хоз. Була сира, булы й билы, да зъ двора десь залетили; ось вже третій день шукаю.
 Вол. И не бачывъ, и не знаю.

Хозяйка хочетъ итти, но волкъ останавливаетъ ее: вернысь кумо, побалакаемъ. Хозяйка останавливается, слышитъ пискъ и съченіе гусей:

Хоз. Шо се съчить куме?

Вол. Да се кумо, лёнь товчуть.

Хозяйка идеть домой, волкъ опять останавливаетъ; кумо побалакуемо. Хозяйка остается, и слышитъ гусы хлопаютъ крыльями.

Хоз. Шо се таке куме?

Вол. Се плаття перуть.

Хозяйка идеть, волкъ снова: да постій кумо, побалакуемо. — Хозяйка остается и слышитъ крикъ гусей. Она оборачивается въ ту сторону, гдѣ слышитъ крикъ и спрашивается:

Хоз. А се що кричить, куме?

Вол. Се гуси прилетели. —

Иди подымись; може тутъ и твои е!

Хозяйка отправляется смотрѣть, и видитъ своихъ гусей. Всѣ онѣ сидять, сѣпившись руками. — Познай кумо, де твои гуси. — Хозяйка разнимаетъ руки и говорить; оце мій, оце мій, а, крый Боже! оце тутунька вси мои. — Сирый вивкъ, шобъ ты сгинувъ! — Она гонитъ своихъ гусей домой, и тѣмъ прекращается игра, но ее начинаютъ снова, если захотятъ.

Мышка. Дѣти избираютъ изъ своей среди водыря, а прочія, съ названіемъ мышекъ, становятся по угламъ около дома, или другаго зданія. Въ пыыхъ мѣстахъ Россіи, мышка избирается изъ того, кто скажеть нечетъ, и этотъ нечетъ занимаетъ уголъ. Нечетовъ не должно быть много. Водырь, а въ другихъ мѣстахъ оны называются котъ, ищетъ себѣ такъ же уголъ, потому подходитъ къ каждому и говоритъ: мышка! — продай

уголь. Ему отвѣчаютъ: не продамъ.—Когда ему скажутъ: обернись задомъ, тогда онъ высматриваетъ себѣ мѣсто и старается захватить чай нибудь уголь. Въ то время мышки перебѣгаютъ изъ угла въ уголъ, и сѣять не допустить къ нему водыра. Лишившися мышки угла, дѣлается водыремъ или котомъ.

Кто хитеръ, тотъ живеть въ чужомъ углѣ, какъ въ своемъ.

Предметъ ея: крыночка съ молокомъ, котъ, котова ^{крыноч-}_{ка} бабушка и дѣти, — все это доставляетъ удовольствіе дѣтскимъ проказамъ. Дѣтамъ хочется полакомиться молокомъ, но старая женщина, котова бабушка, сторожить молоко. Дѣти ласкаются около котовой бабушки, посматриваютъ на молоко,—старушка ворчитъ; и есть изкося поглядываетъ и гровить запустить въ нихъ свои когти. Они выманиваютъ его изъ избы. Дѣти хитрятъ: однѣ изъ нихъ скрываются на палатѣ, а другія начибаютъ со старушкою разговоръ. — Бабушка, гдѣ твой котикъ? — Поешь голодать кости, на во-новъ дверь. — Бабушка, а это чія нога? — Вора-плута, Наталина жениха. — Бабушка хочешь ли въ нашу баньку? — Кацая у васъ банька, видите себѣ прочь. — Не сердись бабушка: у насъ банька калленная; топили молодцы семь дней, а пару въ неї для семи деревень. — А какой вѣничекъ? — Вѣничекъ-то изъ шелку шамаханскаго. — Бабушка идетъ въ баню; дѣти призываются за молоко и разбиваютъ крыночку. — Бѣжать котъ и маучить. — Почуяла бѣду бабушка, и она бѣжать. Дѣти уходять; бабушка гонится за ними съ сѣрымъ котомъ. Первый словленный дѣлается котовою бабушкою, а второй котомъ. Потомъ опять начиняется игра, въ прежнемъ порядкѣ.

Все въ жизни ищетъ удовольствій и наслажденій, и

потому для пріобрѣтенія ихъ, не рѣдко употребляютъ обманы и хитрости.

Сучка. Выкапываютъ не болѣе въ полъ аршина яму, называемую сучка, которая представляется собою городъ. По краямъ ямы дѣлаются для каждого игрока небольшія ямки, называемыя лунки, представляющія дома жителей. — Одна половина игроковъ, какъ защитники своего города, вооружаются вмѣсто оружій палками. Другая половина, избравъ изъ среди себя вожатаго, идетъ съ нимъ на городъ.—Избраніе вожатаго совершается съ воинскою хитростью. — Ставить палку на ногу и бросаютъ ее вверхъ. Чія палка падеть отъ сучка дальше, тотъ игрокъ; чія ближе, тотъ вожатой. Игроки становятся у лункахъ своихъ, съ опущенными палками. Вожатый бросаетъ палку въ сучку, произнося: «еси; защитники города спѣшать отбить ее. Вожатый, попавшій въ сучку, сминается другимъ и преимущественно тѣмъ, который, стараясь отбить сучку, оставилъ свою лунку.—Игра эта наклоняетъ дѣтей къ военному упражненію. — Минь случалось видѣть, что въ нее играли довольно взрослые парни.

Въ смоленской губерніи употребляется сучка болѣе осенью. Дѣлаютъ изъ лыкъ или дерева шаръ. Выбравъ ровное мѣсто, начерчиваются на немъ кругъ, а въ срединѣ и по окружности круга, вырываются ямочки произвольной глубины. Однако наблюдаются, чтобы вырытая въ срединѣ ямка, была бы всѣхъ болѣе. Каждый, участвующій въ игрѣ, занимаетъ только свою ямку; но тотъ, кто по собственной волѣ или по жребію остался въ круга, тотъ катитъ шаръ, стараясь попасть въ какую нибудь ямку; стоящіе подлѣ нихъ, отбиваются сучку.— Во время отбоя, катящій шаръ долженъ занять чѣбы то ни было мѣсто; потерявший его, выходитъ за кругъ и исполняетъ работу первого. Когда шаръ по-

падеть въ ямку посреди круга, тогда всѣ должны переняться мѣстами, и кто потеряетъ его, тотъ отправляется катать шаръ. При этой игрѣ требуется ловкость и проворство, какъ и при первой.

Отрубокъ дерева въ четыре вершка, или ибѣсколько Клюкъ. побольѣ, называется клюкомъ. Его ставить въ кружкѣ, называемомъ поле. Играющіе конаются на палкѣ: чія рука будетъ выше, тому первымъ бить клюкъ; а чія ниже, тому пасти его въ полѣ. Отъ поля отмѣривается условленное разстояніе, которое отмѣчается чертою; изъ за нее начинаютъ бить, а пасущійставить всякій разъ сбитый клюкъ. Кто попадеть въ него палкою, тотъ беретъ ее съ собою; а кто не попадеть, тотъ оставляетъ ее лежать, гдѣ она упала. По окончаніи сбиванія, пасущій бросаетъ клюкомъ въ одну какую нибудь, изъ лежащихъ за полемъ паку, и въ чю попадеть, тому пасть. — Кто же возьметъ, лежашую въ полѣ палку, до побитія ея клюкомъ, тотъ долженъ пасть, и это называется клюковатъ, т. е. поставить за клюкъ самаго себя, и въ него такъ же мѣтятъ, какъ въ клюкъ. Бросающій въ клюкъ можетъ выкупать себя сть обязанности пасти, потому позволяетъ ему цѣлить, и когда онъ цѣлить, тогда кричатъ: выкупи себя, искупи себя! Если играющіе часто попадаютъ, тогда бѣда пасущему: онъ бѣгаєтъ за сбитымъ клюкомъ, ставить его; онъ падаетъ, а надъ нимъ смеются: горячаго! горячаго! Это значитъ: поскорѣй, горячій клюкъ. Часто утомляютъ его до того, что онъ бросаетъ ставить. Тогда гонятъ его со смѣхомъ и дразнятъ: клюкъ, клюкъ, горячій клюкъ! — Въ клюкъ играютъ собственно мальчики, которые допускаютъ и одновозрастныхъ сть ними дѣвушекъ.—Эта игра, обнаруживающая мѣткость и проворство, принадлежитъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ.

Шнуръ. Дѣти обоего возраста, приучаются съ малолѣтства прыгать ловко черезъ шнуръ, на всемъ бѣгу. Обыкновенно держать его позади спины, и опускаютъ каждый разъ такъ, чтобы во время скачки перескакнуть, не задѣть его. Шнуръ составляетъ гимнастическое упражненіе.

Веревочка. Это почти тоже самое, что шнуръ. — Двое вяявшились за концы веревочки, крутятъ ее проворно. Въ это время искусные попригуны перепригибаютъ черезъ веревочку, и продолжаютъ прыгать, пока не задѣнутъ ногою.

Приганіе чрезъ веревочку, есть любимое занятіе дѣтей въ Парижѣ. — Однако оно и въ Петербургѣ господствуетъ между дѣтьми, забавляющимися на да-чахъ и въ лѣтнемъ саду.

Бумажные змѣи. Склеиваютъ бумагу, величиною въ листъ или полулистъ, и перекрещиваютъ его двѣмя деревянными пластишками, по большей части сосновыми. Вверху полулиста дѣлаютъ изъ трехъ нитокъ, въ правильномъ размѣрѣ, ротъ; къ нему прикрѣпляютъ шнуръ, изъ сученныхъ нитокъ, а въ низу полулиста привязываютъ хвостъ, изъ мочалъ или бичевки. Подъ ртомъ привязываютъ трещетки, склеенные изъ бумаги. Все это образуетъ змѣя, котораго пускаютъ на шнурѣ, во время вѣтра. — Онъ поднимается довольно высоко, сколько позволяютъ длина шнура. По этому шнурѣ пускаютъ къ змѣю вырѣзанные круглые бумажки, называемыя посланки. — При сильномъ вѣтре змѣй извивается, вертится и кружится; отъ привязанного къ нему языка и отправляемыхъ посланокъ, онъ трескачитъ, гудеть и кувыркивается съ ревомъ. Пускатель змѣя, восхищается трескомъ и его изворотами. — Пусканіе змѣй подало Франклину мысль, къ изслѣдованію воздушнаго электричества.

Скрытые друзья, опасные зайцы.

Общая для мальчиковъ и девушки игрь, это рыбка. Рыбка. Она совершается большою частю осенью, потому что во время лѣтникъ работъ, все бываетъ занято.—Играющія въ рыбку вбивають колышекъ, и къ нему привязываютъ веревочку; около колышка набрасываются въ кучку осметки, т. е. худыя лапти, башмаки и сапоги, и сколько можно по больше. Все это представляетъ рыбку, которую должно воровать. Держащейся кто нибудь за веревку, называется коноводецъ: онъ бережетъ рыбку, но ее вытаскиваютъ изъ подъ ногъ его; шумѣть, кричать и дразнить коноводца, который бѣть ворующихъ осметкомъ. Всякой избѣгаешь обязанности коноводца,—потому что когда разнесутъ всю рыбку, тогда онъ убѣгаешь отъ побоевъ воровъ, чтобы спрятаться въ какомъ нибудь мѣстѣ. Во время его побѣга бросаются въ него осметками. Тамъ оканчивается игра, но при ней наблюдаютъ слѣдующія правила; кого ударитъ коноводецъ осметкомъ, тотъ долженъ водить; кто водить, тотъ обязанъ складывать около колышка унесенный осметки и стирать ихъ.

Рыбка не тѣ ли самые лиходѣи, которые обкрадываютъ своихъ сосѣдовъ?

Тюзикъ есть небольшая палочка, длиною не болѣе тюзикъ пяти вершковъ; съ обѣихъ концовъ она кругло-подструженна, чтобы при ударѣ по концу, могла подскакивать вверхъ.—Палка для тюзика приготавливается болѣе аршинна. Начинающій игру кладетъ тюзикъ на черту, бѣть по концу его, и если онъ подыгнется вверхъ, то онъ подбиваетъ его на легу. Слѣдующій за нимъ игрокъ, идетъ къ тому мѣсту, где упалъ тюзикъ, бросаетъ оттуда въ черту, приговаривая: чуръ не отбить, не выкрутъ, не подкасырушки, какъ лежишь, такъ и биши, не коаложь воротиши. —

Это приговариваеть всякий, кто бросаетъ тюзикъ. Если кто вбросить тюзикъ въ черту, то онъ самъ бьеть его; если не вбросить, то бьеть съ того мѣста, на которое онъ увалъ. Дѣлаютъ двѣнадцать ударовъ, кто ударить въ тринадцатой, то говорятъ: *палка на бакю*. Кто послѣ всѣхъ сдѣлаетъ двѣнадцать ударовъ, тому гоняютъ куры. Взять въ лѣвую руку тюзикъ, и положивъ на его спину, бьеть каждый по три раза. Кому гнали куры, тотъ за всякие три раза отбивается назадъ тюзикъ только два раза, а за третій разъ онъ прыгаеть на одной ногѣ, къ чертѣ.—Если онъ перегонитъ тюзикъ за черту, то прыгаютъ на одной ногѣ всѣ гнашіе куры, отъ тюзика къ чертѣ. Всѣ они называются московскими курами.—Есть еще петербургскія куры, которые разыгрываются такъ: когда подбросивъ вверхъ тюзикъ одной рукою, тогда бьуть его той же рукою, только вкось.

Игра эта выражаетъ насмѣшку на вѣтринность столичныхъ курицъ, которая прыгаютъ во всю свою жизнь, а подъ старость убираются въ деревню на одной ножкѣ.

Орѣшекъ.

Дѣти выбираютъ возвышенное какое нибудь мѣсто: бугоръ, высокій край канавки, даже камень или лужу. Одна половина изъ играющихъ становится на изображаемъ мѣстѣ, замѣняющемъ крѣпость, а другая нападаетъ на нее, и старается выгнать изъ укрѣпленія. Если осаждающіе успѣютъ занять крѣпость, то становятся на мѣстѣ осаждаемыхъ и кричатъ: *нашъ городъ Орѣшекъ!* Вытѣсненные изъ Орѣшка, начинаютъ потомъ сами осаждать его, и дотолѣ продолжаютъ осаду, пока не овладеютъ крѣпостію, и не закричатъ въ свою очередь: *нашъ городъ Орѣшектъ!*—Такимъ образомъ переходить мѣсто безпрестанно, отъ однихъ къ другимъ.

Игра Орѣшекъ повидимому одна дѣтская шалость,

но винка въ нее, вы открываете, что это напоминание о взятии крѣпости Шлиссельбурга, который въ древности принадлежалъ намъ и назывался Орѣшкомъ; потомъ Шведы отняли его у насъ и переименовали его въ Нотебургъ (шведское слово, которое значитъ Орѣшекъ); но по взятии его Петромъ В., онъ назвалъ его Шлиссельбургомъ (ключемъ города). — Орѣшекъ, переходившій нѣсколько столѣтій изъ рукъ въ руки, памятень борьбою нашихъ предковъ со Шведами, пока Петръ I не разшиль споръ. — Эта распра народочъ, за обладаніе сѣверно-западной страною, сильно врѣзилась въ память жителей этого края, и преобразовалась въ игру Орѣшекъ, которая употребляется только въ Шлиссельбургѣ (петербургской губ.).

Весною, за нѣсколько времени до заходженія солнца, собираются дѣти обоего пола на зеленую траву предъ домомъ, и побравшись за руки, составляютъ кругъ, но такимъ образомъ, что лица играющихъ, обращены къ окружающимъ ихъ предметамъ, или лучше сказать, обворачиваются спиной другъ къ другу, и начинаютъ кружиться въ одну какую либо сторону, съ пѣніемъ или безъ пѣнія. Чтобы не оторваться отъ круга, и потому не упасть, надобно умѣть хорошо держаться за руку и имѣть твердость въ ногахъ; но какъ часто случается, что при круженіи спотыкаются и падаютъ, то надъ падающими смыкаются, какъ вездѣ. Упавшій, уже есть потерянной; его даже не принимаютъ въ игру; его теряютъ, почему называется терять. — Выраженіе этой игры, просто дѣтская забава.

По выпаденіи первого сиѣга, дѣти катаютъ изъ ласы него шары, обливаютъ водою, и замершіе эти шары, называемые ласами, продаютъ дурнямъ. Отсюда произошла поговорка точить ласы, — т. е. несть вздоръ.

Ласы покупаются на бабки; играющие въ ласы, назначаютъ особое мѣсто для рынка; сюда сходятся покупать коровъ. — Продай корову, говорить одинъ. — Изволъ, отвѣчаетъ другой, и бросаетъ ему ногой свою ласу. Непроданная ласа, пріобрѣтается ловкимъ попадомъ въ нее бабкою; если не попадеть въ ласу, то самъ плотить бабками, по сдѣланному напередъ условію. Игра продолжается, пока кто не проиграетъ своихъ бабокъ.

Всѣ купцы, которые обманами и нечестной торговлею хотятъ разбогатѣть скоро, раззоряются.

Сити-
нала изо-
бреже-
ния. Если выпадетъ довольно снѣга, то дѣти тогдѣ честь сѣшшать дѣлать статуи въ пещеры. Статуи бывають съ головой, глазами, а вмѣсто рукъ продергивають палки. Нѣсколько изображеній ставить въ одинъ рядъ, ходить около нихъ и любуются: чія выше и лучше. Потомъ начинается нападеніе на статую, со стороны непріятелей: владѣтели защищаются, непріятель беретъ приступомъ и разрушаетъ ихъ.

Пещеры дѣлаются такъ же изъ снѣга: они бывають небольшія, круглые, съ окошечками съ двухъ сторонъ: на нихъ также нападаютъ, какъ на статуй.

Снѣжныя изображенія пробуждаются въ дѣтяхъ наклонность къ художественнымъ занятіямъ, конькъ развитіе зависитъ въ послѣдствіи отъ образованія.

Волчекъ. Продолговатая деревянная шашка, съ деревяннымъ шпилемъ, или костяная съ таковымъ же шпилемъ, называется волчкомъ. Намотавъ шнурочекъ на шпиль, вкладываютъ его въ просверленную на деревянной лопаткѣ дыру; потомъ дергаютъ за конецъ шнурочка, выпущенного изъ подъ шпilla, и пускаютъ волчекъ по ровному мѣсту, но болѣе всего по деревянному полу. Выпущенный волчекъ дѣлаетъ прыжки, свистѣть и гудѣть.

Эта игра старинная и въ большомъ употреблении; ею забавляются преимущественно въ пожояхъ: осенью и зимою. Охотники пускаютъ волчокъ по льду, но та-кевые охотники, уже больше, нежели дѣти.— Волчокъ служить къ одному препровождению времени. — Въ другихъ мѣстахъ волчекъ называется кубаремъ; кото-рымъ также играютъ, какъ волчкомъ. — Поговорка: *онъ ходитъ кубаремъ*, произошла отъ кружения куба-ри, опизывающаго кругъ, или лучше сказать: онъ хо-дитъ кругами, дѣлаетъ круги въ мысльги, изворачива-ясь то въ одну, то въ другую сторону.

—

II. ИГРЫ ДѢВИЧЕСКІЯ.

Нѣсколько дѣвушекъ, собравшись на лугу, въ полѣ макъ, или около домовъ, назначаютъ одного какого либо мальчика земледѣльцемъ; сажаютъ его по срединѣ сво-его круга, и взявшись за руки, поютъ:

Маки маковычки,
Золотыя головочки !
Въ подзагоры зеленый макъ.
Маки маковычки,
Золотыя головочки !

Послѣ они спрашиваютъ земледѣльца: поспѣла ли макъ? — Тотъ отвѣтчаетъ, что онъ еще пашетъ землю для посѣва мака; послѣ отвѣтчаетъ, что сѣть, и продолжаетъ высказывать, пока онъ созрѣсть. При каждомъ отвѣтѣ дѣвушки поютъ прежнее, пока онъ не скажетъ, что по-спѣла макъ. — При этомъ словѣ они устремляются на земледѣльца и щиплютъ ему голову, вместо мака. Эта игра переобразована изъ хороводной забавы макъ, и

она означаетъ развѣзгашую весну, въ которую столько удовольствій для забавъ дѣвушекъ, и столько тягостей для земледѣльцевъ. —

Горѣлки Употребляются во всей Россіи. Вечернею порою собираются дѣвушки на просторное мѣсто, на лугъ или въ садъ. Взявшись за руки, становятся попарно въ кружекъ; одна, избранная изъ нихъ, должна горѣть: она поймывается въ срединѣ, и стоитъ какъ бы безъ всякаго вниманія. Въ это время прочія разбѣгаются въ разныя стороны попарно, и кого она успѣетъ разлучить, та занимаетъ ее мѣсто.

Дѣти играютъ иначе: впереди стоитъ тотъ, кто долженъ горѣть, а позади его двѣ пары. Горю бѣжитъ впереди, за нимъ, на нѣсколько отъ него шаговъ, тѣ обѣ пары, которыя держаться за руки. Онъ оборачивается, хочетъ схватить кого нибудь; пара разрознивается, бѣжитъ въ сторону; онъ не допускаетъ имъ соединиться, бѣгаетъ за ними, — но они схватились за руки, и конечно: надъ нимъ смибаются, хохочутъ и опять заставляютъ его горѣть. Если же онъ поймаеть одного отъ разлучившейся пары, то разлучившійся играетъ горю, а самъ онъ становится на его мѣсто, — и такимъ образомъ продолжается игра, которая доставляя случай рѣзвиться дѣтямъ, укрѣпляетъ тѣло, и потому дѣтскія горѣлки, есть ничто иное, какъ беззаботное и веселое бѣганье.

Еще играютъ въ горѣлки иначе: одна изъ дѣвушекъ становится среди комнаты, и говоритъ жалобнымъ голосомъ: горю, горю на камешкѣ; кто любить, тотъ сминасть меня. Если нѣтъ отзыва, то она сгораетъ отъ любви. Но на ея призывъ подходитъ мушкана, береть за руки и цѣлауетъ ее. — Самъ онъ становится на ея мѣсто, и говоритъ тоже.—Любящая его, немедленно сминается. Эта игра собственно для дѣвицъ, но она допу-

сказь въ свой кругъ молодыхъ людей, которые пользуются случаемъ къ изъясненю своихъ чувствъ. Каждая забава дѣвицъ имѣть свои увертки, оправданія и обманъ; но тутъ самая строгія и опытная матери, ловко проводимыя своимъ дочерьми, хвалятся, что ихъ дочери рѣзвятся только. —

Любовь давно тревожитъ сердце дѣвушекъ, а дѣвушка давно ищетъ мысленно имъ любимаго, и горить къ нему. Для дѣвицы не существуетъ нѣтъ. Въ ея воображеніи созидается заранѣе предметъ. Дѣвица въ шестьнадцать лѣтъ, — не тронь меня: она тогда еще не решительная, боязливая, а въ восемнадцать лѣтъ: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ порохъ.

Эта игра изобрѣтена деревенскими дѣвушками, для дѣвушки. Безопаснаго ихъ цѣлованія съ парнями. Одна изъ дѣвокъ береть по числу парней лыка, перегибаетъ ихъ поперекъ чрезъ указательный палецъ и спутываетъ концы; потомъ подзываетъ къ себѣ парней и дѣвушекъ, и предлагаетъ имъ выбирать любой конецъ. По разображеніи всѣхъ концовъ, она пропускаетъ ихъ сквозь пальцы, и тѣ, которые держатся за концы, должны цѣловаться.

Любовь вездѣ съ продѣлками и въ этомъ разѣ соста- сижу на-
вляетъ любимую игру дѣвушекъ: сижу посижу, потому что въ ней представляется случай полюбезничать и поговорить вдоволь съ тѣмъ, кого любишъ. О это много для влюбленныхъ. — Дѣвушки и мушки садятся на лавкахъ въ кружокъ, или на коврѣ, посланномъ на полу. Одна дѣвушка, съ завязанными глазами, какъ слепой амуръ, ходить въ кругу и говорить: —

Братцы, сестрицы,
Пріймите меня!

Сидящіе молчатъ; она продолжаетъ просить:

Лушенка сестрица,
Миленькой браженъ,
Пріймите меня!

Ей отвѣчаютъ: садись съ нами, миленькая сестрица. — Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: иди, садись съ нами. Она идетъ, садится кому либо на колѣна, и говоритъ: сижу посижу. У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать, а сторонніе спрашиваютъ: у кого она сидить? Если отгадаетъ, то тому играть сижу посижу. Случается, что дѣвушка сидитъ да посиживаетъ на колѣнѣ, малаго ей сердцу, притворяясь невѣданіемъ — лукавство женское! Мужчины хоочутъ и бываютъ въ ладоши, а дѣвушки досадуютъ и съ завистью смотрятъ на подругу. —

Безъ соли, соль, Эта игра рѣзкая и рѣдко проходитъ безъ ссоры. Дѣвушки бросаютъ между собою жребій: кому изъ нихъ сидѣть съ завязанными или зажмуренными глазами, а кому ловить и перескакивать черезъ ноги съ закрытыми глазами. Доставшимся участь сидѣть, садятся другъ противу друга съ протянутыми ногами, зажмуривъ глаза и заложивъ за спину руки. Прочія дѣвушки, приговаривая: безъ соли соль, перескакиваютъ имъ черезъ ноги; сидящія должны ловить. Словленная часто огорчается, говоря, что ее цоймали съ открытыми глазами. Начинаются упреки, за упреками укоризны. Но старушки, наблюдающія за играми, марятъ ихъ. Пойманная садится на мѣстѣ словившей, и игра продолжается снова. Обѣ эти игры: сижу по сижу, безъ соли соль, означаютъ скрытную любовь дѣвушки.

Жмурки. Игра въ жмурки не есть принадлежность однѣхъ дѣвушекъ, но дѣтей и взрослыхъ молодыхъ людей.—Играютъ въ лѣтнее время и зимніе вечера. Въ Великоруссіи она превращена въ дѣйствующіе лицѣ слѣдаго козла, а

въ Малороссіи въ панаса. Одной изъ дѣвушекъ завязываютъ глаза, ведутъ ее къ дверямъ и ставятъ вместо слѣпаго козла. Тутъ козель стучитъ ногами, бодаетъ рогами въ дверь; на его стукъ сбываются, бьють по его спинѣ ладонью и перемѣнивъ голосъ, говорятъ: Афанасъ, не бей насть; Афанасъ, ходи по насть. Часто не вѣдь дѣвушки спрашиваютъ, а только бьють, бѣгая около него, и когда онъ повернется, разбѣгаются во все стороны. Козель долженъ ловить ихъ, потому въ это дѣло избираютъ прыткую и изворотливую. Не смѣливая дѣвушка гоняется до поту, и не можетъ склонить. Тогда, изъ одного сожалѣнія къ ней, смѣняютъ другою. Во время дѣйствія разсерженый козель бѣгаетъ по комнатѣ, скакаетъ черезъ стулья, столы, скамейки; все опрокидывается или самъ падаетъ. Около его прочія кружатся и постоянно раздражаютъ воющими побоями, насмѣшками и приколомъ. Рѣзвое и беззотчетное бѣганье, доставляетъ немыслимое удовольствіе молодости. Весьма часто случается, что въ жмурки допускаютъ молодыхъ мушпанъ, и тогда преимущественно избираютъ изъ нихъ козла. — Позманный въ игрѣ, смѣняетъ козла.

Въ Малороссіи панасъ, — тоже самое что Афанасій, — отводится къ дверямъ съ завязанными глазами. Панасъ получаетъ удары, съ приговоромъ: Панасъ, Панасъ не ходи по насть: Панасъ, узнай насть, Панасъ, зови насть. — Онъ бросается ловить, и ловить ту, которую любить, и какъ бы нечаянно, жметъ руку или держитъ, ухвативъ ее. Замѣчено, что влюбленные болѣе всѣхъ играютъ. Надъ ними смѣются, во любовь ничего не видить. Жмурки есть олицетвореніе скрытной, но пламенной страсти. — Любовь и въ игрѣ находить свое мѣсто, и то не игра, гдѣ нѣтъ ее.

По нѣкоторымъ сезонамъ жмурки называются ку-

люпушки и кулички, и это преимущественно въ пинзенской губерніи.—Тамъ послѣ конакія (жребія), кому играть, завязываютъ глаза, или вмѣсто конакія одѣть изъ игроковъ мараетъ сажею свой палецъ, и зажавши его съ прочими, подходитъ ко всѣмъ и предлагаетъ выбрать любой палецъ, и тотъ, кто возьмется за осаженный, тому завязываютъ глаза платкомъ, или нахлабучиваютъ на глаза шапку, подводятъ къ дверямъ, а иногда толкаютъ со смѣхомъ, говоря: ступай въ куть, тамъ блины пекутъ, тебѣ блинъ ладуть. Подошедшіи къ дверямъ, онъ стучитъ, а его спрашиваютъ: кто тамъ? Дядя Тарасъ.—Ходи по нась, не открывай глазъ. — Послѣ этого самы ходятъ тихо, около дяди Тараса, прижимаются, причутся: онъ бросается во всѣ стороны: по стуку, бѣготнѣ и смѣху. Поймавши кого либо, онъ долженъ отгадать имя его; если не отгадаетъ, то снова дядя Тарасъ. Поймавши двухъ или болѣе, ему говорятъ: пень да колода,—и онъ отпускаетъ ихъ: Когда поймаетъ одного и назоветъ его по имени, тогда занимаетъ его мѣсто пойманый.

Котики. Они имѣютъ большое сходство съ жмурками. Одному завязываютъ глаза, и становить его посрединѣ комнатѣ, всѣ прочие дѣлаютъ около него кругъ. Составляющіе кругъ принимаютъ название цвѣтовъ и растѣній: розы, терновника, чертополоха и проч. Съ завязанными глазами, при произнесеніи слова счетъ, показываетъ рукой на себя или на играющихъ поочередно, но при послѣднемъ словѣ счетъ! на кого онъ покажеть, тотъ выходитъ изъ счета играющихъ. Тогда остальные приговариваются:

Шли кони по выгори, по выгори,
А чѣмъ они попутаны, попутаны?
Золотымъ путомъ подъ конытомъ,—бразъ!

Всѣ разбѣгаются,—а съ связанными глазами ловить ихъ. Если онъ поймаестъ и отгадаетъ пойманаго имъ, то послѣдній заступаетъ его мѣсто.

Нѣсколько дѣвушекъ сѣвъ въ кружокъ, кладутъ на ^{Пороги-}_{чкы.} колѣна своей подруги по два пальца. Проворная изъ нихъ произноситъ бѣго: первенчики, друженчики, трианы, волынцы, поповы ладынцы, цыкень, выкинь. Если выкинь падеть кому нибудь на одинъ изъ пальцевъ, той начинать игру. Предусмотрительные выдергиваютъ свои пальцы прежде, нежели произнесется выкинь. Хитрыя дѣвушки, иногда мучатъ свою подругу весьма долго.

Беззаботная жизнь дѣвушекъ, которыхъ наслаждаются ею кратковременно.

Дѣвушки избираютъ изъ среди себя двухъ ловкихъ ^{Корабль}_{изъ}_{изб.} и голосистыхъ. Одна изъ нихъ становится по среди избы, другая ходить по ней, а прочія разсаживаются по мѣстамъ. Ходящая по избѣ подходитъ къ одной изъ сидящихъ, беретъ ее за руку, водить по комнатѣ и поетъ,—сначала одна:

Какъ по нашей рѣчкѣ
Быстрой и глубокой,
Плынутъ, летять кораблики
Изъ моря далѣка.
Всѣ прочіе кораблики
Въ городахъ оскальевъ :
Они грузны сверху до дна,
Бархатомъ и шелкомъ.
Теперь его раскупаютъ
Кунцы да бояре,
Своимъ дочкамъ въ приданое,
Женай на наряды.
И къ намъ плыветь
Корабль быстрой,

И памъ пасеть
Платковъ да цардовъ;

Обращаясь къ той, которую водить за руку:

Пльви, пльви корабликъ шашъ,
Поспѣшай скорѣ;
Приведи памъ посвѣжѣе,
Заморскихъ товаровъ.

Она останавливается передъ той, которая стоитъ по среди комнаты, и стучитъ ногой три раза. Та спрашивается: кто тамъ? Корабль. — Что привезъ? Мельнику. — О сколько поставовъ? — Объ одномъ. Въ это время стоящая береть за руку ту, которую привела ходящая; ставитъ ее вмѣсто корабля по правую свою руку, и начинаетъ пѣть, топая правою ногой обѣ поль; за мей поютъ всѣ сидяція, топая также правою ногой:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися;
Намели ты солоду,
Дѣвушкамъ ма бражку.

По окончаніи этого, назначенная ходить по комната, идетъ опять къ сидящимъ своимъ подругамъ, береть за руку одну изъ нихъ, и ходить съ нею по комнатѣ, снова запѣвая прежнюю пѣсню:

Какъ же нашей речѣт
Выстѣрой и глубокой и пр.

Сидяція и стояція, топая правою ногой, поютъ всю эту пѣснь вмѣсть съ нею. Когда же пропоютъ конецъ пѣсни:

Пльви, пльви, корабликъ шашъ,
Поспѣшай скорѣ;

**Привези намъ изъятые
Закоренѣхъ твароны.**

Тогда приведшая подругу за руку, опять останавливается предъ стоящей посреди избы, и топаетъ три раза ногою. Вопросы и отвѣты одни и тѣ же, какъ и прежде, изключая того, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? — Ходящая отвѣтываетъ: о двухъ. Тогда первая принимаетъ къ себѣ приведенную,—составляющую также корабль, и сколько бы ни было приведенныхъ, то всѣ онъ именуются кораблями,—топаетъ обѣ поль обѣими ногами и поетъ, за нею всѣ остальные:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися;
Надери ты крупки,
Да гречишной мучки,
Дѣвушкамъ на кашку,
На блины, алады,
На мягкия на сладкія
Здобыи черепеники (').

Пропѣвши это, всѣ продолжаютъ топать ногами, а ходящая подходитъ снова къ сидящимъ, береть ту, которая ей понравилась, и запѣваетъ туже цѣнью:

Какъ по нашей рѣчкѣ и ир.

Съ нею поютъ всѣ прочія, продолжая топанье. По окончаніи пѣсни ходящая опять останавливается предъ стоящей, топаетъ три раза ногой; разговоръ ведется

(') Черепеники накутии въ черепнакъ, изъ круглаго гречишнаго теста.

прежній, только на вопросъ: « сколько поставовъ? » та отвѣтаетъ: о трехъ.—Тогда стоящая, принимая по прежнему приведенную, правою рукой, ставить ее въ рядъ съ другими приведенными, ударяетъ лѣвой рукой объ бедро, начинаетъ пѣть, за ней всѣ прочія:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнился;
Намели ты мучки:
Оржаной, овсяной,
Да еще гороховой;
Чтобы дѣвки — внучки,
Бабушки сварили :
Изъ овсяной киселька,
Изъ оржаной испекли
Кислинъкаго хлѣбца ;
Изъ гороховой лепешку,
Сладку заваритку (*).

По окончаніи пѣсни ходящая опять подходитъ къ сидящимъ. Между тѣмъ продолжается стуканье ногами и лѣвой рукой. Она береть по прежнему одну изъ дѣвушекъ, и ходить по комнатѣ, начинаетъ пѣть ту же пѣснь, ей повторяютъ со стуканьемъ всѣ другія:

Какъ по нашей рѣчкѣ и проч.

Подъ конецъ пѣсни подходитъ къ стоящей посреди избы, и вступаетъ съ нею въ прежній разговоръ, съ тою разницею, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? Та отвѣтаетъ: о четырехъ. Тогда стоящая, поставивъ приведенную въ рядъ съ прежними, ударяетъ

(*) Саламата.—Ее дѣлаютъ не только изъ муки гречишной, но изъ гороховой, хотя рѣдко.

правой рукой обь другое бедро, и поеть вмѣсть съ другими, которые топають ногами обь полъ и бьютъ руками обь свои бедра:

Мели, мели, мельница,
 Мели не лягнися:
 Намели ты мучки:
 Польбиной, ячменной,
 Пшеничной круничатой.
 Изъ польбиной напечемъ,
 Пироговъ да сытныхъ ;
 Изъ ячменной сдѣлаемъ
 Здобный, сладкій курникъ (*)
 Изъ пшеничной мы напечемъ,
 Пироговъ съ начинкой ;
 Кокурокъ, лепешекъ
 Въ масло навалляемъ ;
 Изъ круничатой накрошимъ
 Меленъкой лапшицы,
 Да малиновъ (**) накатаемъ ,
 Здобныхъ разсыпучихъ;
 Преженцевъ навалляемъ,
 Словно сахаръ сладкихъ.
 Мы ждемъ къ себѣ въ гости :
 Дыдушку да бабушку,
 Батюшку и матушку,
 Братьевъ и невѣстушекъ,
 Сестрицъ со мужьями.
 Когда наши гости ,
 Будутъ вѣсѣмъ довольны ;

(*) Круглый высокій пирогъ, начиненный куриными потрошками и яйцами.

(**) Малинками называютъ небольшіе шарики изъ здобнаго теста, приплюснутые сверху.

Не будутъ гнитьеть,
 А будутъ любить,
 Полюбя дарити :
 Платками, фетами,
 Серьгами, котами,
 Парчовыми рукавами,
 Голубой китайкой,
 Нанковыми шубами,
 Да кумачемъ краснымъ.

Теперь послѣдняя изъ приведенныхъ, поетъ одна:

А гдѣ наши гости,
 Возьмутъ намъ подарковъ?
 Когда купцы — гости,
 Не везутъ товаровъ.

Вмѣсто отвѣта, назначенная ходить по комнатѣ, начинаетъ опять пѣть:

Какъ по нашей рѣчкѣ и пр.

Съ нею поютъ другія, продолжая топанье и хлопанье; она идетъ къ сидящимъ своимъ подругамъ, бегретъ за лѣвую руку одну изъ тѣхъ, которая держать въ правой руцѣ мыльникъ, заранѣе приготовленный и наполненный тряпцемъ разнаго рода; даетъ знакъ головою сидящимъ, чтобы сѣть встали ишли за ней. Конецъ пѣсни поютъ одни корабли и когда все про-поютъ, тогда пришедшая съ подругами, начинаетъ пѣть вмѣсть съ ними, веселымъ голосомъ:

Не тужите, подруженьки,
 Много не горюйте ;
 Скажу я вамъ вѣсточку,
 Вѣсточку всемъ на радость :

Прильяль, прильяль корабликъ малиъ,
Съ моря-океана;
Привезъ съ собой маль-за-моря,
Краснаго товару.

Потомъ, толкая приведенную съ мыкольникомъ, въ средину стоящихъ подругъ, припѣваютъ:

Вотъ! возьмите вашъ корабль
Съ моря-океана,
Ну, извольте торговатъ,
Кому чего надо!

Въ это время всѣ бросаются на корабль, вырываются у него мыкольники; хватаютъ оттуда трапы, по крытое сажей, и начинаютъ имъ бросать: сначала въ корабль, а посль другъ въ друга, отъ чего всѣ перекапчиваются, по выражению играющихъ, какъ черти, и прекращаются киданье, когда на трапы не остается сажи.

Выраженіе этой игры расхищеніе иноземныхъ товаровъ, продававшихся обманомъ. Товаръ продается дешевъ, —была искона поговорка у новгородскихъ купцовъ. Пріѣзжавшіе въ Новгородъ гости съ дурачами товарами, часто подвергались народному нареканію. Были слухи, что взболнованный народъ, разграблялъ нѣмецкій дворъ.

Простая, но веселая забава. Снимаютъ съ руки кольцо, надѣваютъ его на ленточку, и потомъ, связавъ концы ленточки, становятся въ кружокъ и передвигаютъ кольцо по ленточкѣ. Одна изъ девушки, которая кружится, т. е. ходить въ кругу и отыскиваетъ кольцо, спрашивается: у кого кольцо? Каждая обманываетъ ее, говоря: у меня, и въ это время, въ ее глазахъ, стараются передать другой.—Кружася

хватаетъ за руку, и открывается, что у нее нѣтъ. Между тѣмъ колечко показываютъ въ другомъ мѣстѣ; она спѣшитъ за нимъ; тамъ передаютъ другой. — Эта игра требуетъ особой ловкости и проворства. Слышатся, что ищущую доводятъ до того, что она закручивается отъ поисковъ.

Еще играютъ другимъ образомъ. Дѣвицы, молодыя дамы и мушкины, становятся въ кружокъ и передвигаютъ кольцо по шнурѣ. Кому досталось искать его, тотъ ходитъ въ кругу и старается замѣтить, гдѣ оно передвигается; но ловкость передачи, заставляетъ ищущаго бѣгать; смѣхъ и крикъ сопровождаются не ловкаго. Пойманый имъ занимаетъ его мѣсто и даетъ фантъ; игра продолжается дотолѣ, пока наберется довольноное количество фантовъ. Тогда садится въ круженье и чай фантъ выймется, тотъ играетъ, напримѣръ: купца, а если дѣвица, то кунеческую дочь. Купецъ идетъ въ особую комнату, за нимъ запираютъ дверь; онъ стучится. Одинъ изъ сидящихъ подлѣ дверей, спрашивается: кто тамъ? Купецъ.—Откуда?—Изъ города. — За чѣмъ? или чего надобно?—Кунеческую дочь. — Какую?—Онъ именуетъ дѣвицу или даму. Если же она ему не знакомая, то описываетъ ея уборы: она является. Онъ пѣлуетъ ея въ руку, она его въ щеку, и потомъ она разыгрываетъ его роль.—Она тоже стучить; ее также спрашиваютъ какъ купца и такъ продолжается, пока не разыграютъ всѣ фанты. — Колечко и кольцо, одно и тоже, доставляетъ пріятное, веселое и шутливое разсѣяніе.

Простой народъ въ Жмуди, играетъ въ колечко гораздо проще. Садятся на скамейки около стѣны, и одинъ кто набудь подносить играющимъ кольце и говорить: возьми колечко да не показывай.—Когда онъ всѣхъ обойдетъ, тогда обращается къ ищущему ко-

лечто и произносить: серги, верги, гдѣ блестить кольчко?—Отгадавшій въ чіей оно рукѣ, садится на его мѣсто, а этотъ идетъ отгадывать или искать его.

Округліе глиняные камешки, раскладываютъ дѣвушки по полу, и дѣлаютъ уговоръ: не мѣшать и не кричать. При этомъ произносятъ условныя имена. Уговорецъ всѣмъ дѣламъ, родной братецъ; безъ уговора не садись, а на слово не вяжись; ни ёду, ни лечу; а заѣду, подхвачу, и тому подобное, и потомъ заключаютъ условіе: играть, не воровать. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: чуръ играть, не воровать, безъ вороху безъ промаху.—Игра въ камешки многосложная, и оканчивается по большой частиссорою. Одна изъ дѣвушекъ бросаетъ камешки вверхъ и во время ихъ полету, старается захватить правою рукою иѣсколько другихъ, разбросанныхъ по землѣ. Здѣсь великое искусство въ томъ, чтобы камешекъ не упалъ на землю, игрокъ успѣлъ бы захватить другіе, и чтобы на лету схватить еще падающій. Дѣвушки, завидуя ловкости своей подруги, мѣшаютъ ей своими рассказами, или нарочно кричатъ. Игральщица сердится, рука ея дрожитъ, и она дѣлаетъ промахъ.

Лучшіе камешки доставляютъ изъ Киева и Ростова. Мужескому полу вмѣняется въ стыдъ забавляться этой игрою, однако мальчики не смотрятъ на это.

Въ Малороссіи игра въ креймешки, — также самая, что въ камешки. Садятся дѣвушки на землѣ кружкомъ, и положивъ предъ собою иѣсколько креймешекъ, по большой части каждая кладеть предъ собою по четыре, кидаетъ одинъ вверхъ, и пока онъ летить внизъ, она должна захватить лежающій на землѣ и схватить падающій; потомъ она бросаетъ тотъ креймешекъ, который сняла съ земли, и хватаетъ на лету другой, и такимъ образомъ продолжаетъ, пока всехъ не

переберегъ.—Есть такія охотницы, что играютъ по цѣлымъ днямъ.

Креймешки дѣлаются изъ разбитой глиняной посуды и кафелей; округливаютъ ихъ величиною съ гречь, но не болѣе пятака мѣдного.

Играютъ еще въ креймешки нащече. Дѣлаютъ круглые, величиною съ голубиное яйцо, камешки; для этой игры употребляютъ только шесть. Играющія, сидясь на полѣ, покрытый ковромъ, кладутъ на коверь кучкою пять креймешковъ, шестой бросаютъ вверхъ, не много по выше головы, и должно успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающей съ верху. Играющая бросаетъ сначала камешекъ по одиночкѣ, потомъ всѣ бросаетъ вдругъ и ловить; потомъ тѣже камешки перекладываются съ одного места на другое, захватываются между пальцевъ, потомъ прокатываются подъ пальцами, и продолжаетъ бросать дотолѣ, пока не уронитъ кремешекъ. Тогда она лишается игры и передаетъ другой, которая играетъ точно также.

Зависть къ счастью другаго, повсюду сопутствуетъ. Будь счастливъ хоть на былинку, и тогда позавидуютъ въ свѣтѣ.

Греки употребляли камушки въ древности; отъ нихъ эта игра распространялась по всей Европѣ, а къ намъ перешла отъ Татаръ.

Колыши-
ки. Играютъ и девушки и мальчики, но преимущественнѣе девушки. Девушки набираютъ себѣ маленькихъ подругъ, и сажаютъ ихъ въ кружокъ, вместо колышковъ, которые обращены лицемъ къ кругу. За колышками стоять своя хозяйка. Начинается продажа колышковъ; покупатель обращается къ хозяйкѣ, и говоритъ: кума! кума! пролай колышки. — Куми,— отвѣтываетъ кума. — А что стоять? — Кочанъ капусты, да вѣникъ, да рубль денегъ. — Вотъ тебѣ кочанъ ка-

пусты, да тёплы, да рубль девятерь.—Ну, по ружанъ да въ банию. — Ударяютъ по рукамъ, и бѣгутъ во кругъ юльшонъ: холѣйка въ правую сторону, а покупатель въ лѣвую. Обѣжавши вокругъ, возвращаются съ противоположныхъ сторонъ къ склонному колышку. Кто первый прибѣжть къ колышку, тотъ остается владѣтелемъ его, или, если бы кто первый догроулъ колышка рукою. Если покупатель прибѣжть послѣднимъ, то онъ идетъ покупать у другой; разномѣрно, еслибы пребѣжала послѣднимъ сама холѣйка.—Игра продолжается, пока не перекупится вся колышки. При бѣготнѣ случаются забавныя паденія, при коихъ поднимаются все колышки и производить всеобщій смѣхъ и нареканіе: покупатель пьяница! или: у кумушки болитъ головушка, бѣдная кумушка!

Игра эта выражаетъ корыстолюбіе торговцевъ: холѣй и покупатель сошлились въ цѣнѣ, ударили уже по рукамъ, но вдругъ нашло на обеихъ раздумье: ахъ дешево продать, еще бы исторгаваться — ахъ купилъ дорого, — послѣшилъ! — Оба бѣгутъ, суетятся и наконецъ снова покупаютъ; купецъ, вездѣ корыстолюбецъ, — купецъ. Какъ онъ ни купать дешево, а все еще ему дорого.

Одна лѣтница дѣлается покупщицей, а прочія лѣтницы, называемыя куклами, уединяютъ въ кружечкѣ мальчиковъ и девочекъ, которыхъ называются игра лѣтими. Кукла становится instead своихъ дѣтей, и пладутъ руки на шѣю голову. Покупщица подходитъ къ сумкѣ и говоритъ: кукла кумяшка, продай дитятка. Первая не продаетъ, вторая не продаетъ, а третья должна продать. Она бѣгть по рукамъ покупщицы, приговаривая: продамъ изѣбъ дитятко за мыльце, за мыльце, за горачій блинъ. Съ послѣднимъ словомъ кукла и покупщица, бѣгутъ въ противоположныя сто-

ромы; которая успѣть положить прежде руку на голову дитяти, за тою остается оно. Покушна начинается снова и продолжается до тѣхъ порь, пока дойдетъ до кумки, которая продала. Тогда вѣс кумки становяться свинкъ дѣтей на ноги, и кричать: *мое дитятко не шелудивое!* *мое дитятко не шелудивое!* Которая кумка не успѣть поднять на ноги дитя, того называютъ шелудивымъ, и это название остается час-то на долгое время.

Кумки выражаютъ небреженіе матерей о воспитаніи своихъ дѣтей, коихъ не умѣли поднять на ноги, и потому подвергли ихъ всеобщему посмѣшію. — Весьма часто случается, что отъ чрезмѣрной нѣжности маменьки, къ своимъ ненагляднымъ дитяткамъ, дѣти никакаго не получаютъ образованія, хотя имѣли къ тому вѣсѣ средства. Больно разстаться съ дѣтьми! Они выросли передъ глазами маменекъ, растутъ столбами, а маменки по нѣжности свой, все не хотятъ разлучиться съ ними, пока не разлучить ихъ, маменекъ, жестокая смерть. — О эта смерть! — но чтобы вы сдѣлали съ нею, нѣжныя маменьки?

Коза. Въ началѣ игры избирается обыкновенно ловкая дѣвушка, съ именемъ козы. Ее подводятъ къ стѣнѣ, вѣсѣ прочія усаживаются и смѣются надъ нею. Иные передразниваютъ ее козымъ голосомъ, а другія кричатъ: коза, коза, бя! — Она сердится, топаетъ ногами, и грозить переколоть всѣхъ. Послѣ разныхъ насмѣшекъ, встаютъ и начинаютъ съ нею разговоръ: Моя козушка, ты не бѣла сегодня. — Гладятъ ее по спинѣ, и сарашиваютъ: Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Что тамъ дѣлала? Травку ъла. — За чѣмъ сюда пришла? — Отдохнуть. — Съ этимъ словомъ дѣвушки должны бѣжать; она гоняется за ними, и кого поймаєтъ, та замѣняетъ ее мѣсто. Многія дѣлаютъ произвольныя

поговорки, которые зависят от расположения духа и изворотливости девушки. Иных до того наскучивают кое-кими своими поговорками, что она оставляет игру и плачет, ибо ревная девушка, начав съ козою разговоръ, касается иногда до сердечныхъ шалостей. — Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Кого искала! — Козушка молчать. — Козушка, я знаю кого ты искала. — Моя милая, отвѣчасть коза, оставь шутки; но шутки не унимаются и доводятъ до непрѣятностей, которыхъ прекращаются поцѣлуемъ. — Въ Малороссіи также играютъ въ козу и поговорки почти одинаковыя, но бываютъ насыщеннѣе, наприм.:

Я коза дереза,
Пивбока луплена,
За кону куплена.

—
Тупу, тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Лапками загребу,
Хвостикомъ замету, —
Брру...

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ для этой забавы, какъ бы общепринятое для игры при словье, а именно: — Дѣвушка передразниваетъ козу: коза, коза, ба, — гдѣ ты была? — Коней стерегла. — И гдѣ кони? — Въ лѣсъ ушли. — Гдѣ тотъ лѣсъ? — Черви выточили. — И гдѣ черви? — Ови въ гору ушли. — И гдѣ гора! — Бычки выкевали. — И гдѣ быкі? — Въ воду ушли. — И гдѣ вода? — Гуси выплыли. — И гдѣ гуси? — Въ тростникъ ушли? — И гдѣ тростникъ? — Дѣвки выломали. — И гдѣ дѣвки? — За мужъ вышли. — И гдѣ мужья? — Ови померли. — И гдѣ гробы? — Ови сгнили. — Этотъ многословный

распросъ весьма занимательный и забавный. Могъ не случалось его слышать, но онъ естественъ и притягатель веселой игрѣ. Я сколько могъ видѣть эту забаву, она сопровождалась болѣе проницательными вопросами и, часто дѣвушка, не докончивъ распроса, бѣть козу во спагъ, и всѣ разбѣгаются по угламъ концата. Коза гонится за ними и все опрокидывается на свое мѣсто. —

Игра въ козу выражаетъ дѣвическое, беззаботное вѣселье. Если въ ней принимаютъ участіе молодые лѣтади, то она измѣняетъ свое значеніе: проявляются въ ней сердечные дѣла, и высказываются душевную тревогу. Украдкою жмутъ руки и переговариваются. — Таковыя продѣлки не уходять отъ зоркихъ глазъ дѣвицы — соперницъ. — Всѣ играющіе спѣшить наслаждаться взаимнымъ изліяніемъ нѣжностей. — Тогда игра не чувствительно переходитъ въ сладостное самозабвеніе: всякъ на перерывѣ желаетъ быть кобою. О сколько восторговъ, если дѣвушка встрѣтится съ любимымъ предметомъ!

Огарушки. Сѣвъ въ кружокъ дѣвушки, избираютъ изъ среды себя разказчицу, которая, ходя вокругъ, говорить каждой по одному слову: черемя, беремя, знать чого, за старого, богатаго: трунь, пень, кназъ. На того надеть слово кназъ, та оставляетъ кружокъ, и рассказчица продолжаетъ свою поговорку, пока останется одна, съ которой она ведеть очередной разговоръ, — и кто успѣеть сказать прежде кназъ, та выбѣгаеть изъ кружка. Оставшуюся осмыкаютъ поговоркою: огарушекъ, черный камешекъ; огарушкъ, обѣдущенъ. — Огарушекъ бѣгаетъ за ними и ловить. — Пойманная помогаетъ огарушку ловить остальныхъ. —

Отарушекъ изображаетъ засидѣвшихъ дѣвушкъ, пото-
мъ, посмѣиваясь пага тихими и счастливыми въ лю-
бви, клевещутъ ихъ изъ злости. Женское въ словесѣ про-
истекаетъ наиболѣе изъ устъ старыхъ дѣвъ.

Это самая простая и обыкновенная забава поселян-
скъ и городскихъ дѣвушекъ: она похожа болѣе на
шалость, нежели на игру. — Кладутъ доску чрезъ ко-
лоду; дѣвушки становятся по колпамъ и разши-
тываютъ, иногда такъ прѣпко, что дѣлаютъ высокіе
скакки, и кто выше подскакиваетъ, тому честь и хва-
ла. Въ этой скаккѣ есть особое искусство, чтобы во-
время прыжковъ попасть сядть на доску; малѣшее же
отклоненіе отъ размѣра, производитъ паденіе, часто съ
болѣшимъ ушибомъ. —

Дѣти и дѣвочки, особенно любятъ забавляться этой
скаккою. —

Собирается вѣсколько дѣвушекъ въ кружокъ, и спом-^{Звукъ.}
рятъ между собою: Маша, ты не догонишь меня. —
Нѣть догоню. — Нѣть, не догонишъ. — Олинка под-
хвачивается: я догоню тебя, Катинка. — Меня? — Не
догонишъ! — Меня не догонишъ! кричать вдругъ всѣ
дѣвушки, и бросаются бѣжать въ разныя стороны, со
всѣми возможными изворотами и увертками, свойст-
венныхми женской природѣ. Олинка гонится за ними.
Если кто выбивается изъ силъ, та должна скорѣе при-
бѣжать къ какомунибудь мѣсту, и ухватиться за него,
шагнуть за дерево, ствну, дверь и проч., сказать:
чурь меня. — Тогда Олинка должна бѣжать за дру-
гими и не допустить до чура. Ловящая часто бѣгаетъ
до упаду, но пойманная до чура, заступаетъ ея мѣсто.
Отъ сильнаго бѣганья, не замѣтно рвутъ на себѣ
платье, или падаютъ бѣльно. Боль мгновенно про-
ходитъ. — Тутъ большое наслажденіе дѣвушки, если она
успѣетъ сложить свою подругу на самомъ бѣгу.

Сказка
на до-
скѣ.

Въ Малороссії запуски называются выпередки, т. е: выпередживать другъ друга; въ выпередки такъ же играютъ, какъ въ запуски, и часто девушки и мальчики забавляются вмѣстѣ. —

Скачка на доскѣ и запуски въ большемъ употреблѣніи, и весьма полезныя для тѣлеснаго укрѣпленія. Эти игры развивають гибкость членовъ, и доставляють твердость и силу. — Запуски была любимая игра у Грековъ на олимпійскихъ увеселеніяхъ, и у Римлянъ. —

Четъ и нечетъ. Кто отгадаетъ четъ, тотъ все получаетъ. Четъ се-ставляетъ парное число чего нибудь, а нечетъ когда не достаетъ къ парѣ одного, напримѣръ: 6, 8, 10, и прт. суть четные, а 5, 9, 11, нечетные. — Берутъ горсть орѣковъ и спрашиваютъ: четъ или нечетъ? — Иногда играютъ и на одни орѣхи, но и на мелкія деньги. — Въ иныхъ мѣстахъ эта игра называется четъ и лин-шка. — Употребляется по всюду. —

Обручъ. Дѣти катаются обручъ по землѣ, и на всемъ его бѣгу подбиваются длинной палочкою. Игра въ обручъ, называемая еще сюрсо, перенята отъ иностранцевъ, и вошла въ употребление не ранее конца XVIII вѣка. Она не есть забава дѣтей, но взрослыхъ барышень и дамъ. Становится на извѣстное разстояніе другъ про-тивъ друга, и бросаются вверхъ кругъ, старясь паде-ту схватить его на свой юб. Тутъ надобно имѣть осо-бую ловкость, но очень многія изъ дамъ такъ искусны, что рѣако даютъ промахъ. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе мужчины. —

Обручъ и сюрсо, одно и тоже, есть гимнастическое занятіе. —

Бирюль-ки. Употребленіе этой игры совсѣмъ новое. Въ нѣкото-рыхъ мѣстахъ она называется четами, а въ другихъ бирюльками, отъ слова братъ. — На этой предметъ

ные употребляютъ тонкие прутики или тоненькия палочки, а другіе употребляютъ особо приготовляемыя соломенки. Одна изъ дѣвушекъ раздаѣтъ каждой игромашѣ, по одной палочки тоненькой въ ровной. — Оставивъ при себѣ самую длинную, которая называется шутомъ, она отбираетъ у нихъ разданныя прежде, складываетъ вмѣстѣ съ своимъ шутомъ и скрываетъ въ пучокъ, разсыпаетъ по столу. Каждая изъ дѣвашъ пробуетъ выдернуть или поднять одну какую либо палочку, помочию шута, но такъ, чтобы ви однѣ не дотронуться, и чтобы ни одна не колыхнулась. Въ противномъ случаѣ она лишается права на игру. Тутъ надоѣно великаго искусства, которое называется удачей. Не многимъ удается снять всѣ палочки. —

Испусные игроки употребляютъ еще ровно обрѣзанныя коротенки соломенки, называемыя бирюльками; они тамъ же выдергиваются, какъ четки. Но тутъ предстоитъ гораздо болѣе ловкости, — чтобыничто не колыхнулось, потому что соломенки движутся отъ одного дуновенія и рука дрожитъ сильнѣе. Завистливыя къ удачѣ, обнаруживаютъ большое неудовольствіе: они прежде временно стараются помѣшать въ снятіи бирюлекъ, потому заговариваютъ, пугаютъ, кричатъ и т. д. —

Бирюльки не есть игра одинѣхъ дѣвушекъ; ею любятъ заниматься, въ осеннеѣ и зимнѣе вечера: молодые, взрослые и старинки. Она была въ большомъ употребленіи въ учебныхъ заведеніяхъ. —

III. ИГРЫ МУЖЕСКИЕ.

Мат. Въ сѣверной Россіи игра въ мячъ, называется еще ланту. Название ланти произошло отъ деревянной, на подобіе ловчики сдѣланной палки, выѣтою коей често употребляютъ просто одну длинную палку. Для этой игры избираютъ двухъ матокъ. Палку или ланту бросаютъ вверхъ, и плюютъ на одну сторону, говоря: мокраго или сухаго тебѣ надобно? Если палка упала на мокрую сторону, тому быть маткою въ городѣ; а на сухую сторону,—въ полѣ. Прочие подходятъ побарно къ маткамъ, спрашивая ихъ: мокраго или сухаго? На ездѣть мокраго, тотъ идетъ на его сторону; на ездѣть сухаго, на сторону сухаго. Игроки раздѣляются на две половины: одна идетъ къ своей маткѣ и играетъ съ нею, а другая идетъ въ полѣ, чтобы ловить на лету падающій мячъ. — Въ другихъ мѣстахъ игру начинаютъ конінцемъ: двое изъ прославленныхъ игроковъ, взявъ палку, мѣряются между собою: кому изъ нихъ быть маткою и кому начинать игру. Чья рука остановится на верхушкѣ палки, тому быть маткою и начинать игру. Одна половина изъ остальныхъ игроковъ идетъ въ полѣ, и раздѣляется между собою мѣста, гдѣ кому стоять и что дѣлать: одни становятся по срединѣ, другие по бокамъ, и всѣ обязаны ловить мячъ. — Одинъ изъ полевыхъ подаетъ бить мячъ. — Кто не попадетъ палкою за третімъ разомъ, тотъ лишается права бить мячъ; кто бьетъ за каждыи разомъ, тотъ продолжаетъ бить до трехъ промаховъ. Сдѣлье большое искусство состоять въ томъ, чтобы бить мячъ высоко, по ударѣ бѣжать къ проведенной въ полѣ чертѣ, плюнуть тамъ и воротиться назадъ не побитымъ къ своему мѣсту; но если мячъ попадется въ руки кому либо изъ ловящихъ, и застанетъ бѣгущаго на чертѣ въ полѣ, тутъ

употребляются всѣ возможные обманы, какъ бы побить мячъ, а со стороны убѣгающаго, какъ набѣжать удара. Съ побитіемъ кого либо, прекращается игра, и передается другой половицѣ. Ова прекращается въ тогдѣ еще, когда кто схватить на лету мячъ, коверный, чтобы поймать, надобно пріобрѣсть осебую снарядку и имѣть крѣпость въ руки; потому что отъ сильнаго паденія и кесвеннаго удара, производить большое сотрасеніе въ рукахъ ловящаго и наносить иногда такой ударъ, что сворачиваетъ пальцы.

Мачи употребляютъ кожаные, набитые шерстью. Охотники пріобрѣтаютъ не весьма дешево.

Въ Малороссіи грають въ городки мячъ. Начерчиваются палкою квадратъ, называемый городокъ, ко торый бываетъ въ окружности нѣсколько десятковъ саженей. Величина городка зависитъ отъ условія. — Играющіи бываютъ только пять человѣкъ: они мѣряются на палкахъ и чѣмъ рука выше, тому бить въ городкѣ, а прочие четыре становятся на чертѣ квадрата, отдельно по четыремъ сторонамъ. — Стоящій на чертѣ, долженъ побить мячъ стоящаго въ городкѣ, ко торый увиливается отъ его удара всевозможными способами, не kannъ стоящий въ городкѣ бывать часто обманы вѣнь стоящимъ на чертѣ, который показываетъ лукавый видъ, будтобы онъ хочетъ перебросить мячъ кому либо изъ своихъ товарищъ, находящихся на чертѣ квадрата, въ то время стоящий въ городкѣ долженъ наблюдать всѣ его движенія, вначе малѣйшая неосмотрительность, можетъ сдѣлать то, что вместо бросанія мяча къ одному изъ товарищъ, онъ быстро перемѣняетъ свое направленіе, бросаетъ въ стоящаго въ городкѣ и можетъ побить его; когда побьетъ, тогда всѣ четверо разбрѣгаются въ разныя стороны, а побитый схвачиваетъ мячъ, и старается имъ побить бѣгущихъ, но не

выбѣгал изъ городка. Побитый занимаетъ мѣсто стоящаго въ городкѣ, а этотъ занимаетъ его мѣсто. Если побитый въ городкѣ, ни въ кого не попадеть изъ разбѣжавшихся, то онъ занимаетъ прежнее свое мѣсто. — Игра продолжается до общей усталости, съдовательно она суть ничто, иное какъ тѣлесное упражненіе. —

Мача изъ земли въ вѣтру и въ вѣтру Двое изъ играющихъ мѣряются палкою, какъ въ предыдущей игрѣ, и точно же такъ начинаютъ играть. — Одинъ изъ нихъ бѣть обѣ землю мячъ, такъ, чтобы отъ всякого удара онъ дѣлая бы высокіе скакки, и во время скакковъ ловить его черезъ ногу и руку, и продолжаетъ дотолѣ, пока дастъ промахъ.

Игра обѣ стѣну состоитъ въ томъ, чтобы бѣть мячъ обѣ стѣну, и отскакивающій мячъ подхвачивать чрезъ ногу или руку, и не дать упасть ему на землю.

Эти мячи набиваются коинскимъ волосами, обтягиваются кожею, иногда разноцвѣтной, и предаютъ охотникамъ за нѣсколько паръ бабоны, за хороший битокъ, или за свайку. —

Летучий мячъ или воланъ Летучій мячъ, или иначе воланъ, бываетъ величиною съ лѣтскую голому и дѣлается обыкновенно изъ дерести. Имъ забавляются не только лѣтомъ, но и зимою. Богатые, въ своихъ покояхъ, а простые на дворѣ. Это любимая игра нашихъ торговцевъ, которые перебрасываются предъ лавками, въ зимнее время. Одинъ бѣть вверхъ носкомъ ноги, а другой подхвачиваетъ его на лету: отбиваешь своей ногою или бѣть обѣ землю, отъ чего воланъ дѣлаетъ высокіе прыжки и во время его прыганія ударяютъ по немъ рукою, не давая катиться по землѣ. Когда дѣлаютъ отбой ногою, тогда становятся нѣсколько охотниковъ, въ разныхъ направленияхъ, и постоянно производятъ искусные отбои. — Воланъ употребляется въ домахъ дѣвушками

и мальчиками, которые занимаются имъ съ охотою, потому что онъ служитъ вѣсто гимнастикѣ.

Эта игра производится посредствомъ мяча. — Выка- Воробьевъ вываютъ небольшую въ земль ямочку, кладутъ мячъ на деревянной лестечкѣ, и бьютъ по ней палкою. Кому прежде бить, бросаютъ жребій: у. е. мѣряются на палкѣ, и чья рука остановится на верхушкѣ, тому начинать, прочие идутъ въ поле:—Словившій мячъ, смеяется играющаго.

Разнообразіе игры въ мячъ, измѣняется цаконецъ пытка въ пытку. Выкапываютъ въ однѣ рядъ вѣсколько ямочекъ, называемыхъ лунками; потомъ кончатся: кому стоять у лунокъ и отбивать мячъ, и кому катать его. Обыкновенно катаетъ тотъ, чья рука при катааніи всѣхъ ниже. Игрошки становятся при ямочкахъ съ палками и отбиваютъ мячъ, и если катающій попадеть въ лунку, то онъ занимаетъ его мѣсто, и начинаютъ катать неотбившаго. Одинъ въ игрокахъ, засунувъ его голову между своими ногами, бьетъ по его головѣ мячомъ; другой изъ игроковъ катаетъ мячъ а остальные спрашиваются: въ чью лунку попалъ мячъ?—Если онъ отгадаетъ, то этимъ прекращается пытка.—Въ противномъ случаѣ продолжаютъ пытать, пока онъ не отгадаетъ. Случается, что замучиваютъ пыткою.—Отгадавшій, въ чьей лункѣ мячъ, освобождается отъ пытки, и онъ начинаетъ уже пытать того, у кого отгадалъ.

Пытка наземнваетъ намъ наказаніе этого имени. Не уподобленіе ли этой игры, бывшему мученію надъ обличаемыми въ преступлениі?—Многія игры обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствительному событию, по этому допустить можно, что игра въ пытку, могла произойти отъ существовавшаго наказанія. Во всякомъ случаѣ эта игра, есть мучительная гимнастика.

Свайка. Она делается изъ желѣза въ видѣ гвоздя, съ большей головкою въ заостренномъ концемъ. Вѣсить иногда до 4 и 5 фунтовъ, — та же лѣтѣ этого маѣ не случалось видѣть, хотя некоторые утверждаютъ, что бываютъ до полпуда; что она одолжена своимъ происхождениемъ тульской оружейной слободѣ, и что рѣдко можно слышать въ другихъ губерніяхъ обѣ этой игрѣ, — тогда, какъ она въ большемъ употреблении въ Малороссіи, въ литовскімъ краѣ и во многихъ южныхъ мѣстахъ Россіи. Для свайки приготавливаютъ особое желѣзное кольцо, и играютъ нѣсколько вѣстей. Берутъ за острие свайки и бросаютъ въ средину кольца такъ, чтобы она воткнулась въ его средину, но еще лучше, если попадѣтъ въ средину кольца, отбить его. — Тогда избрываютъ разстояніе отъ свайки до кельца памью, и таковая мѣра называется пирогами. — Глубоко же вонзившаяся свайка въ землю, называется рѣдкимъ. — Если свайка не воткнется, тогдѣ лишается игры. — Кто за десятымъ разомъ не воткнется, тогдѣ обязанъ подавать свайку каждому игроку, и говорить ему въ насмѣшку: хомутъ надѣлъ на отца. — Выигравший садится верхомъ на проигравшемъ, что называется лазить верхомъ и слѣдить, и сидя на немъ, бѣТЬ въ землю свайкою до первого промаха. Сидящій верхомъ издаѣвается надѣ подающими ему свайку. Когда подающій потѣбѣтъ, ему говорить: масло потеило. Когда не можетъ вынѣсть свайки изъ земли, тогдѣ говорить: мылько къ бильцу подползло. Когда изнемогаетъ въ силахъ и сердится: потѣй Фадѣй, до звѣзды говѣй. Когда выкапываетъ свайку изъ земли: вынимай скорѣй, изъ норы своей; когда оканчиваетъ игру: унесъ, горе, въ свое море. Въ иныхъ мѣстахъ говорить: сбыль бѣду, какъ свою жену.

Играютъ въ свайку еще другимъ образомъ. Игрокъ

беретъ свайку за острый конецъ и бросаетъ ее такъ, чтобы она перевернувшись въ воздухѣ, попала въ кольцо. Если попадеть, то считается за три. Это значитъ, что ему разъявляется быть за удачный попадъ, еще по три раза; но кто за первыми тремя разами промахнется, тогдѣ лишается быть въ кольце. Еще привиняютъ въ счетъ пироги, т. е. если свайка не попадетъ во внутрь кольца, а отбьется отъ, то пространство отъ свайки до кольца, называютъ пирогами: икъ вымѣриваются свайкою: сколько разъ уложится свайка на этомъ пространствѣ, столько пироговъ. Кто промахнется послѣ двѣнадцати разъ, того морать: онъ долженъ каждому изъ окружающихъ подавать свайку; получающій ее бросаетъ въ землю три раза виѣ кольца, а въ четвертый разъ въ кольце. Если онъ попадеть въ кольцо или сдѣлаетъ нѣсколько пироговъ, то моренье повторяется и продолжается до тѣхъ поръ, пока все за него не подѣлаютъ промаховъ. При мореніи привиняется еще въ счетъ лапы и рѣлка. Когда свайка не воткнется въ землю; то это называется лапою, и если кто сдѣлаетъ три лапы, тогдѣ лишается права мерить. — Рѣла же, когда морящій попадеть въ одно иѣто свайкою, которая входить въ землю своею головкою, — тогда это называется засадить рѣлку, и вытачивать ее довольно тажело. Моренье окончается, когда все подѣлаютъ промахи.

Взявшій ножикъ по жребію, бросаетъ его въ землю Ножикъ. двумя пальцами, потомъ тремя и т. д., чтобы онъ воткнулся. — Послѣ кладеть его на кудакъ ноперегъ, за тѣмъ на ладонь и на кисть, и съ никъ бросаетъ; потомъ, взявъ за кончикъ и приложивъ къ губамъ, бросаетъ его въ землю; послѣ кладеть ко лбу и оканчиваетъ головкою, съ коей онъ сбрасываетъ, но всякий разъ, чтобы воткнулся нежъ. Не выполнившій всѣхъ

этикъ действій, долженъ вытачивать зубами тонень-
кій колышекъ, забитый въ землю и чуть видный.

Мушка. Вбиваєть въ землю палку; длиною въ аршинъ и болѣе; вверху палки привѣшивають деревянный крючекъ, называемой мушкою, которую водите (караулигть) одинъ изъ играющихъ и вѣшаєтъ ее всякой разъ, когда собираютъ, а прочие, отойдя на нѣсколько шаговъ, держать въ мазахъ (ямкахъ) свои палки. Между тѣмъ одинъ кто либо, не отходя отъ маши, старается попасть своей палкою въ мушку, или покрайней мѣрѣ въ вбитую палку; отметившую же его маши, онъ оставляетъ лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ она упала, пока все не кончутъ бить. Но если бьющий надѣется, что онъ сбьгнется скорѣе за палкою, чѣмъ поспѣть ведущій поѣхать мушку; то онъ бѣжитъ за нею. Если не надѣется, то дожидается выкупа.—Когда бьетъ послѣдній—это значитъ выкупаетъ, тогда всеѣ бѣжатъ за своими палками. Водяцій же мушку долженъ, поѣхавши ее какъ можно скоро, захватить чѣ бы то ни было мазло, во время ихъ побѣга. Кто не успѣетъ захватить свое мазло, тотъ водить мушку, а прочие играютъ по прежнему.

Изворотливость побѣждаетъ умнѣе.

Чушки. Начерчиваются сначала на землѣ два круга, разстояніемъ другъ отъ друга на 20 шаговъ и болѣе; по томъ проводятъ, по срединѣ каждого круга, по одной чертѣ, называемой кономъ, и одну черту между кругами, которая называется полукономъ. На конахъ каждого круга ставятъ по пяти чушекъ (обрубки, длинною и толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш.). въ такомъ порядкѣ: одну чушку кладутъ вдоль кона, двѣ поперегъ продольной чушки, четвертую вдоль двухъ поперечныхъ, а пятую ставятъ стоймъ, между четвертой и двѣмя продольными. Играющіе раздѣляются на двѣ стороны,

каждый игрокъ сидѣть на двѣ палки, и начинаютъ сбивать по команѣ. Игрошки первой стороны, бывать изъ своего первого круга, въ кругъ второй стороны: сначала одной палкой, а потомъ другой. Если случится, что кто собьетъ съ первого раза всѣ чушки; то вторая сторона начинаетъ сбивать чушки первого круга, палками первой стороны. Должно замѣтить, что при сбиваніи чушекъ, употребляютъ игроки одни и тѣ же палки. Если случится, что игроки первой стороны, не всѣ собьютъ или вовсе не собьютъ чушки второго круга, то начинаетъ сбивать вторая сторона; чушки первого круга, и такимъ образомъ продолжаютъ играть обѣ стороны, пока не собьютъ чушекъ съ своихъ коневъ. Когда кто собьетъ съ кома, хотя одну чушку; тогда прочие должны сбивать остальные уже съ полукома. Если вторая сторона не собьетъ своихъ чушекъ, то сбившая ѣздитъ на ней отъ круга къ кругу. Если обѣ стороны собьютъ свои чушки, то начинаютъ снова играть, пока кто не собьетъ.

Игра эта повидимому намекаетъ на то, что кто въ свѣтѣ проворень — тотъ и успѣваетъ.

Въ начерченномъ на землѣ кругѣ, кладутъ чижика чизъ или чижка, — заостренную палочку съ обѣихъ концовъ, х. д. и. чижикъ. длинною въ $\frac{1}{4}$ арш. — Начинающіе играть коняются сначала, и потомъ бывать по порядку команѣ: отъ первого до послѣдняго. Предъ игрою уговариваются: если кто не сдѣлаетъ десять ударовъ палкою по чижику, то сколько долженъ бѣгать на кули и скакчу? — Кули значитъ бѣгать отъ круга до упавшаго чижика, и кричать не переставая: на кули, кули. Скакча такое же бѣганье, только на одной ногѣ, сгорбившись и не перемѣнная ноги.

Первый игрокъ по команѣ, начинаетъ бить чижика, съ одного какого либо заостреннаго конца, и старается

сълагать еще нѣсколько ударовъ на воздухъ, и потомъ отбиваетъ чижика; за нимъ бѣгть второй и такимъ образомъ бѣжть всѣ по порядку. За отбитымъ чижикомъ бѣжитъ второй игрокъ, который кладетъ его въ кругъ и начинаетъ бить, какъ первый, и за отбитымъ бѣжитъ уже третій, и такъ всѣ чередуются до конца игры. Кто всѣхъ скорѣе сдѣлаетъ десять ударовъ, тотъ оканчивается бить чижика, и потомъ первый начинаетъ бить уже на кули и скакчу, но не прежде, пока всѣ не сдѣлаютъ по десяти ударовъ, наблюдая прежній порядокъ бить по очереди. Не сдѣлавшій десяти ударовъ, бѣгаєтъ за чижикомъ, подаетъ каждому бить и обращаясь къ кругу, кричать неперерывная голоса: на кули, кули! и въ то время скакеть. Онь кричать и скакать столько разъ отъ чижика иѣ кругу, сколько было условлено. Послѣ снова начинаютъ играть, если вздумають.

Неудача скакеть, неудача пляшеть,—а крайность до чего не доводить.

Кандамы Становятся мальчики иѣ стѣнѣ или забору. Одинъ изъ играющихъ, стоять противу нихъ, говоритъ: кандамы.

Ему отвѣчаютъ: скозами.

Одинъ изъ играющихъ говоритъ: раскуй

Спрашиваютъ: кого?

Одинъ изъ играющихъ отвѣчаетъ: насытай кулакъ (приготовляй).

Спрашиваютъ: на чія фоки?

Одинъ изъ играющихъ: на такого-то.—Тогда всѣ бросаются на поименованного имъ и бѣжть. Говорившій занимаетъ потомъ място поименованаго, а этотъ начинаетъ спрашивать прежній порядкомъ и продолжаютъ забавляться, пока не прислучить имъ. На кого повалится несчастіе, на того и люди.

Шаръ или касло. Выбираютъ палки, которыхъ бы имѣли на конецъ головку, какъ въ кіѣ, чтобы удобнѣе было генять шаръ;

потомъ выкапываютъ довольно большую яму, называемую касло (*). Кругомъ его выкапываютъ небольшія ямки, по числу игроковъ, называемыя лунками. Доставившемуся по жребию водить игру, долженъ за гнать шаръ въ лунку, и когда другие будутъ отбивать, тогда стараться захватить чѣ бы то ни было мѣсто.— Эзишающіе должны находиться при своихъ лункахъ, и когда водящій вгонитъ шаръ къ касло, тогда они должны перемѣниться своими ямками, не чтобы не пропасть ихъ. Прозѣвавшій же, водить шаръ. Если водящій долго не вгонитъ въ касло шаръ, то можетъ бросить его вверхъ, но такъ, чтобы попасть въ касло; прочіе обязаны отбивать шаръ на лету.— Отходящій отъ своей лунки, долженъ зачуриить ее, сказавъ: чурь! мое масло до вечера не погасло.— Другие говорятъ: турь сала—масла, запечатано касло.

Забава эта довольно утомительная: въ ней требуетъся проворства и искусства, особенно водящему шаръ. Игра въ шаръ выражаетъ набѣгъ врага на мирныхъ жилища.

Вбивають въ землю колышекъ, и призываютъ къ ^{вѣтчи-} нему небольшую веревку. Около колышка кладутъ старые сапоги, башмаки или лапты. Одинъ изъ игроковъ беретъ въ лѣвую руку веревочку, а въ правую пруть. — Прочіе подходятъ къ нему и спрашиваютъ: поспѣла ли вѣтчинка? — Нѣть. — Потомъ, погода не сколько времени: поспѣла ли вѣтчинка? — Нѣть. — За третьюми разомъ: поспѣла ли вѣтчинка? тотъ отвѣчаетъ: кипитъ, живелить, продавать зелить. При послѣднемъ словѣ похищаютъ вѣтчинку, а тотъ долженъ отгонять

(*) Въ другихъ мѣстахъ большая ямка называется котломъ

иъ прутомъ, и ударенный имъ, заступаетъ его мѣсто. Если вѣтчина расхищена безъ удара, то онъ самъ подвергается наказанію: берутъ по пруту и бьютъ его.

Не выражаетъ ли эта игра беспечнаго хозяина, о своей собственности?

Бабки. Онъ приготавляются изъ подковытной кости, и составляютъ нѣкоторымъ образомъ промыслъ мальчишъ. Сначала обвариваютъ въ горячей водѣ, и потомъ выбираютъ самую большую и тяжелую кость для битки, которую наливаютъ охотники свинцомъ. Каждый игрокъ становитъ вѣсколько паръ своихъ бабокъ, на ровномъ мѣстѣ въ одинъ рядъ; стоящія попарно бабки, называются гнѣздомъ, а все гнѣзда кономъ. Кому начинать бить, бросаютъ изъ коня битки; чей упадетъ дальше, тому начинать. Сбившій вѣсколько гнѣздъ, получаетъ все себѣ; не сбившій, теряетъ свой выигрышъ.

Игра въ бабки имѣть свою особая названія: конь за конь, плоцка, кудачекъ у кону, стѣнка и городокъ. Кто въ игрѣ конь за конь, сшибеть крайнія бабки, тотъ ихъ выигрываетъ. Въ плоцкѣ должно цѣлить въ одну изъ сторонъ: въ правую или въ лѣвую. Въ кудачкѣ надо био имѣть особую ловкость, чтобы не зашибить своимъ биткомъ чужаго. — Въ стѣнкѣ бросаютъ ебъ стѣнку бабками, и чія ложеть ближе къ другой, тотъ выигрываетъ. Въ конѣ ставятъ по шести бабокъ, и кто сбьетъ все, тому достается вся шестерня. — На всѣ эти игры находятся многообразныя правила и условія, такъ что, еслибы кто захотѣлъ утверждать, что онъ имѣютъ общія и положительныя, тому представились бы однѣ возраженія, потому что не вездѣ играютъ одинаково, и нѣть положительныхъ правилъ: болѣе зависитъ отъ мѣстности и нововведеній самыхъ игроковъ. —

Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась астрагалось. — Отъ Грековъ она распространялась по Европѣ, а Русскіе танѣ ее усвоили, что она понынѣ составляетъ первое удовольствіе мальчиковъ, и нѣтъ уголка во всей Россіи, где бы не играли въ нее. Должно замѣтить, что въ бабки любили играть Татары Золотой Орды. При разрытии мѣстности Сараз, находили во множествѣ коньки, и сальники (бабки изъ пиджольца овашъ), которые были очень хорошо обдѣланы. — Иногда случалось видѣть по нѣсколько десятковъ, сложенныхыхъ вмѣстѣ. —

Разнообразіе игры въ бабки, называемой въ калужской губерніи ладышками, можно видѣть изъ трехъ ея замѣнѣй: плоцка, жогъ и конь за комъ.

Выбираютъ ровное мѣсто, проводятъ на немъ черту для коня, и черту, изъ которой должно быть и гонять битой. А эти биты бывають престыя бабки, свинчадки (налетыя свинцомъ), чугуники и мѣдники (чугунные и мѣдные бабки). Каждый за свою биту долженъ ставить на конь пару бабокъ, называемыхъ гладилами. Уставивши конь, собираютъ всѣ биты и бросаютъ ихъ на землю. Котораго бита дамежъ дасѣе всѣхъ, и при томъ плоцкою (на лѣвой бокѣ); тотъ имѣеть право, прежде всѣхъ гонять и бить, за иамъ по порядку прочѣ; послѣ нихъ жоги инички. — Жоги, коихъ биты лежатъ прямо на нижнюю сторону, анички, на верхнюю бокъ или правую сторону, нонички уже бьются съ лѣвой руки. Сшибаемыя бабки кладутъ въ свою козыт: е: въ карманъ, шапку, мѣщечекъ и за пазуху. — Если съ коня не всѣ сшиблены бабки; то продолжаютъ сбивать ихъ по согласію, или еще прибавляютъ къ гладиламъ бабки. —

Въ жогъ такъ же играютъ, какъ въ плоцку. — Разница та, что здѣсь гоняетъ и бьется прежде тотъ, у

кого бита легла жегомъ, за него плюшка, а послѣдній уже ничка.

Уставивши конь, отходить на довольно большое пространство; отсюда начинаютъ забирать битаки, это значитъ, чтобы бита непремѣнно перебутала (перелетѣла) черезъ конь. Въ противномъ случаѣ берутъ пару ладышекъ, поставленныхъ за биту. Этотъ про-макъ поправляется постановленіемъ другой пары бабокъ, что называется уже посолить или пасарить. Послѣ забоя, бьютъ за кономъ. Сбитые бабки берутъ себѣ, которые продаютъ потомъ, или меняютъ на какія нибудь вещи.

Играютъ еще бабками въ пристѣнокъ. Ударяютъ бабкою объ стѣну, ворота или камень, а въ слѣдъ за ними, чокаются бабками. Это значитъ, чтобы бабка дотронулась къ чей нибудь, или находилась бы на разстояніи отъ нея на пядень. Тогда это называется сидящимъ игрокомъ, который получаетъ чокнувшіяся или спадившіяся бабки.

Чокакчики или
можки. Въ этой игрѣ участвуетъ двое. Одинъ беретъ биту у товарища, и бросаетъ ее вмѣстѣ съ своею на землю: чья бита легла жегомъ, тотъ бьетъ ее своею, но такъ, чтобы она, чокнувъ объ нее, отскочила болѣе, нежели на пядень, въ противномъ случаѣ онъ беретъ его бабку, и тогда начинается игра съзнова. Если кто вѣтъ раза, будетъ чокать бабку другого, то онъ выигрываетъ его бабку; но когда затретымъ разомъ сидѣть одну биту, то онъ лишается игры, и такое удареніе называется на языѣ эжиску.—Въ чеченчики играютъ тѣ, которые проиграли всѣ свои бабки, въ надеждѣ возвратить свою потерю. Проигравшій разсуждаетъ: ужъ выигрывать, такъ выигрывать; проигрывать, такъ проигрывать. Ведя глазами по выиграннымъ его товарищами бабкамъ, онъ чокается своею битою, и вызываетъ охотника:

кто въ чеканчики? кто въ чеканчики? При этомъ положеніи, онъ бываетъ подобенъ проигравшему въ картахъ, загибающему уголь въ вызывающему метать въ банкъ.

Преигравшіе бабки прибѣгають часто къ ненеслѣдственному обману: они вдругъ падаютъ на конь съ крикомъ: «шарана!» и разграбливаютъ.

Бываютъ при выигрышѣ вознагражденія: кто склонитъ свою батку на прокатъ, тотъ получаетъ за нее нѣсколько баковъ.

Эта игра татарская, и есть тоже самая, что въ баб-альчики. Ставить въ кружекъ по парно бабки, которые приготовляютъ изъ подковъ овецъ. — Сначала конаются (мѣряются на пальцы): чія рука на верху, тому быть прежде всѣхъ, а прочимъ по своему порядку. Играющіе имѣютъ нарочно сдѣланные изъ свинца битки, называемые альчиками, которые бываютъ побольше обычновенной бабки. Бываютъ на одномѣрное разстояніе. Альчикъ держать въ правой руцѣ, между двумя пальцами: мизинцемъ и большимъ. Альчикомъ не бросаютъ, но шелкаютъ въ коньки: кто сбьется, тотъ получаетъ ихъ. За первыймъ игрокомъ слѣдуютъ другие по порядку, съ той уже разницыю, чія альчикъ упалъ да-ле, тому быть прежде. — Играютъ въ альчики еще вначалѣ. — Каждый изъ играющихъ ставитъ пару коньковъ, подобъ проведенной черты, — и этотъ рядъ коньковъ, называется козыю. Потомъ брасаютъ битко изъ за козны: чія бита ложеть, тотъ лишается права быть; но если биты станутъ огецоромъ (неровнымъ бокомъ) или тамешокъ, (ровнымъ бокомъ), то быть прежде тому, у кого огецара. Бываютъ же козы на ступень отъ вея, шелкая тремя первыми пальцами. Сбившій рядъ козы, получастъ ее.

Избираютъ на зулу или на ульи пространное мѣсто, то и очерчиваютъ конъ, — круглое или четырехуголь-

ное мѣсто. Въ срединѣ его ставятъ пыжъ: толстый, деревянный отрубокъ въ четыре вершка, а иногда болѣе. Игроки выбираютъ палки длиною въ аршинъ, и сажаются сбивать пыжъ, на условленномъ разстояніи. Начинаетъ тотъ, кому прежде достанется бить по жребію. Для этого каждый, взявъ въ правую руку палку а въ лѣвую пыжъ, бьетъ по немъ, и кто отобьетъ дальше, тотъ дѣлается игрокомъ, а кто ближе, тотъ вожатымъ. Этотъ способъ выбора называется чакованіемъ. Игрокъ бьетъ палкою объ пыжъ; онъ долженъ сбить его изъ круга, потомъ бѣжать за свою палкою, чтобы не допустить вожатаго, схватить ее, и наконецъ возвратиться на свое мѣсто. — Прочіе не должны брать въ руки палку; иначе они лишаются игры, и одинъ изъ нихъ, болѣе виновный, дѣлается вожатымъ. Если бы кто захотѣлъ спорить въ игрѣ, то съ него выжимаютъ масло: двое изъ игроковъ стискиваютъ его палками, пока онъ не начнетъ умаливать и плаветь. При чакованіи говорятъ: чаковчики, маковы головочки, малечина, малечина! Сколько часовъ до вечера до зимиаго? — Разъ, два, три. — Этотъ счетъ дѣлается, когда пыжъ бьютъ палками, чтобы знать, кто болѣе чаковался. —

Во многихъ мѣстахъ играютъ въ пыжъ, безъ особыхъ притязаній: ставятъ его въ кругъ на извѣстномъ разстояніи, и бьютъ по очередно по немъ; кто сбиваетъ удачно, тотъ продолжаетъ играть до первого про-маха; промахнувшійся же обязанъ становить пыжъ.

Скрагли. — малороссийская игра. Она имѣть вѣкото-ре сходство съ пыжемъ. Очерчиваютъ кругъ, назы-вающийся городомъ, и кладутъ въ немъ отрубки том-стыхъ, но короткихъ палокъ; потомъ бросаютъ жре-бий, кому бить прежде. Кто выбьетъ изъ города за

черту, тотъ ёздить на своемъ противнике, и ёдетъ въ завоеванный имъ городъ съ торжествомъ.

Въ другихъ мѣстахъ играютъ еще иначе. Ставать на очерченномъ кругѣ деревянные скрагли; играющіе отмѣривають отъ круга шагами, условленное разстояніе, а другіе бросаютъ отъ круга палки, и чія упадетъ дальше, тому начинать бить. Сбившій скрагли съ черты, славится своей ловкостію, и потому онъ ставить для играющаго съ нимъ скрагли, на томъ мѣстѣ гдѣ онъ упали, а отнюдь не на самой чертѣ. Товарищъ его долженъ сбивать; сдѣлавши промахъ, онъ лишается права сбивать въ другой разъ, предоставляемъ искусству своего соперника. Они продолжаютъ сбивать поперемѣни, пока не собьютъ всѣхъ, и тѣмъ окачивается забава, которая, кроме ловкости и тѣлеснаго упражненія, не имѣеть другаго назначенія. Мальчики и взрослые весьма любятъ заниматься скраглями; играютъ по большей части въ двоемъ.

Малороссійская игра, употребляемая однако во мнозинѣ Славянъ, гдѣ мѣстахъ Россіи. Скляпъ есть деревянный отрубокъ, съ одного конца за остренной, а съ другого плоской. Заостреннымъ вбиваются слегка въ землю; потомъ бросаютъ игроки свои палки отъ скляпа, и гдѣ уложутся, оттуда начинаютъ бить. Обыкновенно бьеть первымъ тотъ, чія палка ляжетъ далѣе. Сбившій скляпъ ставить его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упадетъ. Случается, что товарищу достается бить съ такого дальнаго мѣста, что онъ едва можетъ добротить до него свою палку. Все искусство здѣсь состоять въ томъ, чтобы сбить сдали.

Ставить на одной чертѣ въ одинъ рядъ, нѣсколько Кегелей, только на ровномъ мѣстѣ и даже на лугу; средній, самый высшій, носитъ название короля, прочие Алановъ (слугъ). Съ двухъ противуположныхъ сторонъ станов-

вятся игроки, на условленномъ разстояніи, называемомъ чертою игроковъ. Начинающій сбивать, береть въ руку шаръ, мѣтить имъ въ кегли и старается бросить такъ, чтобы не катавшемъ по землѣ, но ударомъ попасть и сбить. Если король выбьется за черту, противуположную игроку, то считаются сто, а прочие по десяти очковъ.

Скокор-дни. Малороссійская игра. Два игрока садятся на землю, и держать въ рукахъ по гибкой палки. Одинъ изъ нихъ сгибаетъ палку, и пускаетъ ее по землѣ: она дѣлаетъ колесообразные прижки, и чѣмъ дальше, тѣмъ похвальнѣе для игрока: въ этомъ обнаруживается особая ловкость и снаровка. Другой игрокъ такъ же пускаетъ свою палку, и оба продолжаютъ испытывать ловкость другъ у друга.

Цурка. Малороссійская игра. Цуркою называется небольшая, заостренная съ обѣихъ сторонъ палочка. Одинъ изъ игроковъ, положивъ ее на землю, бьеть съ какаго нибуль края, особой палкою. Отъ искуснаго удара цурка летить вверхъ: тогда игроки не допускаютъ ее упасть на землю, — подхватываются на легу валькой и бываютъ вверхъ. Если случится, что она отъ удара залетѣть далеко, и противуположный игрокъ не успѣтъ подхватить своимъ ударомъ, то, съ того мѣста, откуда первый ударилъ, и до того мѣста, гдѣ она упала, отсчитывается шагами мѣстное разстояніе, напримѣръ: 200, 300 шаговъ, и т. д., и потомъ начинается бить снова первый игрокъ, продолжая до первого промаха. Если онъ въ продолженіи своей игры выигралъ, напр. 100 шаговъ, то его товарищъ долженъ отыграть ихъ. Во всякой игрѣ, весьма непріятно проигрывающемуся: его береть досада, и онъ старается всѣми силами отыграться. — И тутъ-то онъ проигрываетъ.

Въ цурку еще играютъ иначе. Начерчиваютъ кругъ,

который называется *городкомъ*; посрединѣ его вбиваются колышекъ, называемый *столбикомъ*. Потомъ ко-
наются двое; каждый изъ нихъ имѣеть свою половину
игрѣкъвъ: одна половина становится подлѣ городка,
а другая отправляется въ поле. Игроку подаютъ цур-
ку, или какъ говорятъ *гилитъ* одинъ изъ числа по-
левыхъ: если первый промахнулся, то заступаетъ его
место другой, изъ одной же половины; если все про-
махнутся, то лишаются игры, и все идутъ въ поле,
а бывшіе въ полѣ, начинаютъ бить цурку.

Бьющий цурку старается ударить высоко и далеко:
стоящіе въ полѣ, должны отбивать ее на лету въ го-
родокъ. Стоящій въ городкѣ, долженъ отбить ее въ
свою очередь, и такъ продолжаютъ отбивать ее другъ
къ другу. Если находящіеся въ полѣ, не отбиваютъ цур-
ку на лету, то по крайней мѣрѣ надобно попасть ею
въ столбъ. Стоящій въ городкѣ долженъ отбивать сво-
ей палкой, тѣ: не допустить, чтобы цурка попала
въ столбъ. Попавшій кто либо изъ полевыхъ, идетъ
съ своей половиной въ городокъ, а тѣ, которые были
въ городкѣ, идутъ въ поле. Но когда стоящий въ
городкѣ, отбываетъ цурку, тогда мѣряютъ шагами отъ
столба до упавшей цурки, и такое пространство ша-
говъ называется *кономъ*. — Сколько оказалось коновъ,
столько разъ ёздятъ городскіе на полевыхъ, отъ стол-
ба до цурки. Водитель горожанъ садится верхомъ на
водителѣ полевыхъ; за нимъ ёдуть рядомъ горожане,
на другихъ полевыхъ.

Эта игра употребляется и между Русскими. —

Малороссійская игра. На землѣ чертятъ крестъ, ко-
торый называется *раемъ*; вокругъ рая или противу рая,
выкапываются нѣсколько десятокъ ямочекъ; между ра-
емъ и ямочками, дѣлаютъ большую яму, которая на-

зывается *пекломъ* (адомъ). Играющий беретъ въ руки ножъ, и взявшись за его остріе, бросаетъ въ землю, чтобы онъ воткнулся, и всякий разъ, какъ воткнется, онъ ставить въ ямочку прутикъ или палочку, и продолжаетъ пока не дастъ промаха. Если онъ попадъ 20 или 30 разъ, то другой игрокъ долженъ отыграть это число, и потомъ доходитъ до рая. Рѣдко случается, чтобы игроки доходили до рая. Первому игроку случается, но второму предстоитъ много трудностей, потому что ему надобно отыграть первыя ямочки. Когда второй игрокъ промахнется, тогда продолжаетъ играть первый, засчитывая первыя ямочки, и только онъ доходитъ до рая.

Тычка. Игра въ рай, напоминаетъ намъ игру ножемъ въ тычку, отъ коей выдумана смерть Царевича Дмитрия, но который умеръ, безъ сомнѣнія, отъ рукъ злодѣевъ: Осипа Волохова, Даниила Битяговскаго и Никиты Качалова. Взявшись за конецъ острія ножа, игрокъ бросаетъ его на землю, чтобы онъ воткнулся въ нее. Кто больше втычетъ остріемъ, тотъ считается на другомъ игрокѣ свои выигрыша; другой же игрокъ долженъ отыгрываться. Игра передается всякой разъ послѣ промаховъ, и продолжаютъ играть до усталости, или откладываютъ отыгрышъ до слѣдующаго раза. —

Исчисленныя здѣсь игры, какъ то: скрагли, скяпъ, скопердинъ, цурка, кегли, рай и тычка, будучи весьма полезными занятіями для тѣла, замѣняютъ гимнастическая упражненія.

Чекарда. Самое название чекарла, есть татарское, и игра эта перешла къ намъ отъ Татаръ, во время порабощенія нашего. — Игроки раздѣляются на двѣ половины; избранные отъ двухъ половинъ, конаются между собою. Половина, которой досталось по канапью поврежнаго (такъ выражаются), становится къ стѣнѣ и одинъ изъ игроковъ уни-

рается обь стѣну своей головою; позади его становится другой, въ такомъ же положеніи какъ первый, исключая того, что онъ держитъ голову подъ мышкою первого, для прудохраненія ея отъ ушибу во время игры; за чимъ становится третій точно также, а потомъ и всѣ остальные. — Составляющіе другую половину, пригаютъ одинъ за другимъ на нагнувшихся, и садятся верхомъ,—ни за что и ни за кого не держась. Вспрыгнувшій послѣдній, ударяетъ три раза въ ладони и кричитъ: чекарда, ярда! Если изъ вспрыгнувшихъ никто не упадетъ, и потомъ изъ соскочившихъ тоже никто не упадеть; то продолжаютъ вспрыгивать и соскакивать до тѣхъ поръ, пока кто не промахнется. Тутъ много зависитъ отъ ловкости вскачивать и соскакивать, а потому первая половина замѣчается второю. Кто промахнется изъ нихъ, тогда тѣряется игра, и первая половина начинаетъ такъ же бѣзить на нихъ, какъ вторая. Эта игра доводить иногда до крайности: отъ вскачиваній и соскакиваній, насиживаются спину и бока, отъ чего долго не могутъ разогнуть ихъ.

Становятъ попарно бабки или пыжи, въ видѣ шести-^{Городка} угольника,—это значитъ городить; въ срединѣ его три гибзда, которыя называются сердцевина или средовина. Бабочный городокъ бываютъ свинцовыми, или чугунными биткомъ. Если кто собьетъ городокъ, тотъ похваляется предъ всѣми, а если дотронуть средовину, то плотть шестерней, (по шести бабокъ).—Если, по разбитію городка, остается невредимою сердцевина, то остается въ пользу домосѣдовъ,—т. е. такихъ, которые при бросаніи жребія биткомъ сдѣлалиничку,—битокъ, но только тотъ, который упалъ на лѣвой бокъ. Одна плоцка и жигъ, даютъ право на игру. Плоцка значитъ, когда битокъ падаетъ правой стороною, а жигъ, когда спинкой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи, и даже въ

съверной ея полосѣ, городкомъ называютъ иногда са-
мой пыжъ, — Есть еще особая игра въ городки, упо-
требляемая въ смоленской губерніи.

Втыкаютъ въ землю не большую сучковатую па-
лочку. Каждому сучку, отъ низа до верху, даютъ на-
званіе городковъ, селеній и деревень. Первому сучку
всегда даютъ имя той деревни, гдѣ играютъ. Употре-
бительнѣйшія названія, это: королево, Тушинъ, посто-
ядый дворъ, кабакъ. Москвою называютъ самой верх-
ней сучекъ, а подъ каждого постоянаго двора, назна-
чаютъ кабакъ. Послѣ приготовляютъ для себя по де-
ревянному крючку, а одну палочку разрѣзываютъ по
поламъ, которую метаютъ потомъ по жребію. Если
двѣ половинки палочки, упадутъ на землю двумя пло-
скими боками, то играющій вѣшаєтъ крючекъ на пер-
вомъ сучкѣ; если онъ снова лягутъ тѣми же боками,
то крючекъ перевѣшивается сучкомъ выше. Если ля-
гутъ; одна плоскою а другая круглою, или обѣ круг-
лыми сторонами; то крючекъ остается на прежнемъ
местѣ, и палочки бросаетъ уже слѣдующій. Такимъ
образомъ играющіе, перевѣшивая свои крючки съ суч-
ка на сучокъ, доходятъ до Москвы, и потомъ возвращаются
домой, т. е. переходятъ къ первому сучку
снизу. — Когда возвращающійся изъ Москвы, встрѣ-
тится съ ѿдущимъ туда, то онъ даетъ ему дорогу, от-
двигаясь отъ него сучкомъ ниже; когда ѿдущій въ
Москву догонитъ другаго, туда же ѿдущаго, тогда
онъ постороняется отъ него не много, — перевѣшиваетъ
свой крючекъ ближе къ Москвѣ. Кто прежде другихъ
сѣздила въ Москву и возвратится домой, тотъ дѣ-
лается царемъ—побѣдителемъ, который наказываетъ
отставшихъ щелчками въ ладонь или въ лобъ. Счетъ
щелчковъ начинается отъ того сучка, на коемъ оста-
новился каждый, при возвращеніи побѣдителя домой.—

Послѣ наказанія, вновь обновляется игра; начинается ее побѣдитель-царь, за нимъ тогдѣ, кто отсталъ менѣе, и т. д.

Эти городки выражаютъ то смутное состояніе Россіи, когда при удѣльной системѣ искатели московскаго престола, спѣшили въ Москву, объявляли себя владѣителями и торжествовали надъ своими соперниками, а эти соперники ниспровергали въ свою очередь первыхъ самовластителей. — Игра въ эти городки вошла въ употребленіе, нѣтъ сомнѣній, по успокоеніи отечества нашего отъ волненій, должно думать не ранѣе половины XVII вѣка.

Тонкіе и круглые столбики, вышиною не болѣе въ ^{Крепла} четыре вершка, называются крѣглами. Для игры начерчиваются два четырехугольника, въ разстояніи другъ отъ друга на пятьнадцать или двадцать шаговъ; между ними выжимаются не большую ямку, называемую масломъ. По линіямъ четырехугольниковъ, ставить изъ крѣглей города, а именно: одну крѣглю кладутъ вдоль черты, на верху той крѣгли три: двѣ рядомъ а третью сверху; съ одного конца ставятъ пятую, и это называется построеніе города. Играющіе дѣлятся на двѣ половины: первой половины игрокъ бѣть палкою въ городъ противниковъ, и если отъ выбѣтъ изъ черты иѣсколько крѣглей, или хотя одну; то онъ переходить съ своей половины на ясло, и уже бѣть оттуда остальными крѣгли. Бываетъ, что вся половина перебѣть, а на маслѣ никто не переходить, потому что ни кто не выбѣтъ изъ города крѣгли. Но когда троуть городъ изъ своего мѣста, то играющіе идутъ осматривать его: нѣтъ ли въ немъ лежащихъ на чертѣ крѣглей. Если онѣ повалились внутри черты; то называются ложками. Та половина, которая выбѣтъ городъ послѣ, ищетъ противниковъ отъ одного города къ другому, только одинъ разъ, а потому первая по-

ловина снова начинаетъ игру.—Во время игры появляются особые охотники, называемые козлами. Это тѣ изъ нихъ, которые не пристаютъ ни къ той, ни къ другой стороны, и бѣть поперемѣнно за нихъ, приходя къ нимъ на помощь.—Это тоже, что наемщики, у коихъ честь тамъ, гдѣ даютъ больше денегъ.

Выраженіе крѣглей, есть нападеніе непріятелей на городъ, который отнимаютъ поперемѣнно, другъ у друга, и въ это время появляются охотники и перетчики со всѣхъ сторонъ, получающіе за свои услуги золото.

Буй. Буй по своей особенности, вѣсма пріятельная игра. Она ведется въ Ярославль, съ незапамятныхъ временъ. Подобной забавы нигдѣ не встрѣчается въ Россіи, кроме ближайшихъ къ Ярославлю городовъ: Романа, Борисоглѣбска и Рыбинска, и въ эти мѣста вѣроятно перешла изъ Ярославля.

Эта игра имѣетъ по нынѣ многихъ охотниковъ, изъ мѣщанства и купечества. Лѣтомъ, въ воскресный или праздничный день послѣ обѣда (въ среднемъ сословіи обѣдаются въ Ярославль въ первомъ часу по полудни) играющіе буемъ являются на мѣсто игры, около трехъ часовъ по полудни, въ разныхъ мѣстахъ за городомъ, но большую частью на обширномъ лугу, за романо-борисоглѣбской заставою. Охотниковъ собираются отъ 50—100 человѣкъ. Они раздѣляются на двѣ половины поровну, на городскихъ и зарѣцкихъ; потомъ кидаютъ жребій, которой половины чакать (бить) и которой водить. Но чтобы вѣрнѣе дать понятіе объ этой игрѣ, надоѣно сказать о принадлежащихъ къ ней вещахъ: сучкѣ, коровкѣ и палкѣ.—Сучка деревянная четырехугольная плаха, толщиною вершковъ шесть, длиною отъ пяти до шести четвертей: она сдѣлана изъ бакаута или другаго тяжеловѣснаго и твердаго дерева.

Въ четверти аршина отъ одного конца, находится не большой покатый пригорбокъ, вышаню въ дюймъ.—
 Коровкой называется вещь, сдѣланная изъ слонового зуба, величиною съ голубиное яйцо или нѣсколько болѣе, вѣсомъ отъ 8—10 золотниковъ. Палки кленовые, толщиною въ полтора вершка, длиной отъ 4—5 четвертей. Эти вещи употребляются слѣдующими образомъ: кладутъ сучекъ на землю, и къ находящемуся на ономъ пригорбку, ставить коровку; одинъ изъ игроковъ беретъ палку, и отступивъ нѣсколько шаговъ, бросаетъ съ разбѣгу палку на сучекъ: она бѣгъ по коровкѣ и прижимаетъ ее къ пригорбку, отъ чего коровка съ визгомъ летить къ верху, и описывая полукругъ, падаетъ за 50, а иногда за 100 сажень отъ сучка. Разстояніе зависитъ отъ силы и вѣрности улара, и умѣнія игрока.—Правила игры и употребляемые при оной термины, слѣдующіе: когда вынутъ жребій, которой половины чакать и которой водить, тогда первая остается у сучка, и поперемѣнно чкаетъ коровку, а другая половина идетъ въ поле водить,—ловить и погавать улетающую туда коровку. Для этого становятся въ разныхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе поймать и скорѣе перебросить коровку къ сучку, ибо отъ проворства ловящихъ и отъ чкающихъ, зависитъ ихъ освобожденіе. Нѣкоторые изъ водящихъ, особенно, стоящіе на мѣстахъ, куда болѣе улетаетъ коровка, имѣютъ на лѣвой руцѣ рукавицу, чтобы во время ловленія коровки, было не больно рукѣ. Если некоторые изъ чкающихъ, сдѣлаютъ промахъ или чкнуть ближе мѣты, называемой вышлой, или и за вышлую, но не успѣютъ поднять и привести палку къ сучку (при хорошемъ уларѣ палка ложится далеко отъ сучка, а при слабомъ не улетаетъ далеко), а между тѣмъ находящіеся въ полѣ успѣютъ перебросить чкнутую ими коровку къ сучку; то

промахнувшіеся не имѣютъ права болѣе чкатъ, а должны за всѣ эти промахи, вмѣсто наказанія, сходить въ поле до бѣлы, такъ называемой мѣры въ 50 сажень отъ сучка, и оттуда, во время хорошаго удара, пока не перекинутъ изъ поля коровку, прибѣжать къ сучку. Если кто не успѣеть прибѣжать, и коровка будетъ переброшена прежде, въ такомъ случаѣ всѣ чкающе линчаются права чкатъ, и идуть въ поле водить, а водящіе приходять чкатъ на ихъ мѣсто. Случается, что всѣ чкающе гасятъ, т. е. падѣаютъ промахи: тогда они отправляются въ поле для бѣганья, а остается для выкупа ихъ одинъ, всегда лучшій игрокъ. Если онъ сдѣлаетъ промахъ, или вычкаетъ за вымѣну или хотя чкаетъ и далеко, но не успѣютъ до подачи коровки, обратно прибѣжать заѣхавши отъ бѣглой къ сучку, или же сдѣлаетъ зачкую, т. е. чкинетъ въ сторону, куда такъ же чкатъ запрещено (съ обѣихъ сторонъ сдѣланы мѣты); то за всѣ эти упущенія чкаюющіе должны ити водить, а водящій чкатъ до подобнаго же случаѣа. Любопытно смотрѣть, когда заѣзжихъ или бѣгальщиковъ накопится человѣкъ 50 или болѣе,—какъ они побѣгутъ при хорошемъ ударѣ, что есть духу, изъ поля отъ бѣглой и обратно къ сучку. Игрови для легкости склоняются съ себя спортушки, или другое верхнее платье, и саноги. Если некоторые изъ нихъ не могутъ скоро бѣгать, то въ такомъ случаѣ враспять когонибудь изъ игрововъ сбѣгать за себя. Это допускается тогда, когда онъ не имѣеть за собой подобной обязанности. Между тѣмъ водящіе, съ необыкновенной скоростію и искусствомъ, ловятъ коровку на лету, перебрасываютъ ее другъ къ другу, и всѣми силами стараются, какъ можно скорѣе докинуть ее до сучка, и тѣмъ освободиться отъ непріятной и тяжелой должности водящихъ, т. е. подаваль-

щиковъ. Въ избѣженіе споровъ, что прежде достигнетъ черты, водящіе оставляютъ у сучка изъ своей подовини свидѣтеля, называемаго забуйщикомъ, для надзора за справедливостію чкающихъ и полетами коровки.

Эта игра принадлежитъ къ гимнастическимъ занятиямъ: въ нее играютъ возмужалые, женатые и пожилые. Играютъ и дѣти, но только особо и въ маленькомъ размѣрѣ.

Это игра собственно денежная, принадлежитъ къ ^{Пристѣнковъ.} запрещеннымъ и называется въ иныхъ мѣстахъ орелъ и орликъ. По праздничнымъ днямъ, собравшись рабочій и ремесленный народъ на улицу, бросаетъ вверхъ грошъ или центакъ. Если онъ падаетъ орломъ, то его выигрышъ; если противною стороной, — проигрышъ. Эта игра доводитъ многихъ до разоренія, и очень часто проигрываютъ свою одежду. Проигрывающіеся выходятъ изъ себя: заводятъ ссоры, драки и буйства.

Есть еще игра въ пристѣнокъ, другаго рода. Она состоить въ томъ, что становятся нѣсколько въ одинъ рядъ, около стѣны; раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ одна старается выжать другую, и доходить до того, что тѣ сильно сжимаютъ средину, что тѣ кричатъ не своимъ голосомъ. — Ихъ даютъ, и одно спасеніе, когда успѣютъ выскочить изъ средины. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе и рѣзвыя девушки, только въ своемъ кругѣ; если же вмѣшаются въ ихъ кругъ мушкины, то происходятъ большія, со стороны молодежи, шалости.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доселе пристрастны къ орликѣ. Мечутъ мѣдную монету вверхъ и угадываютъ, которой она упадетъ стороной: орломъ ли, оборотной ли стороною, или плашмя? Угадавшій выигрываетъ прозванные деньги, или другія какія либо вещи, кото-

рыя состоять, по большой части, изъ оладьевъ, пироговъ и голубей. Послѣдними болѣе всего играютъ въ Калугѣ. Тамъ, во время торга, собираются толпы людей и прозакладываютъ голубей, лучшей породы, какъ то: турмановъ, мохноногихъ и бухарскихъ. Есть тамъ сословія, которые занимаются только разведеніемъ голубей.

Кости или зерна. Игра въ кости или зерна, была въ большомъ употреблении у Грековъ и Римлянъ. Неизвѣстно, въ какое время она перешла къ намъ, и составила азартную игру, отъ коей разорялись цѣлые семьейства. Кости дѣлались продолговатыми, ихъ бросали вверхъ и если упадали бѣлой стороною, то означали проигрышъ (*). — Эта игра преслѣдовалась взысканіемъ денежной пени. Царь Михаилъ Федоровичъ опредѣлилъ взыскивать, съ играющихъ въ зерны, по 2 рубля (**). Въ царствованіе Алексія Михайловича и всѣхъ нашихъ Государей, строго запрещалось играть въ кости. Въ наше время она почти вышла изъ употребленія, покрайний мѣрѣ къ ней уже не пристрастны. Если играютъ, то по деревнямъ и не большимъ городамъ, и большей частію не на деньги (***).

Пристѣнокъ, называющійся иначе орель или орликъ, кости или зерна и орлянка, выражаютъ желаніе при-

(*) Turbeville : Certaine letters in verse, etc. пом. въ собрав. Гакл. т. 1. с. 436. ed. 1807.

(**) Писцовые книги : да съ зерновые игры у чердыньцевъ у Сеньки Зеленого съ товарищи, оброку два рубли.

(***) Игры въ зерны и вообще всѣ азартныя игры, свойственные необразованнымъ народамъ, были во всеобщемъ употреблении между американцами. Robertson. Hist. of America, кн. 4. с. 128. изд. 1828 г.

были: на удачу, на счастіе, а не умомъ и благородными трудами.

Зерна есть собственно азіатская игра: она была известна Аравитянамъ, оттуда перешла въ Персію, а оттуда въ кипчакскую орду, которая, передавъ намъ и некоторые свои обычаніи и одежды, ознакомила нась съ этой игрою. — При изслѣдованіи Сараа (*), были находимы мною зерна или кости, съ отмѣткою на нихъ очковъ, черной краскою.

Берутъ длинную веревку и подаютъ охотникамъ, иъ коимъ немедленно пристаютъ другіе. Одна половина ^{Перетягивание веревкой} перетягиваетъ другую, и кто кого перетянетъ, того взяла. Случается, что натянутая веревка рвется, и тогда вся половина, которая не устояла на ногахъ, падаетъ другъ на друга; съ противной стороны происходить смѣхъ и радость, къ досадѣ упавшей.

При перетягиваніи упираются ногами объ землю, какъ можно крѣпче, но никакъ не позволяютъ хвататься ни за стѣну, ни за столбъ, и т. п.

Имъ забавляются во всякое время, не одни молодые, но и пожилые. Для этой игры покупаютъ марочно сдѣланную доску, съ проведеною на ней двойною извилистой чертою. По обѣимъ сторонамъ черты, нарисованы въ кружкахъ: гуси, постоянный дворъ, темница, кружало и числа.—Предъ игрой бросаютъ кости, и кому достается ихъ больше, тому ходить впередъ. Кто успѣеть поставить впередъ шашку на гуська, тотъ имѣеть право ходить впередъ и назадъ. Прочіе игроки, съ

(*) Его остатки находятся на лѣвомъ берегу реки Ахтубы, вынь на этомъ месте уездный городъ Царевъ, саратовской губерніи.

меньшииъ числомъ очковъ, могутъ только ходить впередъ и заходить на постоянный дворъ. Тутъ платить за постой, смотря по условію игры; кто зайдетъ въ темницу, тотъ лишается игры. Выиграть остается всегда на той сторонѣ, кто дойдетъ до послѣдняго знака.

Игра въ гусекъ, имѣеть нѣкоторое сходство съ шахматною.

Шахматы. Эта игра известна съ самыхъ древнихъ временъ, и должно думать, что она перешла къ вамъ отъ Татаръ, кои безъ сомнѣнія переняли ее отъ восточныхъ жителей, ибо она есть собственно восточная игра. При изслѣдованіи мою Сарая, я находилъ шахматные шашки изъ пальмового дерева.

Другие полагаютъ, что игра въ шахматы есть персидская, потому только, что она въ Персіи въ большомъ употреблениі. — Иностранцы говорятъ, что машъ народъ проводилъ досужное время въ этой игрѣ, и она была столь любимою, что отъ простолюдина до Царя, занимались ею безъ исключенія, — обнаруживая въ неї всю изворотливость своего ума (*). Сидѣльцы и куницы, не только играли дома, но въ своихъ лавкахъ, на рынкахъ и площадяхъ. По праздникамъ и буднимъ днямъ, всѣ почти были заняты шахматной игрою. — .

При воспитаніи велиокняжескихъ дѣтей учили, между прочимъ, шахматной игрѣ, безъ сомнѣнія по той причинѣ, что она изощряла умственные способности. Царь Иоаннъ IV, будучи уже предъ смертію, спросилъ

(*) In comeditionibus non tantum rubri chartae symbola regis lubenter tractant sed et ludo tesserario gaudent. Summa autem solertia praelia latronum ludunt. Ut gemini inter se reges albusque nigerque pro laudi oppositi certent bicoloribus armis. Melet. de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г., in 4.

шахматную доску и готовился играть съ любищемъ своимъ княземъ Бѣльскимъ: сидя на постель. ошь самъ разставлялъ шашки, а вдругъ закрылъ глаза на вѣки. —

Въ шашки играютъ на такой точно доскѣ, какъ въ шашки. Шахматы, съ тою разницею, что шашки не требуютъ большей хитрости, по изысканію; шахматы же требуютъ очень хорошаго соображенія, тонкости, ловкости и изворотливости ума.

Изъ шахматной игры образовалась игра въ шашки; послѣднюю занимаются нынѣ гораздо болѣе, нежели первую. Нѣтъ мѣста по городамъ, гдѣ бы не увидѣли шашекъ. Особенно она сдѣлалась любимою игрушкою, которые, сидя въ гостинномъ дворѣ, проводятъ цѣлый день въ этой забавѣ. Замѣчательно, что обѣ упомянутыя игры, составляютъ одно пропровожденіе времени, отшюдь не играютъ на деньги. — Въ шашки играютъ: идя въ ламки, въ подавки и въ волки. Въ первомъ случаѣ стараются или перебить всѣ шашки, или запереть ихъ, во второмъ поддавать всѣ свои шашки, чтобы противникъ перебилъ ихъ; въ третьемъ: двѣ шашки, называющіяся волками, ходятъ во всѣ стороны, впередъ и назадъ, и бояться овецъ, — противуположныя имъ шашки. Но все искусство состоять здѣсь въ томъ, чтобы овцы загнали волковъ, не дали имъ ходу, и съ тѣмъ вмѣстѣ не допустили бы волковъ рѣзать овецъ.

Многіе иностранцы пишутъ, что шашки были любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ, въ самое еще древніе времена. (*)

Нѣсколько парней, говорившихъ между собою, отъ ложка.

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Turbev. Certaine let. in verse, Written by Turbeville aut of Moskovia to friends of his, пом. въ собр. Гакк. т. 1 с. 436. ed. 1809 г.

прин- правляются къ прянинику, — это бываетъ въ большия
дни. праздники, — и тамъ ломаютъ или бьютъ прянинки
пальцами, смотря потому, какой между ними уго-
воръ: ломать на пять частей, или болѣе? Это выра-
жается у нихъ: хочешъ ли на пять? Даешь на пять?
Тогда охотникъ, взявъ за уголъ прянинка двумя паль-
цами, бьетъ его объ скамью или объ что нибудь дру-
гое; но чтобы онъ разлетѣлся именно на столько ча-
стей, на сколько было условлено. Разлетѣвшіяся ча-
сти собираются и складываются изъ нихъ весь прянинкъ,
чтобы осмотрѣть: не было ли въ немъ скважины? Ес-
ли найдется скважина, то ломавшій проигрываетъ; ес-
ли же разбитые кусочки, согласны условіямъ, то ло-
мавшій береть себѣ прянинкъ, а одинъ кусочекъ даетъ
покушать проигравшему. — Игра возобновляется и
продолжается по согласію. — Въ этой игрѣ обнаружи-
вается сила и искусство, и есть чистая русская.

Борьба. Искусные борцы берутъ не силой, а ловкостію: про-
тивникъ старается схватить своего противника такъ,
чтобы онъ потерялъ равновѣсіе, — тогда смыло можетъ
повалить или бросить его на землю, какъ игрушку. — Искусившіе въ борьбѣ, часто ломаютъ другъ друга
до изнеможенія, но вѣсколько часовъ, и потомъ рас-
ходятся. Ожесточенные же схвачиваются, жмутъ такъ
крѣпко, что кажется слышешьъ, какъ хрустятъ кости, или
дашать, пока не упадутъ оба. Проворный вскаиваетъ,
бросается на лежачаго и указываетъ на него съ тор-
жествующимъ видомъ, но паденіе противника не счи-
тается за побѣду. Она тогда только признается, когда
кто изъ двухъ поборетъ безъ лукавства и хитрости, —
потому что вѣкоторые изъ нихъ подставляютъ ногу и
сбиваются. Надобно, говорить искусные въ борьбѣ, по-
бороть ловкостію.

Эта игра была любимою у древнихъ Грековъ. Въ ней особенно отличались на олимпийскихъ вграхъ; победителей украшали лавровыми вѣнками.

Это древняя забава, нашихъ русскихъ удальцовъ. ^{кулач-}
Итти на кулачный бой, это значило потешиться или ^{ний бой.}
праздникъ въ полномъ разгуль, и это соста-
вляло особый родъ военного упражненія, которое прі-
учало молодыхъ людей къ смертоносной битвѣ.

Восточные народы вели самыя битвы рукопашнымъ боемъ: крѣпкій кулакъ защищалъ его такъ же хоро-
шо, какъ оружіе, которое состояло, по обыкновенію
древнихъ, изъ короткихъ желѣзныхъ мечей, копьевъ
и вооруженныхъ слоновъ. По улучшеніи ручного ору-
жія и изобрѣтеніи огнестрѣльного, все измѣнилось. —
Битвы сдѣлались науково, а воины исполнителями пред-
начертаній полководца.

Кулачная побѣда на Русси, известна современъ ея
самобытности. Лѣтописцы наши говорять объ ней, еще
въ нач. XIII в., съ какою-то восторженностью. В. К.
кіевскій, Мстиславъ III, и князь исковскій, Влади-
миръ, ободряя предъ битвою своихъ союзниковъ: Нов-
городцевъ и Смоленцевъ, къ храброму отраженію В. К.
Юрія Всеволодовича, представили имъ на волю:
сразиться на коняхъ или пѣши. Новгородцы отвѣчи-
ли: мы не хотимъ на коняхъ, но сразимся, по примѣ-
ру нашихъ предковъ, пѣши и на кулакахъ. — Въ по-
следствіи времени кулачный бой здѣлся забавою на-
шего народа.

Кулачные бои производились одинъ на одинъ, стѣ-
на на стѣну или свалкою. — Употребительнѣе изъ
нихъ одинъ на одинъ. Бои начинались съ зимняго Ни-
колы, и продолжались до сборнаго воскресенія. — Въ
мразничные дни сходились мальчишки и взрослые
за городомъ на обширномъ мѣстѣ, или на городской

плотадѣ, или на покрытую льдомъ фѣку: тамъ подавали знакъ свиномъ, чтобы собирались сюда охотники—бойцы. Городскіе бойцы, всегда брали варѣнья наль даренскими. Прославленнымъ бойцамъ вмѣнялось въ честь пить водку, считалось за бесчестье брать подарки, кото-рыми ихъ сманивали на свою сторону и этимъ терялась ихъ слава. Когда стѣна билась на стѣну, тогда боецъ пряталъ въ рукавицахъ чугунные бабки, или камни. Дѣти зачинали бой. — Записные бойцы стояли въ от-даленности, наблюдая за бьющимися; каждая изъ про-тивныхъ сторонъ, уговаривала отличныхъ бойцевъ ре-рейти на ихъ сторону, обѣщаю имъ большия подарки и зина до упою. Когда стѣна гнала стѣну, тогда мок-лодецъ—боецъ, или надѣка—боецъ, засучивъ рукава и сжавъ съ крежетомъ зубовъ оба кулака, легъ на бѣ-шеннымъ звѣремъ, съ распущенными волосами, и на-носилъ страшные удары. При общей свалки уже дѣй-ствовали не однѣ руки, но ноги и колѣна; били без-жалостино своихъ противниковъ: въ животъ, въ грудь и лицѣ; но лежачаго не бьютъ. Кто болѣе другихъ удер-живался на мѣстѣ и болѣе переносилъ удары тотъ приоб-рѣталъ уваженіе, и превозносился даже его недруга-ми. По пробитіи стѣны, оставались на мѣстѣ одни бой-цы—молодцы. Ихъ битва была ужасная. Одни изъ нихъ схвачивались, ломали другъ друга, били въ ли-це, — кровь лилась, — и въ раззыянномъ неистостѣ вѣроятлились за волосы, били подъ лехкія и оба пада-ли полумертвыми. Другіе бѣжали на выручку товари-щемъ, нацадали на надѣжу—боѣца, который стоялъ уже блѣдный, какъ смерть. Онь не сдавался, переносилъ жестокіе побои, и вдругъ, уловивъ счастливую минуту, ударилъ: одного подъ глаза, другаго въ носокъ, и оба протагивались со стономъ у ногъ его. Надѣка—

боецъ сопровождался всеобщимъ радостнымъ крикомъ: наша взяла! Но если онъ быль не въ состояніи перенесть ударовъ, то одно его спасеніе, чтобы сохранить свою жизнь, надобно было упасть на землю, лежачаго не бьють, но такой оставался въ поруганіи. Очень часто случалось, что многихъ находили на мѣстѣ убитыми, или совершенно изувѣченными. По окончаніи боевъ, поклонами вели своего богатыря по улицѣ, при пѣніи громкихъ пѣсней и вводили его въ патейный домъ. —

Указами 1684 г. ноября 2, 1686 года марта 19 и другими, строго воспрещались кулачные бои. Было время, что наши бояре, тщеславясь своими бойцами, поили и кормили ихъ со своего стола; бились обь за кладъ, и сводили ихъ для своей потѣхи. Было время, что старики, восплеменяя умы молодыхъ людей, несбыточными рассказами обь удальствѣ бойцевъ, пробуждали въ нихъ страсть къ кулачному бою.

Въ Англіи обратилась наша молодецкая забава, въ искусственный боксъ. — Тамъ бются самъ другъ, и по правиламъ. Разказываютъ, что нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ, гордясь своими бойцами, сводили ихъ въ Москву съ боксерами. Достопочтенные лорды сами прїезжали сюда, и выставляли боксеровъ на дюжий кулачъ Русскаго, который, бывъ не знакомъ съ искусствомъ, такъ мѣтиль удачно въ бока и лаце, что часто, съ одного разу, повергалъ тщеславнаго бойца на землю. — Съ тѣхъ поръ боксеры перестали мѣряться съ бойцами. Изъ нашихъ бойцевъ славились казанскіе, калужскіе и тульскіе оружейники: Алеша родимой, Терѣша Кункинъ, Зубовы, Никита Долговъ и братья Походкины — Тульскіе бойцы и нынѣ славятся, во каждое мѣсто имѣло своихъ удальцевъ. —

IV. ИГРЫ ОВОЕГО ПОЛА.

Улица. Берутъ двое за концы веревку, которая называется ужищемъ, и вертятъ по воздуху. Игрокъ становится воврединѣ, и въ то время какъ вертятъ, онъ прыгаетъ съ большою ловкостю, чтобы его не задѣла веревка, которая, отъ сильнаго верчешія, поражаетъ неловкаго по головѣ и ушамъ. Въ этой игрѣ одна обротливость и проворство Русскаго. Скачки бываютъ столь ловкие, что невольно приводятъ въ изумление. Эта игра совершенно сходствуетъ съ скачкою черезъ шнуръ.

Колечки. Въ скучные зимніе вечера, любовь играетъ повсюду. Дѣвушки и мушки забавляются ею подъ именемъ колючекъ, съ большимъ удовольствіемъ. Собравшись въ одно мѣсто, онѣ перешепчиваются сначала между собою, а потомъ мушки и дѣвушки идутъ прятаться, такъ требуетъ игра.—Дѣвушка или мушка, кому вѣтъ пары, садится гдѣнибудь: въ углѣ или около стѣны; лицо и глаза завязываются платкомъ. Въ это время все остальное прячется, а сидящій говоритъ: колю, колю, баба! не выколи глаза.—Пора ли? Если отвѣчаютъ нѣтъ, то онъ снова повторяетъ прежнія слова, и когда все по прячется и на его вопросъ отвѣчаютъ пора, тогда онъ начинаетъ отыскивать попрятавшихся, и первый пойманный сминаетъ его, а всѣ попрятавшіе сзываются. Иногда первый пойманный, помогаетъ ему отыскивать; отысканный на послѣди всѣхъ, долженъ колюкать.

Жгутъ. Садится въ кружокъ мужской и женской полъ: въ срединѣ кладутъ платокъ или шапку, и каждый изъ сидящихъ долженъ поднять ее, какъ можно скоро. Между тѣмъ сзади ихъ ходить одинъ съ жгутомъ,

плетенымъ изъ платка или чего либо другаго, и бьеть того, ктѣ дотрогивается до его жгута, говоря: кому разъ, кому два, а кому ничего. — Кто ничего не дѣлаетъ, тому кладутъ за его спиною жгутъ, а сосѣдъ немедленно хватаетъ и проучиваетъ его порядочно за бездѣйствіе, и втомъ бросаетъ жгутъ въ кружокъ. Въ это время ходившій съ жгутомъ, надѣваетъ на него шапку, и кого отклиknуть, тотъ дѣлается жгутовкою.

Играютъ еще иначе. Садятсѧ въ кружокъ дѣвушки и парни, и передаютъ другъ другу жгутъ, плетенный изъ платка; одинъ ходить вокругъ передающихъ, старается его схватить или не допустить передать другому. Когда онъ не успѣетъ словить, тогда посторонніе бьютъ его своими жгутами, и немедленно передаютъ общиј жгутъ. Словившій его, бьеть оплошалаго, и тогъ выходить изъ круга. Игра продолжается до послѣдней ссоры, ибо надобно имѣть особое терпѣніе, чтобы переносить удары.

Нельзя опредѣлить въ точности этой игры. Иные, ловя другъ друга на бѣгу, стараются побить жгутомъ, и побитый изключается изъ игры, или опь занимаетъ мѣсто жгутовщика, бѣгаєтъ за другими, чтобы побить. Но если бѣгущіе не видять себѣ спасенія отъ жгутовщика, по причинѣ его быстроты, а ихъ усталости, то имъ незволяется, остановясь на бѣгу, сказать: чурь меня! Всякій изъ нихъ, добѣжавшій до столба, дерева, зданія и т. п., долженъ ухватиться руками, плюнуть на землю, и если жгутовщикъ хотѣлъ бы ударить, то остановившемуся стоитъ только сказать: чурь меня! — Если же ударитъ его, то онъ самъ подвергается побоямъ другихъ, тогда — горе ему! удары сыпаются на него.

Въ Малороссіи разыгриваются жгутъ, по большей

части, одна парни. Они садятся на землю въ тѣсный кружокъ, поднимаютъ колѣна и передаютъ изъ подъ колѣнъ жгутъ, другъ другу. Одинъ изъ парней, сидящій на ногахъ кого либо изъ играющихъ, вѣтъ жгутъ. Передающіе изъ подъ колѣнъ, приговариваются: *шай, пошишай,* и обманувъ сидящаго на ногѣ, бываютъ его жгутомъ. Побитый бросается въ ту сторону, въ которой показался жгутъ; но его стараются передать изъ подъ колѣнъ, чтобы ищущій не замѣтить, у кого онъ. Если ищущій успѣетъ поймать жгутъ, то одѣеть имъ виновнаго по спинѣ и садится на его мѣсто, а тотъ садится на ноги, кому либо изъ играющихъ, и игра продолжается по прежнему въ рядку.

Король [литовский]. Игры между Литвинами: король, бружасть и медведь, сопровождаются постоянно ударами жгутовъ.

Въ игрѣ король берется четыре полѣна съ одной стороны полосы бѣлыхъ, а съ другой черныхъ, и бросаются вверхъ. Когда упадутъ бѣлою стороной, тогда бросившій ихъ дѣляется королемъ, и имѣть право обуждать играющихъ къ наказанию жгутовъ по рукамъ. Если три полѣна упадутъ бѣлою стороной, а четвертое черной, то бросившій ихъ дѣляется маршаломъ, съ правомъ исполнительной власти; двѣ бѣлыхъ и двѣ черныхъ стороны, означаютъ шляхтича, не подлежащаго никакому наказанію; три черныхъ, одна бѣлая означаютъ холопа, коего бьетъ маршалъ по приговору короля; всѣ четыре черные стороны, означаютъ цыгана, и его подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Бружасть. Въ бружасть двое съ завязанными глазами и жгутами въ рукахъ, становятся посрединѣ избы на колѣнахъ, держась противуположно другъ къ другу, за ножки стула. Играющіе въ бружасть кричатъ на нихъ: *бружайгуль!* На ихъ голосъ они размахиваютъ жгуты,

и направляют удары на крикавшикъ, но большему частію попадаютъ другъ въ друга. Подавшій голосъ, прыгаетъ подъ стулъ или за стуль, держась за ножку рукою. Если ударъ попадетъ въ крикнувшаго, то онъ дѣлаетъ брухайбузомъ.

Одного изъ играющихъ выиграютъ въ чуланъ, всѣ иначе прочие остаются въ избѣ, и назначаютъ медвѣдемъ ного либо шея себя. Потомъ всѣкъ подходить поочереди къ дверямъ: стучится, царинаетъ и реветь. Если запертый отгадаетъ по голосу, кто изъ нихъ медвѣдь, то онъ отворяетъ дверь, и оставляетъ его мѣсто себѣ. Если отворить дверь не угадали, то всѣ бываютъ его жгутами:

...Въ восточной Сибири употребляютъ по большей час-^{драгунъ}ти тѣ же самыя игры, какія въ Россіи; но драгунъ, любимая забава синайскихъ жителей. Парни, называемые драгунами, садятся воларно съ девушкиами и молодками въ кружокъ. Посрединѣ ставятъ скамью, которую сторожить съ жгутомъ, бойкая девушка или молодка. Осмотрѣвъ или обойдя сидящикъ, она подходитъ къ парню, который ей болѣе нравится, бывать ею слегка жгутомъ и спрашивается: «Дома? — Дома. — Веди же на смотръ своего коня. — Оты береть за руку, избираемую имъ девушки, и подводить къ скамье. Она должна перескочить черезъ скамью; если задѣется, то ее бьеть жгутомъ, спрашивавшая драгуна; потомъ передаетъ ей жгутъ, а сама ходится на ее мѣсто. Если перескочить не задѣши, то парень цѣлуетъ ее въ щеку, и садится съ нею на прежніемъ мѣстѣ. Заутиравшаяся девушка перепрыгнуть черезъ скамью, налезаетъ побои на драгуна. Всѣ девушки мгновенно снакидаютъ съ своихъ мѣстъ, бываютъ жгутами, приговаривая: за чемъ худо периниш? Корни лучше, будетъ прыгать. Бѣденская

искудала, вся въсюхла! — Драгунъ начинаетъ кормить свою лошадь поцѣлуями, пока она не пересыпется. Тогда она остается съ жгутомъ при скамъй, и забава продолжается, пока все не перескакаютъ.

Эта игра обнаруживаетъ сладкие поцѣлуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту лѣвушку, которую онъ любить; а лѣвушка нарочно упражняется екакать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. Лѣвушки страшно любить поцѣлуи, думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество, въ тѣсной дружбѣ.

Вѣнички. Игра восточной Сибири. Это есть ничто иное, какъ фантъ. Лѣвушки и парни садятся въ кружокъ, и поютъ пѣсни, оканчивая каждый куплетъ приказомъ: похитить молодцу вѣничкъ, примѣрно у Амуринки. Онь подходитъ къ ней и просить вѣничка (фантъ); она отказывается дать; онъ пробѣгаestъ тогда къ поцѣлуимъ, и только послѣ нѣсколькихъ поцѣлуевъ, она отдаетъ ему залогъ, который онъ кладетъ въ общіе фанты. Такимъ образомъ продолжаютъ пѣсть, пока не соберутъ сть всѣхъ вѣнички, кои разыгрываетъ уже лѣвушка, и она, за каждый выявленый вѣничкъ, получаетъ въ награду поцѣлуй. — Она счастливая! говорятъ между себѣю шонотомъ, завистливыя подруги. — Вѣничкъ выражаетъ легковѣрную любовь, забавляющуюся одними поцѣлуями, потому вѣничкъ для кокетокъ, рай наслажденій. — Можно замѣтить, что жители енисейской губерніи, весьма любятъ поцѣлуи. Нѣть нужды, что они живутъ между снѣгами, а по всему видно, что они пламенные, — но ихъ пламень проходить скоро. У нихъ есть даже поцѣлуйная плясна, называемая шестиринкомъ и осьмиринкомъ. Становится въ шесть или восемь паръ, разумѣется парни съ лѣвушками, и начинаютъ пѣсть хоромъ любовныя пѣсни. Иногда скрипка или klarнетъ, сопровождаетъ имъ; они вертятся попарно,

останавливается и потомъ цѣлаются. Потомъ снова начинаятъ вѣртѣться, или каждый мушкін кружится съ своей лѣвушкою, при хорѣ пѣсень и звукѣ музыки, и пропадающій кругъ, останавливается съ нею на своемъ мѣстѣ, и цѣлаются. Иногда удалый молодецъ вѣртѣется съ двумя хорошенъкими, и потомъ цѣлауетъ ихъ обѣими.

Посмѣяться отъ нечего дѣлать, вотъ основаніе этой дергачь забавы для скучныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ. Дергачь, или какъ другое называются деркачъ, по своему началу сходствуетъ во многомъ съ жмурками. — Дергачами называются игреки, потому что они дергаютъ за нолы платья того, который ихъ ловить. Играющіе садятся около стѣны и сидятъ надъ водыремъ, который ходить по камнатѣ съ завязанными глазами и ловить. Въ это время одинъ дергнетъ его за нолу, другой стукиетъ ногою, третій крикнетъ, однимъ словомъ: каждый старается дать о себѣ знать и не дать себя уловить. Водырь неизначе можетъ схватить дергающаго, пока не узнаетъ его по голосу; узнанный, смѣняетъ его. — Водыру случается ходить до поту, отъ того что дергающіе измѣняютъ свои голоса. — Въ эту игру допускаются всѣ возрасты.

Дергачь употребляется въ Малороссіи иначе. Вколо чиваютъ въ землю колышекъ и къ нему привязываютъ, на длинныхъ шнуркахъ, двухъ молодцевъ, — съ завязанными глазами. Одному даютъ въ руки крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленныя двѣ палочки, съ которыми онъ торчатъ, и называется дергачъ. Съ жгутомъ подкрадывается къ дергачу, ничего не видящій, и размахивается, чтобы ударить его, но свистъ раздается въ воздухѣ, а торчащий съ палочками, перебѣгаєтъ на другое мѣсто. Жгутовщикъ преслѣдуєтъ дергача, а онъ бѣгаєтъ то въ ту, то въ другую сто-

реку. Смотрите на игру помиротъ со снегу, прыгать жгутовщику: лови его! бей его! вотъ здѣсь, вотъ синь таръ! Оба; съ завязанными глазами, иногда склоняется вѣстѣ. Тогда поднимается хоккѣй со всѣхъ сторонъ. Но для деркача это весьма не выгодно, ибо если жгутъ нападетъ на него, то бѣть его безъ милосердія и сколько душѣ угодно. Деркачъ можетъ спастися бѣзъ него, только своимъ бѣсѣствомъ; жгутъ кинется за нимъ. Впрочемъ, съ побѣдѣю первого раза, про-прашается игра и занимаются мѣсто новые охотники. Бываютъ хитрости съ обѣихъ сторонъ: тайно приподнимаютъ платокъ съ глазъ, чтобы высмотреть другъ друга, и тогда горе деркачу: ссылаются удары на жгутовщика. Наблюдающіе за игрою, строго ограничиваютъ справедливость: никого изъ нихъ не допускаютъ къ обманамъ. Если жгутъ это сдѣлаетъ, то его ставятъ вѣсто деркача; а если деркачъ, то его осуждаютъ продолжать игру, до побѣдіи двухъ разъ.

Эта игра выражаетъ крѣпость и проворство, и требуетъ рѣшительного терпѣнія въ перенесеніи побоевъ. Тотъ считается недостойнымъ забавы, кто будетъ жаловаться на нанесенные ему удары. Жалующагося исключаютъ изъ числа игроковъ, и даютъ прозваніе бабы, нѣженъки, баловня и матушкина сыночка.

Король [из дворянской]. Нѣсколько дѣвушекъ дѣлаютъ кругъ, въ который ставить одну избраниую изъ нихъ, съ именемъ короля. Каждая спрашивается: король! король! что прикажешь дѣлать? — У короля нѣть жены, отвѣчаетъ король. — Спрашивавшая должна целовать короля, но она не хочетъ, и громко говорить, чтобы слышали панычи (молодые дворяне): вотъ что вздумали. Цѣловаться панночкамъ между собою! Это похоже, что горшокъ, столкнется съ горшкомъ, а масла не будетъ. — Пан-

ночки рассматриваютъ на ранычай, а стараются заманить ихъ въ свою игру; панички стоять, не вдуть; панички продолжаютъ повторять, пока не пристанутъ къ имъ панычи, которые, наскучивъ быть въ бездѣствіи, подколятъ къ нимъ и просить пришать ихъ; ради удовольствія. Раздвигается кружокъ; панычи становятся между ними или усаживаются, но всегда такими образомъ, что девицы сидятъ по обѣимъ сторонамъ каждого паныча. — Начинаютъ избирать двухъ королей, жребій постоянно падаетъ на красавицу. Одна изъ нихъ становится по срединѣ, а другой остается въ кружкѣ, составляемомъ девушкиами. Проворная девушка спрашивается, стоящаго короля въ срединѣ: король! король! что прикажете дѣлать? Она краснѣеть, зная напередъ его отвѣтъ. Король отвѣтаетъ: короля шамовать (уважать) и его, каждой паничкѣ, семь разъ цѣловать. — Вотъ что выдумали! кричатъ все въ одинъ голосъ, этому не быть! Позвѣрте, король, этому не быть! — Онъ сердится, а внутренно доволенъ; щечки ихъ зарумяниваются отъ радости, — однако все иричатъ: не быть по нашему! Девушки посматриваютъ другъ на друга, перешепчиваются и не знаютъ какъ начать. Нечего дѣлать! Каждая паничка подходитъ къ стоявшему по срединѣ королю, цѣлуя его семь разъ, ни болѣе, ни менѣе, и возвращается на свое мѣсто. Стоящій съ девушкиами король, приказываетъ, большую частію самой стыдливой: поцѣлуйте короля (*). Она вся горитъ, не смѣеть смотрѣть; подруги хохочутъ и иричатъ ей: чужь вы думаете? Чего вы стоните? Вы боитесь!

(*) Иные прибавляютъ еще: «въ стыдливое мѣсто», — это означаетъ румянецъ на щекѣ.

какъ вы закрасились! — Игравая дѣвушка береть на себя обязанность цѣловать румянецъ, говоря смутившайся: я за васъ поцѣлью! — Она подходитъ къ нему, цѣлуетъ въ обѣ зарумянившіяся щеки, и становится на свое мѣсто. Третья дѣвушка приказываетъ своей милой подругѣ, отмѣрять королю двадцать аршинъ левтъ. Она подходитъ къ нему, беретъ его за руки, поднимаетъ вверхъ и отмѣриваетъ означенное число аршинъ. При отмѣриваніи каждого аршина, она цѣлуетъ его въ щеку. Совсѣхъ сторонъ поднимается смѣхъ; всѣ указываютъ на мѣряющую, которая устаетъ уже отъ поцѣлюевъ: ей кричать: мѣрайте! мѣрайте! Она устала, но всѣ требуютъ дождѣрять. — Кончила, но вновь одна паночкѣ приказываетъ собирать подать для короля. Король идетъ рука объ руку съ избраннouимъ дѣвушкою, которая получаетъ тогда названіе королевы и собираетъ подать съ дѣвицъ. Король подходитъ по очередно къ дѣвушкѣ, каждая цѣлуетъ его, а онъ цѣлуетъ свою королеву, въ ознаменованіе вѣрно собираемой подати, которая, какъ бы складывалася тогда въ носимую сумку. — Веселость разнообразится: панычи и паночки жартуютъ между собою (шутятъ), рѣзвятся, хохочутъ и бьютъ въ ладоши отъ радости. Но вдругъ раздается изъ круга простосердечный голосъ: не щипайте панычу! — И сосѣдка рѣзвая отдвигается отъ шалуна, который отвѣчаетъ безъ застѣнчивости: панночка моя! голубочка сизая! чего вы кричите? я не щиплю, а только щекочу. — Общий смѣхъ пробѣгаєтъ по всему кругу; оборачиваются къ нимъ и хохочутъ. Панночка, желая поправить свою ошибку, говоритъ ему: прошу не щекотать, я боюсь щекотки. — Прочie играющiе пересматриваются нѣжно, жмутъ руки украдкой и прижимаются, какъ бы не хотя, другъ къ другу. Невинныя шалости и рѣзвости,

увлекаютъ играющиxъ, и невидимо летятъ между вими часы удовольствія. — Что выражаетъ эта игра? — Любовь, которая всегда волнуетъ молодость.

Двое изъ парней становятся плечами другъ къ другу, и переплетаются руками, такимъ образомъ, что когда одинъ нагнется головою къ землѣ, то въ то время другой поднимается наизнічъ, вверхъ; потомъ выпрямляются оба. Тогда другой начинаетъ то же лѣтствіе, и продолжаютъ пока не устанутъ. Эта игра представляетъ вѣсы, на коихъ взвѣшиваются соль. — Она въ большемъ употреблениіи на Литвѣ, и выражаетъ крѣпость, ловкость и силу. —

На ровномъ мѣстѣ становятся нѣсколько мужчинъ съ палками, и бьютъ ими деревянный кружокъ вверхъ. Кто выше ударитъ и чаще бьетъ, тотъ играетъ болѣе всѣхъ. — Это простая забава, но однако въ ней видны проворство и ловкость играющаго. — Она употребляется больше въ юго-западной Россіи, по деревнямъ.

Въ кончики играютъ четверо: двѣ девицы и двое кончики. Мужчины, сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подносятъ ихъ сидящимъ. Каждый выбираетъ любой для себя конецъ, и развертываетъ платокъ. Тѣ, коихъ придется концы на крестъ, должны цѣловать другъ друга.

Эта игра, пробуждая страсти, развертываетъ чувство кроющейся любви, потому въ нее играютъ большей частію воздыхателя. — Кончики есть изобрѣтеніе влюбленныхъ, и неизвѣстно, чтобы они перенесены были изъ чужой земли.

Завязываютъ глаза одной какой либо девушки, и ставятъ ее въ средину круга. Завязанная, расхаживая въ кругу, должна отгадать у кого находится жгутъ. Если она укажетъ не на ту, которая имѣеть его; то

держащая жгутъ, бьеть ее по спинѣ и передаетъ другой. Когда завязанная отгадаетъ, или узнаетъ, у кого жгутъ, тогда имѣющей его завязываютъ глаза, и она начинаетъ отыскивать въ свою очередь жгутъ.

Эта игра выражаетъ сильную любовь, и потому она наказывается ударами за легкомысліе, исправляемое одной тяжкой опытностью. —

Столбики. Ими забавляются парни и девушки, преимущественно на свиткахъ. Выбравъ кого либо водить столбики, остальные становятся попарно, недалеко другъ отъ друга, и эти пары образуютъ столбики. Водящій ходятъ съ прутомъ около столбиковъ, и намѣревается стегнуть кого нибудь. Замѣтившіе это, особенно когда онъ вблизи ихъ, перемѣняются мѣстами. Если водящій успѣть стегнуть и занять мѣсто, то лишившійся его, обязанъ водить.

Коршуны. Въ праздничный день, когда собираются у воротъ семейства, молодые всѣхъ возрастовъ скликиваютъ играть въ коршуна. Избрание коршуна производится съ общаго согласія; но часто, кто посмѣлѣе и проворнѣе, тотъ дѣлается коршуномъ. Послѣ коршуна избираютъ насѣдку, которая должна быть умною и добродушною, а всѣ прочие составляютъ цыплять, — ея семейство. Мать — насѣдка выступаетъ длиннымъ рядомъ, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти, побравшись за руки, ходятъ вокругъ коршуна въ поють:

Вокругъ коршуна хожу,
По три денежки помчу:
По коньечки,
По сопычки.

Коршунъ роетъ землю, посматриваетъ на нихъ злобно, скрежещетъ зубами, машетъ крыльями и кричитъ

коршуномъ. Насѣдка подходитъ и говорить: коршунъ! Богъ помочь. — Коршунъ отвѣтаетъ: не слышу. — Дѣти опять ходятъ вокругъ его и повторять тоже самое! — Потомъ, останавливается мать и говорить прежнее: коршунъ! Богъ помочь. — Она отвѣтаетъ: спасибо. — Коршунъ, что ты дѣлаешь? — Рою землю, да яму. — На что роешь яму? — Денежку ищу. — На что денежку? — Иголку купить. — На что тебѣ иголку? — Мышечекъ синить. — На что тебѣ мышечекъ? (*) Соли куковать. — На что тебѣ соль? — Щи посолить. — На что тебѣ посолить? — Одну половину самому сѣть, а другую залить глаза твои дѣтамъ. — За что? — Они мою городьбу разломали. — А какъ высока; была твоя городьба? — Коршунъ при этомъ вопросѣ, бросаетъ камень вверхъ, такъ высоко, какъ можетъ, и говоритъ: вотъ какъ! — Неправда! Твою городьбу и козель достанетъ бородой, а той она разломать не могутъ. — Они буяны, я ихъ перебью. — Они мои дѣти, я не донущу: ши, ши, коршуны! — Она отговариваетъ дѣтей и грозитъ напасть на него. — Ши, ши! — Коршунъ бросается на дѣтей, (**) насѣдка не допускаетъ его до нихъ; дѣти бѣгаютъ около матери, ухмыляются за нею. Начинается бѣганье, шумъ, крикъ; коршунъ сбиваешь съ ногъ насѣдку, кватаетъ дѣтей, и, потомъ обращается на насѣдку: обшивываетъ ей перья, вусаетъ и ругается надъ беззащитною матерью. — Такое состояніе беззащитнаго семейства, когда оно попадается въ руки злобнаго зрага. — Есть

(*) Говорить еще: камешки вѣсть — На что камешки? — Твоихъ дѣтей шуркать, буркать.

(**) Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Саратовѣ, когда коршунъ ловить дѣтей, тогда кричитъ: икры хочу! — Насѣдка отвѣтаетъ: икра на базарѣ.

примеры, что въ зломузгів и родные идутъ противу родныхъ.

Въ коршуна играютъ повсюду одинаково, за исключениемъ только вопросовъ, дѣлаемыхъ коршуну. Приворотный мальчикъ избирается въ коршуны, а матерью бываетъ дѣвица, уже опытная и ловкая, которая въ другихъ мѣстахъ называется матя. Матера стоитъ съ своими дѣтьми предъ коршуномъ, и спрашиваетъ его: морщунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь? — Ямочки ко-паю. — На что тебѣ ямочки? — Камешки сбирать — На что тебѣ камешки? — Твоихъ дѣтей въ лобъ щелкать. — За что, про что? — За то, что они поте-тали мою капусту въ огородѣ. — Да высока ли была изгородь? — Коршунъ вставь, кидаетъ щепочку въверхъ: вотъ какая! — О, да черезъ твою изгородь перескочить лягушка, а не то что моя дѣти. — Обрадо-ванные дѣти отвѣтомъ матери, свиваются въ кружокъ, и выставя впередъ ножки, спрашиваются: которая была? которая была? — Коршунъ смотритъ на нихъ нѣ- сколько времени, и вдругъ бросается на крайняго. — Дѣти сбѣгаются къ матери, которая, распростерши ру-ки, лежать передъ коршуномъ, причитъ: шугу! шугу! и защищаетъ ихъ. Борьба длится долго, но коршунъ успѣваетъ схватить дѣтеныша, кладеть его возлѣ ямы и бѣжитъ за другимъ. Борьба снова, и она возобнов-ляется до тѣхъ поръ, пока коршунъ не переловить всѣхъ дѣтенышь, и тѣмъ оканчивается игра.

Воронъ. Одни дѣвицы, а иногда вмѣсть съ парнями, игра-ютъ въ ворона. Побравшись за руки, становятся въ рядъ попарно. По согласію или по жребію, выбирается изъ нихъ воронъ. Его ставятъ впереди себя на нѣсколько шаговъ, и запрещаютъ ему оглядывать-ся. Задняя пара бѣжитъ впередъ врозь, одинъ по пра-вой а другой по лѣвой руке ворона, и пробѣжавъ

его, стараются съѣзжаться вмѣстѣ; но воронъ бросаетъ ловить, пока бѣгущіе не схвататся за руки. Пойманній ворономъ, становится съ нимъ въ передней парѣ, а оставшійся занимаетъ мѣсто ворона, и игра продолжается, пока не разыграютъ ее всѣ пары. — Эта игра употребляется въ Малороссіи, и она служитъ къ хорошему тѣлесному упражненію.

Собираются на зеленой лугѣ взрослые обоего пола. Рѣлья. Молодые парни садятся въ единѣй рядъ; къ имъ подходитъ дѣвушки и молоденькия женщины, и садятся также. — Впереди всѣхъ сидящій парень, называется бабушкою, а всѣ прочіе играютъ рѣльку. Одинъ изъ парней дѣлается купцемъ, и приходить къ переднему покупать рѣльку. — Бабушка! продай рѣльку. — Изволь батюшка. — Купецъ смотрѣть на дѣвушку, улыбается, и говорить: хороша рѣлька. — И хочетъ выдергнуть ее. — Парень не даетъ. — Батюшка! нельзя выдергнуть, дай касарикъ; я выкнаю ее съ корнемъ. — Что ты батюшка? срамишь мою гряду! Тряхни, и все выскочить съ корнемъ. — Онъ берется трясти парней: иного схватить за ноги, другаго за руки, третьяго за плечи и пр. Если удастся ему выдернуть кого либо изъ мѣста, и потрясти, означая этимъ, что онъ обиваетъ рѣльку отъ земли, то всѣ встаютъ и гоняютъ его побоями. Увориется отъ ихъ побоевъ. — хорошо; нѣтъ, —то достается порядкомъ. — Но женщины тутъ вступаются за него, оттоляютъ мущинъ и общимъ хохотомъ оканчивается забава. Надобно заранѣе приготовиться къ перенесенію ударовъ, иначе чосѣянный парень, не можетъ отъ стыда вступить вновь въ эту игру.

На все есть свое время, на все, и на любовь. Молодые, исполненные жизни и горячаго воображенія, спѣшатъ необдуманно въ объятія розеваго существа, не зная что недѣ душистымъ кустарникомъ, часто

кроется вмѣшательство губительное. — Но молодость не вѣрить опытаности, старость не вѣрить молодости, потому въ послѣдней проявляется равнота, которая очень хорошо выражена въ игрѣ рѣльца.

^{Веревоч-}ка. Веревочка старинная русская, свадебная игра. — Сваха приноситъ въ избу веревочку, — дружки выи сватъ, скрѣпляетъ концы узломъ. Дѣвушки берутся за веревочку руками, и дѣлаютъ изъ себя кружочки. — Сваха входитъ въ средину. Обойдя всѣхъ кругомъ, она привѣтствуетъ каждую прелестными же словоры логоворками, или присказками, напримѣръ: нора: дѣвушкѣ за мужъ, за старостина сына, — калина, малина моя! Къ другой: у старостина сына, прачечки свадебные, медь съченой, — калина, малина моя! Ко сѣдущей: иного люблю, тому скажу; потомъ къ сѣдущей: тебѣ скажу, моя душа красавица. Обратясь къ другой: не ломай руки бѣлые, бери руку суженаго. — и обходя всѣхъ, говорить: одной то нѣтъ, одной то нѣтъ. Она ждетъ да пождетъ, друга милого суженаго. — На ол привѣтствія всѣ улыбаются.

Въ послѣдствіе времени стали пронимать въ эту игру молодыхъ парней, которые составляютъ вмѣсть съ дѣвушками одинъ кругъ. Тогда выбирается изъ пожизненныхъ мужчинъ сватъ, которого называютъ круговымъ, и онъ, обходя всѣхъ кругомъ, прятговариваетъ имъ разныя присловья, бѣть невнимательныхъ по рукамъ. Невнимательный, сопровождаемый общемъ смиѳхомъ, замыкаетъ его място и продолжаетъ играть вмѣсто него, пока игра не прекратится добровольно. Въ такомъ случаѣ начинаютъ пѣть свадебные пѣсни.

^{Яша.} Осенью забава, но она совершается иногда весною. Участіе въ ней принимаютъ тѣ только, которые избираютъ для себя или жениховъ или невестъ. Главное действующее лицо, есть Яша. Румяный молодецъ са-

дится на лавку, или на землю; вокруг него ходить парни, побравшись за руки съ красными дѣвушками, и говорять: сиди, сиди, Яша, въ ракитовомъ кустѣ; грызи, грызи, Яша, орѣховая зерна. Лови себѣ Яша, много тебѣ надо; лови дѣвку за русую посю, лови красную за азую лясту. — Родители смотрятъ на потѣку молодежи, и съ волнениемъ сердца обращаютъ свое вниманіе на Яшу. Хорошо, если онаъ изберетъ ту, котораялъ то цѣль мыслишь. Яша, синувъ глазами окружающихъ его, высматриваетъ красную дѣвушку, но онаъ разбѣгаются отъ него во всѣ стороны. — Онаъ не теряетъ бодрости, гонится за любимою и ловить. Надѣя его выборомъ изѣваются, и приговариваютъ: выбралъ себѣ Яша, рыбью кукушку; выбралъ себѣ Яша, черную кошку, черную кошку. — Послѣ него садится другой Яша, и точно также играетъ.

Кромѣ настоящаго удовольствія въ этой игрѣ, она изображаетъ сватовство молодыхъ, и фѣдко проходить, чтобы выбранная дѣвушка, не сѣдалась именой.

Это забава не есть русская, и какъ она давно усвоилась у насъ, — то и составляется нашу собственность. Рекрутскій за борьбу.

Играющіе обоего пола: дѣвушки и мушки, раздѣляются на двѣ половины: дѣвушки садятся на стулья, имѣя при себѣ одинъ пустой стулъ, назначенный только для своего рекрута; мушки уходятъ въ особую комнату, и ожидаютъ призыва. Между тѣмъ каждая дѣвушка, загадавъ про одного изъ мушкѣнъ, ожидаетъ съ любопытствомъ второпытіемъ его выхода. Угадасть ли онаъ ея мысли? Угадасть ли онаъ, что она про него задумала? И точно ли онаъ ее любить? И думаетъ ли онаъ объ ней? Мушки съ своей стороны думаютъ и гадаютъ: позрятся ли они, или нетъ? — При обозидне трепетномъ ожиданіи, стоящий у дверей часовой требуетъ подъ станокъ рекрута. — Рекрутъ выходитъ и

садится подъ избранной, по его мыслиамъ дѣвушкѣ, и если она не любить его, или не желаеть любить его, или не нравится онъ ей чѣмъ нибудь, то она начинаетъ хлопать, а за нею всѣ, и съ него берутъ фанты за то, что не угадалъ, или какъ хотише: за то, что не понравился. Это явное постыдніе, приводить иного въ бѣшенство, но привлече и самая игра, запрещаютъ обнаруживать неудовольствіе. Насильно мѣлымъ не будешь. — Онъ возвращается въ рекрутскую комнату, разумѣется и тутъ начинаютъ насиловаться надъ нимъ. Каждому забракованному рекрутѣ, позволяется еще вытти два раза, но меначе какъ по требованію часоваго. Если рекрутъ по мыслиамъ, то его не сгоняютъ съ мѣста: онъ садится подъ своей избранной, и участвуетъ въ игрѣ съ прочими, до окончательной переклички. Если забракованные рекруты, не были первоначально по сердцу; то ихъ стараются обласкать, и позволяя имъ надѣяться на любовь, допускаютъ, для скорѣйшаго окончанія игры, садиться подъ дѣвушки. — Тогда дѣвушки встаютъ со стульевъ, и идутъ въ рекрутскую; на ихъ мѣстахъ садятся мушки, и набираютъ рекрутовъ изъ дѣвушекъ, по прежнему порядку. Обиженный мужчина не расположениемъ къ нему дѣвушки, мститъ ей хлопаніемъ, а за нимъ хлопаютъ всѣ остальные. Съ прохлопаной берутъ фанты. По окончательной переклички или лучше сказать, по набору всѣхъ рекрутовъ, разыгриваются уже фанты. Но при этомъ наблюдаютъ, чтобы съ каждою въ каждого, непремѣнно было взятъ фанты, а дѣтей не приступаютъ къ разыгрыванію фантовъ.

Въ рекрутскій наборъ не повсюду играютъ одновременно. Бываютъ не большія измѣненія. Мушки и дѣвушки раздѣляются на двѣ половины. Мушки, составляющіе рекрутовъ, уходятъ въ особую комнату,

которая называется рекрутскою, а оставшиеся лѣвицы составляютъ членовъ присутствія, и ихъ комнаты называются рекрутскими присутствіемъ. Въ этомъ присутствіи условливаются: кому какого рекрута принять себѣ? Усѣвшіяся по мѣстамъ, имѣютъ при себѣ отдельное кресло или стулъ. Потомъ одна изъ присутствующихъ объявляетъ: присутствіе открыто! — Отворяется дверь: одинъ изъ рекрутовъ входитъ, становится посрединѣ рекрутского присутствія, и кланяется наудачу присутствующимъ. Если онъ поклонился той, кто его выбралъ, то всѣ кричатъ: го-датся! Онъ кланяется присутствію въ другой разъ, пѣ-луетъ избравшую его, и садится подлѣ нея. — Если рекрутъ поклонился не той, которая избрала его, то кричатъ: не го-датся, и онъ выходитъ за дверь, сопро-вождаемый хлопаньемъ. Послѣ него выходитъ другой рекрутъ, и продолжаютъ выходить, пока не переберутъ всѣхъ. Когда усадутся всѣ рекруты подлѣ присутствующихъ, тогда лѣвицы дѣлаются рекрутами, а прежніе рекруты присутствующими. Игра продолжаетъся дотолѣ, пока не перемѣнятъ на другую.

Изъ игры рекрутского набора, составляются часта самыя свадьбы. Что же собственно значать эта игра? — Выборъ невѣсть и жениховъ.

Нѣкоторые относятъ эту игру къ древней греческой^{Курилка.} (‘), и что она будто бы перешла къ намъ давно. По самому названію она означаетъ русскую забаву. Курилка, отъ слова курить, показываетъ всякое ку-рило и горящую лучинку, которая въ иныхъ мѣстахъ замѣняется словомъ курилка.

Когда всѣ усядутся въ кружокъ, тогда зажигаютъ

(‘) Gushr. Sur les antiq., des usages, etc.

зутинку и передают ее другъ другу. Во время передачи, всѣ поютъ протяжно унылымъ голосомъ:

Жить, жить курилка,
Жить, живь и умерь!
А у нашего курилки,
Нежни долгевныи,
Душа коротенька.

Если при послѣднемъ словѣ погаснетъ лучинка, т. е. курилка у цого нибудь, то берутъ съ того фанть. Пентонъ сюда зажигаютъ и продолжаютъ зажигать курилку, пока не наберется большое число фантовъ, которые наконецъ разыгрываютъ.

Курилка выражаетъ пламень любви, и какъ скоро потухаетъ лучинка, такъ скоро исчезаетъ любовь, и чтобы снова пробудить ее, надобно вновь воспламенить сердце, — и это напоминается чрезъ повтореніе зажиганіе. Ничто не можетъ существовать въ природѣ безъ любви; — безъ нее все мертвъ.

Печально претяжный напѣвъ, всего болѣе выскаживается въ словахъ: живе и умерь курилка, — т. е. живиши въ любви и умерь. Счастливъ тотъ, кто умѣлъ любить; но несравненно счастливѣе тотъ, кто не игралъ любовью. — Петеравши ее однажды, нельзя согрѣть сердца прежнимъ чувствомъ.

Игра на
именахъ. Избранныя четыре особы, предварительно заготовляются игру именами. Первая особа записывается на бумагѣ имена всѣхъ присутствующихъ женщинъ, вторая дѣвицъ, третья назначаетъ что имъ дѣлать, а четвертая гдѣ дѣлать. Это производится безъ всяаго еговора между пишущими. По окончаніи дѣла, они объявляютъ игру. Всѣ усаживаются по мѣстамъ, и ожидаютъ своего приговора. Первая особа произноситъ, на-

примѣръ: Андрей, вторая Елизавета, третья Триполи-
вата, четвертая въ комнатахъ. Бываютъ весьма замы-
словатыя и острыя продѣлки, но никакъ не дозво-
ляются выходить изъ правила. Если кто прослышишь
свое имя, съ того берутъ фанты; не набрали ихъ,
разбрасывають.

Игра именами представляется съ первого раза, од-
ной забавной шуткою; но въ нихъ весна часто пре-
буждается реальность и досада, когда приходится вы-
знавать изначание. Одинъ ревнивый иутина, котораго
не знали раньше, побѣдивъ отъ гѣва, когда уви-
дѣлъ, что его сопранку пришлось поцѣловать его кра-
савицу; другой ревнивецъ, — господинъ мужъ, раско-
рился отъ своей женуо за то, что ей пришлось дово-
зить полодому чѣтвеникку обнажь себя. — Но, смо-
жешь изъ игры не выбросить, а дѣла не учинить. Игра
именами, есть мука для ревницевъ: она, допуская про-
дѣлки рѣвой и безнечной шалости, раскрываетъ вол-
ненія и страсти, удовольствія и страданія.

Сокнувшъ стулъ въ яружонъ, садати и назначаютъ: ^{Игра въ}
кому первой быть птицею. Кто соловей, кто жаворон-
екъ, кто канарейка, кто голубъ и т. п. Одинъ кто
избуль говоритъ: сѣла (т: е: лягъвшая птица). Дру-
гой спрашиваетъ: кто сѣла? — Канарейка. — Гдѣ? — На
вѣточкѣ. — Полетѣла. — Кто полетѣла? Канарейка. —
Куда полетѣла? — къ жаворонку. Играющій жаворон-
ка, начинаетъ говорить тоже самое, а канарейка спра-
шививаетъ. Если же играющій жаворонка, прослышишть
свое прозваніе, то съ него берутъ фанты. (*)

(*) Въ Польшѣ играютъ въ птицу, со всемъ вѣче. Ставъ все-
хъ крукомъ одна особа ходитъ въ кругу и поетъ:

Chodzi ptaszek po piocy,
Wybiera zlarnka pszenicy,

Воробей. Играющие называют себя именами деревьев или кустарниковъ, напр. яблони, малины, луба, бересклета, смородины, вишни, и т. д. — Кто выбудь начинает говорить: чивъ! чивъ! сидѣлъ воробей на малинѣ, следѣлъ воробей на яблоню. — Кто яблоня, тотъ продолжаетъ говорить, и играютъ дотолѣ, пока не наберется довольноѣ число фантовъ. За всякую медленность, или за забытіе своего прозванія, берется фантъ; которые разыгриваются потомъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Почта. Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ выбудь городомъ: кто Петербургъ, кто Полтава, кто Астрахань, что Саратовъ, и т. п. Одинъ говоритъ: динь, динь! Другой спрашивается: что ёдетъ? — Почта. — Откуда? — Изъ Петербурга — Съ чемъ? — Съ письмами, или цветами и т. д. — Куда? — Въ Полтаву. — Назывшися Полтавою, говорить: динь, динь! а Петербургъ продолжаетъ спрашивать. Но если кто прослышилъ свое имя, то съ него берутъ фантъ. По избранию довольноѣ числа фантовъ, разыгрываются ихъ.

Объ игры: птицы и почта. служать только пріятнѣмъ препровожденіемъ времени, и кроме игривости, ничего особаго не заключаетъ въ себѣ. Въ Польши такъ же играютъ въ почту. — Татары. — Что ёдетъ? — Почта. — Откуда? — Изъ Варшавы. — Куда? — Во Львовъ. — Названный Львовомъ принимаетъ почту. (*)

A ja ta sciaj c u tem ko e,
Bior  sobie, kogo wole. —

Тотчасъ она береть особу, кто нравится ей; за нею остальныя девицы разбираютъ другихъ мужчинъ, и кто выбудь долженъ остатся, потому что не всегда бывають пары. — Goleb. Gr. i zabaw. etc., ч. 3. с. 73.

(*) Goleb. Gry i zabaw. etc., ч. 3. с. 75.

Одинъ изъ числа играющихъ, выходитъ въ другую комнату, а всѣ прочіе загадываютъ двѣ вещи одного содержанія, на примѣръ: штофъ, который принимается въ смыслѣ сосуда, съ какой нибудь жидкостію; матерій, косо обиваются мебель и носятъ на платьяхъ; или на примѣръ: коса, которую косатъ траву и которая укрывается дѣвушекъ, и т. п. По загаданію играющіе вызываютъ сидящаго въ другой комнатѣ, который долженъ отгадывать. — Онъ начинаетъ спрашивать съ крайняго: какъ вы любите? — Я люблю его видѣть на скамьяхъ: другой: я люблю, когда онъ бываетъ темъшибудь наполненъ; третій: я люблю его видѣть на женщинахъ; четвертый: я люблю его видѣть на сарафанахъ и т. д., отвѣчая всѣ во очередь. Если же онъ не отгадаетъ, какъ что любить, то съ него берутъ фантъ. Тогда онъ выходитъ въ другую комнату, для него снова загадываютъ, и дотолѣ продолжаютъ, пока не будетъ имъ отгадано. Кому же отгадалъ, то берутъ съ поиманнаго фанта, онъ же является отгадчикомъ, а отгадавшій поступаетъ въ число играющихъ. По набраніи довольноаго числа фантовъ, разыгрываются ихъ.

Синонимъ французская игра и усвоена нами. — Это весьма трудная игра, ибо она требуетъ особой остроты и смѣтливости, и служитъ не къ одной забавѣ, но къ развитію и изощренію памяти. — Желательно, чтобы его занимались по болѣе.

Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ имя изъ кухонныхъ вещей, напримѣръ: тарелки, вилки, пржа, мясни, печи, кочерги, ухвата, сковороды, и т. д. Одинъ кто нибудь начинаетъ спрашивать, начиная съ крайнаго, или, указывая на окружающіе предметы, или на самого себя, приступаетъ къ тарелкѣ и говорить: это что у васъ въ носу? — Тарелка. — Это что на

губахъ? — Тарелка. — На чемъ вы сидите? — На тарелкѣ, и т. д. Тарелка все должна говорить тарелка; на чтобы она не указалъ, или чтобы не спросила; но если она засмѣется, то съ нея берутъ фанты, и она начинаетъ спрашивать въ свою очередь: напримѣръ: кто вы такой? — Ухватъ. — Ухватъ! кого любите цѣловать? — Ухватъ, и т. д. По набранію довольно го числа фантовъ, приступаютъ къ разыгрыванію игръ.

Кухня есть превеселая, щуточная и забавная игра. Она нѣсколько проводить смѣхъ и хохотъ во всѣхъ играющихъ, и рѣдкій кто изъ нихъ не поспаиваетъ фантомъ, потому что надобно большого терпѣнія и чрезвычайной суровости, чтобы не засмѣяться, когда спросятъ васъ: на чемъ вы сидите? — На кочергѣ? — На чемъ выѣдите? — На кочергѣ? — На чемъ спите? — На кочергѣ. —

Кухня веселить всѣхъ играющихъ, потому она есть выраженіе рѣвности.

Точно такъ же и въ этой игрѣ, нааждый называетъ себя особыми: каминъ нибудь именемъ туалета; кто чепчины, кто шляпа, кто шпилька, чулки, помада, лукши, корсетъ, башмаки и т. д. Въ срединѣ ихъ стоитъ кто нибудь изъ играющихъ, и говорить: барыня спрашиваетъ шляпку. Кто носить названіемъ шляпки, долженъ отвѣтить: сдѣсь. — Барыня спрашиваетъ шпильки. — Сдѣсь. Барыня спрашиваетъ чулки. — Сдѣсь и проч. Если кто изъ играющихъ, прослышилъ свое имя, то съ него берутъ фанты, и спрашивающій продолжаетъ говорить, пока всѣхъ не переберутъ. Тогда она клапнетъ руками, или просто говоритъ: барыня спрашиваетъ весь туалетъ. — За этимъ основомъ всѣ должны немедленно перемѣнить свои мѣста, и кто не успѣетъ занять мѣста, тотъ входитъ въ кругъ играющихъ, и начинаетъ говорить, брежнить поридкомъ. Эти вора

продолжается, пока довольно не собирается фантовъ, которые потомъ разыгрываютъ.

Всѣ туалетъ принадлежитъ къ числу веселыхъ игръ, и потому она есть изображеніе неопримужденной забавы, свойственной юнымъ годамъ.

Всѣ играющіе, носящіе название мышекъ, берутся за руки и составляютъ изъ себя кругъ. Но одинъ изъ нихъ назначается мышкой а другой кошкою, которая, стараясь уловить мышку, бѣгасть за нею въ круга, а мышка внутри круга. Составляющіе кругъ обезьяны не пренесутъ кота. — Если же никакая нибуль пара, проинустила его, то она занимаетъ място мышки и кошки; съ нихъ берутся тогда фанты, а прежніе: мышка и кошка, становятся въ кругъ играющихъ. — Набраные фанты разыгриваются потомъ.

Эта игра больше дѣтская, однако ею забавляются взрослые, и она собственно есть русская. Она выражаетъ беззащитное семейство, подвергаемое злобнымъ наважденіямъ враговъ.

Всѣ садятся въ кружокъ, а одинъ изъ нихъ становится въ срединѣ. Сидящіе передаютъ другъ другу рубль, говоря: пошолъ рубль, пошолъ два. Стоящій въ срединѣ долженъ отыскывать рубль, и у кого найдеться, съ того берутъ фантъ, и тотъ же занимаетъ его място. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока наберется довольно фантовъ, которые разыгриваются потомъ. —

Эта игра во многомъ сходна съ золотомъ хороню, съ той разницей, что въ пошель рубль не поють, и по отысканіи рубля, берутъ съ виновнаго фантъ. Пошоль рубль, служитъ къ веселому превращенію времени. —

Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ либо цветкомъ, шаприйромъ: фіалкою, жасминомъ, ре-

кошкою.

зедою, незабудкой, розею, гвоздикой и т. д. Одни изъ цветковъ, напримѣръ: незабудка, говорить: охъ болѣть. Другой сорачиваетъ: что болѣть? Сердце. — По комъ? — По жасмину. — Жасминъ продолжаетъ говорить незабудкѣ, тоже самое, и по комъ произнесено будетъ, что болѣть сердце, — тотъ продолжаетъ говорить. Кто прослышиетъ свой цветокъ, съ того берутъ фанты, кои потомъ разыгриваются.

Есть ли это народная игра, или занесенная къ вамъ? — Чисто русская, и она, какъ видне изъ самыхъ словъ, объясняетъ просто сердечную откровенность. Если кто изъ играющихъ обратится къ такой особѣ, которая давно томится любовью, — о, какъ больно тогда отвѣтить, по комъ болѣть сердце. Тогда невольно обнаруживается страданіе души, всыхивающее ча лицъ красавицъ, огненнымъ румянцемъ; тогда, и радость и стыдливость: она или сама произноситъ, или слышитъ признаніе того, который чудился ей и на яву и во снѣ. Но смертельная рана тому цветку, которому не отвѣтить на состраданіе его, — тогда, вместо радости, пробуждается отчаяніе.

Эта игра весьма опасная, и потому, вы красавицы, не должны играть любовью.

Самая пѣснь, сочиненная чувствительными сердца-ми, гораздо лучше обрисовываетъ томительную любовь.

Охъ, болѣть!
Что болѣть?
Болѣть сердце мое!

Да по комъ?
Все по немъ,
Все по жасмину моемъ.

Пусть бранить,
Говорить
Злые люди,
Что хотят!

Какъ же быть!
Не любить?
Не могу его забыть.

Нѣтъ сомнѣнія, что наши пребабушки изобрали эту игру тогда, когда они томились въ теремахъ, какъ въ заключеніи; когда имъ не позволялось выходить отсюда, чтобы взмотрѣть на людей и полюбоваться Богомъ мірамъ; когда законы приличія, воспрещали имъ проявлять свою любовь самъ другъ; когда видѣлись съ самимъ женихомъ, за нѣсколько времени до совершенія брака; когда выдавали нашихъ красныхъ дѣвушекъ за того, по комъ сердце никогда не заболитъ, но иночѣть еще; когда разлучали чувствительную душу съ тѣмъ, по комъ она во всю жизнь должна вздыхать, болѣть душою и сердцемъ; когда все сладостное, очаровательное, упонтельное, все что есть нѣжное, драгоценное, которое ничѣмъ не можетъ быть замѣнено, навсегда исчезаетъ, какъ сонъ, — и какъ тутъ не сказать: охъ, болитъ! Невольное, ненастроенное мученіе сильно потрасаетъ душу, и что однажды зароено въ ней, никогда и нѣтъ не можетъ быть успокоено, и тутъ всегда, во снѣ и на яву: охъ, болитъ!

Становятся другъ противъ друга попарно дѣвушки и Мостъ
настѣнъ. мущина, и держутъ поднятые руки вверхъ, въ уровень съ грудью. Пары строятся въ одинъ рядъ, длинной вереницею, и тѣмъ они длиннѣе, тѣмъ красивѣе, —

этот рядъ называется мостъ; чтобы его мостить, то избранная пара изъ дѣвушки и мушкии, начинаетъ мостить его: взявшись за руки, они идутъ на мимый мостъ; первая пара моста поднимаетъ руки, пропускаетъ ихъ; тутъ мушкыи обворачивается и цѣлуєтъ противоположную ейъ дѣвичу, а его дѣвица противоположного ейъ мушкии;—перецѣловавшись обѣ пары, мушкыи заключаетъ свой поцѣлуй на своей дѣвицѣ. — Это взаимно-обратное цѣлованіе, называется мостъ мостить, и оно продолжается черезъ весь длинный рядъ: всякий непремѣнно обязанъ взаимно цѣловать, иначе это считается преступленіемъ противу игры. Когда первая пара перецѣлуетъ весь рядъ, тогда она становится на концѣ, и начинаетъ пламенное мещеніе съидущей пары, тѣль же порядкомъ. Когда всѣ пары перекрываютъ, тогда уже оканчивается мещеніе моста. Если кто не успѣлъ поцѣловать, или попцѣловать не такъ, какъ следовало,—съ того берутъ фантъ, кои истомъ разыгрываются. Но рѣдко бываютъ фанты, потому что никто не пропускаетъ случая воцѣлваться, — разъ слутится какънибудь нечаянно, по недосмотру, или сама дѣвушка уверяется, за тѣ мушкии не только показываютъ фантомъ, но общими посмѣяніемъ. Большого частію бываетъ, что снова начинаютъ мостить мостъ, по измѣнѣю фантовъ, ибо съ фантами оканчивается игра.

ОИ

Всякому теперь понятно, что это мещеніе, промыводить сладостное ощущеніе въ глубинѣ сердца. Оно пробуждаетъ нетерпѣливое желаніе сорвать поскорѣй поцѣлуй, съ розовыхъ устъ, давно горящихъ вулканомъ любви.

Мостъ мостить, одна изъ страшныхъ игръ; въ ней вполнѣ развертывается весь пыль кипучей юности; это кратеръ, извергающій огнедышущую лаву, которая въ

своемъ личности все потребовать и обращать въ цыць подиумную; это потому огненной любви, бьющейся безпрерывными вздохами: любить хочу! сгораю отъ любви!

Многъ мостить чисто русская забава, и безъ сомнѣнія былаъ употреблена между цашими предками. Что наши предки умѣли очень страшно любить... то это подтверждается деревенскимъ языкомъ, съ которого конечно передѣлана эта игра. Только неизвѣстно, когда же этикъ игръ старѣй? Но чувства любви зарождаются прежде игръ, и раскрываются только въ то время, когда настаетъ пора любви. И тогда, чего не выдумаешь любовь? какихъ она не изобрѣтаешь впуть и забыть, и какихъ не совершаешь промыселъ, чужихъ всякому разсудку? Тогда одно только желаніе, — любить! любить!

По занятію иѣсть, избранный игрокъ спрашивается любу. своего соѣдна или соѣдку, сидящую по правую руку, начиная съ первой буквы, чтобы она сдѣлада съ нимъ запримъ: если бы я ангелъ быть, то чтобы вы сдѣлали со мною? — Она должна отвѣтить немедленно; иначе фантъ. Если бы вы были ангелъ, то я бы васъ целовала такъ ангела. Спрашивавшій долженъ объяснять о томъ, всѣмъ играющимъ. Должно наблюдать, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ не повторялся и не спрашивали, не разобравши цѣлый слогъ ангель, въ противномъ случаѣ фантъ. Послѣ буквы *a*, надобно спросить на букву *i*, я т. д.; когда окончится слогъ ангель, то сдѣлавшій спрашиваетъ уже на букву *b*. Если бы я превратился въ бѣса или сдѣлался блиномъ, то чтобы сдѣлали, или какъ бы поступили со мною? На это надобно отвѣтить до своей мысли, напримеръ: если бы вы превратились въ бѣса, то я раздюбила бы васъ, или: еслиъ вы сдѣлались блиномъ, то

я бы скучала его, съ величайшимъ аппетитомъ жт. и. Такимъ образомъ продолжается азбука по порядку, во весь кругъ. По окончатіи игры разыгрываются факты.

Молчаніе. Сидящіе въ кругу должны наблюдать строгое молчаніе, не двигаться и даже не улыбаться; за неисполненіе всего этого, берется фантъ. Одинъ только избранный, для нарушенія молчанія, ходить въ кругу и старается кого либо разыгрышить, или заставить сказать что нибудь. Онъ имѣть право подходить къ каждому, предлагать смѣшные или забавные вопросы, на что надобно отвѣтить одинаковыми знаками, но кто пропуститъ, хотя одно слово, съ того фантъ.

Играютъ въ молчанку еще другимъ образомъ. Избранный для нарушенія молчанія, ходить въ кругу и дѣлаетъ кривлянія, или странныя какія либо тѣлодвиженія, или представляеть изъ себя, что ему залунается. Сидящіе должны все то дѣлать, что избранный, безъ малѣйшаго смѣха, и ничего не говоря. За невыполненіе, что дѣлалъ избранный, или за смѣхъ и говорь, берется фантъ. По набравшемъ ихъ въ большомъ числѣ, разыгрываются.

Къ чому бы употребили имена? Садятся въ кружокъ девицы, девы и мушки, но такимъ образомъ, чтобы мушка сидѣла между двуми девами. Потомъ мушка спрашивается съ правой стороны, свою сосѣдку, тихо: еслибы я былъ колиброй, то жъ чему бы употребили меня? — Заперла бы въ клѣтку, и сама бы кормила вась. — Этотъ отвѣтъ она хранить, обращается къ сосѣднѣй, съ лѣвой стороны, и спрашивается тихо: къ какой обязанности, или къ какимъ услугамъ, я быль бы назначенъ вами? — Свистать или учить меня музыкѣ, и т. п. Спрашивавший мушкина разсказываетъ собранію то и другое, т. е. для какого онъ годится употребленія и къ чему назначены. — Тутъ не берутся факты.

Всяк уподобляеть своего сосѣда или сосѣдку, на- чеву
койнибудь вещи, находя съ нею сходство въ ^{уводо-}
стѣ, и все это недобро говорить въ слухъ.—Я уподоб- ^{бѣтъ.}
ляю мою сосѣдку розѣ: она сходна съ нею и цвѣ-
томъ и очаровательностию; дышетъ прелестю аромата
и сладостю жизни, но не сходствуетъ съ нею въ
томъ, что роза съ шипами и недоступная, а сосѣдка
моя безъ шиповъ и доступная; что роза дышетъ за-
пахомъ своимъ, а моя сосѣдка духами; что жизнь
розы сладостная, ею любуется все и всякъ, а жизнь
моей сосѣдки терпистая и всякая горючть, смотря на
прелесть увѣдающую —, и т. п. — Тутъ не собира-
ютъ фанты.

Ктонибудь ходитъ въ кругу и дѣлаетъ вопросы, ^{Промеж-}
каніе ему вѣдумается, но перемѣнныя ихъ постоянно. От- ^{дѣлъ.}
вѣчающая должна говорить ему противное, не упо-
требляя слова да и кѣмъ. За произнесеніе ихъ, бе-
рется фантъ. Спрашивающій долженъ быть проворный
и ловкій, чтобы нечаянно умѣть подбѣжать съ во-
просомъ къ дамѣ, которая вовсе не ожидала и не ду-
мала. За медленный отвѣтъ берется такъ же фантъ.

Садятся въ кружокъ, гдѣ кому вѣдумается, и потомъ ^{Вотъ мой}
передаютъ изъ рукъ въ руки корзину. Позволяется ^{корзина.}
встать и передать ее черезъ нѣсколько сосѣдовъ, но
во всякомъ случаѣ, поднося ему, сказать: вотъ моя
корзина! что хотите, то положите. Кто не отвѣтить
скоро, что положилъ въ нее, съ того фантъ. Полу-
чившая корзину, можетъ передать ее сосѣду, или
встать, вручить кому другому, вовсе не ожидавшему
и не готовому съ отвѣтомъ. — Такимъ образомъ про-
должается игра.

Избирается знающій музыку, который разсажи- ^{Нѣкото-}
ваетъ по мѣстамъ находящихся въ игрѣ. Каждой осо- ^{верть.}
бѣ онъ даетъ инструментъ: скрипку, басъ, виолончель,

флейту, klarнетъ, гобой... трубу, барабанъ и т. п.. Составляющій концертъ, становится по срединѣ и начинаетъ играть, на какомъ nibудь инструментѣ, что ему придется въ голову. Всѣ остальные музыканты не должны играть, а выдавать только своими движениими, всѣ его пасажи, темпу, разстановку и пр. Кто сделаетъ ошибку, или не выполнитъ, что надобно, тутъ выискивается фантомъ.

Осужденный. Изъ среди играющихъ назначаютъ кого либо осужденнымъ, и сажаютъ въ углу комнаты на скамейкѣ. Другой изъ играющихъ, мужчина или девушка, начинаетъ распрашивывать тихо, сидящихъ въ кругу: какія кто знаетъ за нимъ преступления? Собравъ отвѣты, онъ объявляетъ осужденному.—На васъ поступило весьма много жалобъ: одна прекрасная особа говоритъ, что вы очень страшны; другая, что вы взмѣнились; третья, что вы влюблаетесь во всѣхъ женщинъ.—Нѣчто скажалъ, что вы играете сердцемъ, которое любить васъ нѣжно, и т. п. Осужденный долженъ опровергнуть жалобы и указать ту особу, которая обнесла его невинно. Когда опять не укажетъ особу, тогда остается еще осужденнымъ.—Игра начинается вновь и до тѣхъ поръ продолжается, пока осужденный не узнаетъ своего обвинителя. — Фантомъ не берутъ.

Птичий
охотникъ. Каждому изъ играющихъ отдается на волю быть птицею, какую ему угодно. Охотникъ птичий, избранный изъ того же самого круга, подходитъ къ каждой особѣ, и выслушиваетъ название птицы. По отборѣ всѣхъ певчаний, охотникъ остававливается посрединѣ, и говорить: въ моемъ саду вмѣются птицы: разныѣ породъ, а именно: попугай, ворона, сова, голубь, сорока, и т. д. Потомъ онъ подходитъ къ кому nibудь, и дѣлаетъ три вопроса: которой птичкой вручаете свое сердце? которой довѣряете свою тайну? которой намѣ-

рены оципать перья? — Спрошенная особа должна отвѣтить на всякий вопросъ: вручаю сердце голубкѣ, тайну совѣ, а оципать перья попугаю.—Когда охотникъ обойдетъ по порядку весь кругъ, съ своими вопросами, тогда онъ объявляетъ отвѣты, называя каждую особу: такой-то поручилъ свое сердце голубкѣ, которая есть девица такая-то; но что вы въ самомъ дѣлѣ вручили ей свое сердце, то должны насть увѣрять тѣмъ, когда поцѣлуете ее.—Такой-то довѣрилъ свою тайну совѣ, которая есть такая-то, а оципать перья попугаю, которая есть такая-то дама; но какъ съ прекраснымъ поломъ нельзя поступать такъ жестоко, то вы наказаны фантомъ.—Должно замѣтить, что кто самъ себѣ поручитъ сердце, тотъ цѣлуєтъ въ наказаніе свою руку; кто довѣряетъ тайну самому себѣ, тотъ долженъ ее хранить при себѣ.

Надобно бросить перчаткой въ кого либо сидящаго ^{перчат-}
_{кой ру-} напротивъ, и сказать ему: назовите мнѣ что нибудь воздушное, или водяное, или земноводное; но только нужно требовать одного изъ трехъ этихъ стихій. Получившій перчатку, долженъ отвѣтить немедленно. На слово воздушный, онъ можетъ отвѣтить: сорока, попугай, ястребъ, и т. п.; на слово водяный: ракъ, осетръ, бѣлуга и т. д.; на слово земноводное: жаба, змѣя, ужъ и т. д. Кто скажетъ противное стихіи, тотъ расплачиваются фантомъ. Получившій перчатку, бросаетъ ее съ своимъ вопросомъ въ другаго, а этотъ бросаетъ въ сидящаго, и перчатка перелетаетъ быстро отъ одного до другаго, почему называется играть перчаткой.

Изъ числа играющихъ избирается двое дорожныхъ, ^{дорож-}
_{ные.} возвращавшихся изъ дальнаго и опаснаго пути.—Одинъ дорожный долженъ раздать каждому въ собраніи, по одному какому либо названію тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ

проходилъ, и про которыхъ онъ намѣрепъ рассказывать. Играющіе садятся въ кружокъ, такимъ образомъ, чтобы съ правой руки дамы или дѣвицы, не премѣнио бы силѣль мушкина. Дорожные садятся посреди собранія. Первый разсказываетъ своему товарищу, причины своего путешествія; потомъ мѣста, чрезъ которыхъ онъ проходилъ. Особа, услышавшая имя мѣста, которымъ она называется, должна поцѣловать сосѣда, сидящаго съ правой ея руки. Если бы кто поцѣловалъ не ту особу, которую слѣдовало, тогдѣ наказывается фантомъ. Когда дама или дѣвица, не захочетъ поцѣловать мушкуну, тогда она обязана свиснуть. — При этой игрѣ только допускается одно изъ двухъ: или поцѣловать или свиснуть. Товарищъ дорожного наблюдаетъ строго за выполнениемъ всего въ точности. — По переименованіи всѣхъ мѣсть, оказывается разсказъ дорожныхъ; ихъ мѣсто занимаетъ другая пара, и дотолѣ продолжается игра, пока не наберется довольноное число фантовъ.

Сочинитель. Избравъ для своего описанія какой либо предметъ, напр. солнечное затмѣніе, любовь, надежду на счастіе въ жизни, и т. п., пишетъ каждый свою мысль на бумагѣ до точки или до полнаго періода, и загнувъ, что было имъ написано, передаетъ писать другому, о томъ же самомъ предметѣ, пока листъ бумаги не обойдетъ весь кругъ. Когла всѣ запишутъ свои мнѣнія, тогда развертывается бумага и читается въ слухъ. Отъ сбивчивости мыслей и безсвязности, выходитъ такая безтолковщина, что невольно производить смѣхъ.

Носъ. Садятся гуськомъ, другъ за другомъ: первый за вторымъ, второй за третьемъ, третій за четвертымъ и т. д. Второй закрываетъ своей рукою глаза первому. Кто выбудь выходитъ изъ ряду, и подергавъ закрытого за носъ, садится на свое мѣсто. Тотъ, кого дер-

гали за носъ, долженъ встать со стула и сказать, кто дергалъ его. Если онъ укажетъ на другое лицо, то за поклонъ отводятъ его за носъ къ прежнему мѣсту. Тутъ снова дергаютъ его за носъ, пока онъ не угадаетъ. Когда отгадаетъ, тогда игра доходитъ поочереди до прочихъ. — Фантовъ не берутъ.

Выбирается изъ колоды картъ, одна какая либо засѣдалье, отъ туза до двойки. Карты раздаются по числу особъ, и каждая карта имѣеть особое свое название, потому что въ засѣданіи отправляютъ разныя должности. Тузъ означаетъ воеводу, который вмѣстѣ есть предсѣдательствующій судебнаго засѣданія; король, товарищъ воеводы; дама, жена воеводы, которая помѣщена сдѣль потому, что жены воеводъ иногда рѣшили дѣла, вмѣсто своихъ мужей; валетъ сыщика, девятка дѣлака (секретаря); девятка подъячаго (помощника секретаря), осьмерка голову, семерка гласного, шестерка стряпчаго, пятерка старосту, четверка понятого, тройка приказнаго, а двойка сторожа. Одинъ является чelобитчикомъ и подаетъ жалобу воеводѣ, который, посмотрѣвъ на просьбу, передаетъ ее товарищу своему, ничего не говоря; товарищъ его, посмотрѣвъ на нее, и не говоря ничего, передаетъ воеводѣ, а эта, сдѣлавъ тоже самое, передаетъ слѣдующему. Поступая всѣ одинаково, просьба доходитъ до сторожа, который, свернувъ ее, кладетъ подъ сукно а чelобитчику указываетъ дверь. Тотъ, кто скажетъ что нибудь при передачѣ, наказывается фантомъ.

Эта игра, измѣненная въ фанты, вѣроятно намѣкается на суды нашихъ предковъ.

Носящій название хорошъ пригожъ, жениться хочу, хорошъ пригожъ, подходитъ къ дѣвицѣ или дамѣ и говоритъ: хорошъ, хорошъ, пригожъ, жениться хочу! На охотника къ женильбы,

~~или хо-часто ссыплются на смѣшики со всѣхъ сторонъ. И старь
рома-
пригож-
иа, за-
мужъ-
чу.~~ онь, и маль, и дурень, да какая дура выйдетъ за вѣсъ

за мужъ! Иногда подъ шутками высказываютъ горькую правду, и не въ брезъ а въ глазъ. Нѣкоторые желаютъ ему жениться, а другіе дѣлаютъ отеческия наставления, оставить мысль о женитьбѣ, представляя супружество тѣгостныи: холостой человѣкъ, вольная птица, или казакъ свободный; одинокій не тужитъ и не горюетъ, и т. п. Обошедшіи кругъ хорошъ пригожъ, жениться хочу, становится посредникъ комнаты и разсказываетъ всѣмъ свою неудачу, и объясняетъ: проженили молодца! въ другой разъ онъ не захочетъ жениться. Если же большая часть желаетъ ему жениться, то онъ, объяснивъ объ этомъ, просить къ себѣ на свадьбу:

Милости прошу,
На свадьбу мою.
Я и бражки наварю,
И вина присасу,
И гостей назову.

Ему обѣщаютъ быть на его свадьбѣ. Кто приходитъ, хорошъ пригожъ, жениться хочу, не будетъ отвѣтчать, или смеяться, не дѣлая ни какихъ замѣчаній, съ того берутъ фантъ; по набранію ихъ разыгрываютъ обыкновенныи порядкомъ. Съ кого взяли фантъ, тотъ занимаетъ мѣсто ходившаго въ кругу. Если бы случилось взять фантъ съ дѣвицы, то она также отбираетъ мнѣнія, говоря: хороша пригожа, замужъ хочу. При чемъ бываютъ или тѣже маски, или желаютъ ей поскорѣе замужъ.

Эта игра народная, но прелестная и превосходная. Она часто досаждаетъ тѣмъ, кому отвѣчаютъ не по-

рекорд. О, какъ ишогія хотѣть по скорѣй за мужъ, а
ишогіе поскорѣй женитъся, не разбираю хорошо ли
это, или дурно?

Дѣвушки и мушки садятся въ кружокъ. Одинъ Сосѣдъ.
кто либо подводить къ сидящему съ краю, или же
сидящему посерединѣ и спрашивать его: хороши ли
нашъ сосѣдъ? — Если онъ отвѣтитъ хорошо, то спра-
шиваетъ другаго; кто скажетъ не хорошо, то онъ
спрашиваетъ его: кто вашъ нравится? — Вотъ итакъ.—
Про кого онъ скажетъ, тотъ долженъ быть возлѣ его
и поцѣловать, прензися: здорово сосѣдъ! — И такъ
спрашиваютъ вѣхъ поочередно. Кто изъ осѣдали
быть названъ не хорошимъ, тотъ выходитъ изъ сво-
его места и начинаетъ спрашивать, а мѣсто его за-
нимаетъ прежде спрашивавшій.

Не ишогія могутъ похвалиться хорошимъ соѣд-
ствомъ, отъ того добрый сосѣдъ, — кладъ; съ таинѣмъ
сосѣдомъ встречаются подружески, желаютъ имѣть
его въ соѣдствѣ и дорожатъ имъ.

Садятся въ одинъ рядъ дѣвушки и мушки. Одинъ продажа
холста.
кто либо, обращаясь къ первому сидящему, говорить:
не угодно ли холстъ. Угодно. — Сколько? — Одинъ ар-
шинъ. — Послѣ этого онъ даетъ пекуницу, какое
либо прозваніе, напр. вилки въ затылкѣ, тарелки во
лбу. — Потомъ подходитъ къ другому, и даетъ назва-
ніе: черезъ заборъ взглянуть, соборъ проглотнуть; къ
третьей: изъ затона бѣжала, въ карманѣ лапшу держала;
къ четвертой: безъ стыда гниужъ хочу; къ пятому: безъ стыда жениться хочу, и т. д. Когда раз-
дастъ всѣмъ названія, тогда обращается къ Первому:
пожалуйте за холстъ денежки. Первый отвѣтитъ:
вилки въ затылкѣ, тарелки во лбу. — Чтобы ни гово-
рилъ проявшій деньги, первый долженъ отвѣтить ему
одно и тоже, не смѣясь и не переначизваетъ своего наз-

вания. Впротивномъ случаѣ берется фантъ. Такимъ образомъ спрашивается у всѣхъ поочередно. Потомъ, по набраніи фантовъ, разыгриваются ихъ. При чёмъ правящій деньги, разноситъ фанты, спрашивается: кому что угодно скучать, выпить, сдѣлать и т. п. Сколько разъ спрашиваетъ правящій деньги, столько разъ онъ долженъ цѣловаться, пока не поручатъ ему выполнить что либо.

Много есть охотниковъ, берущихъ въ долгъ, и конечно рѣдко отдающихъ. Продавецъ вымаливаетъ тогда за свое же добро, и очень часто ничего не получаетъ. Ему остается въ удѣль одно ласковое обнадеживаніе: завтра.

Костыль. Садится мушкины и дѣвушки. Одинъ кто либо изъ играющихъ, выходитъ на средину комнаты съ палкой въ рукѣ и подпирается ею, представляя костыль. Сидящіе поютъ:

Ужъ и такъ ли я костылься могу, могу, (*)
 Ужъ и такъ ли я пройтиться могу.
 Я могу, могу, по комнаткѣ пройти,
 Я могу, могу, пинца испить.
 Вотъ изъ винного ковшичка,
 Изъ чарочки позолоченой.
 Да къ кому я, добрый молодецъ, прійду?
 Къ кому костыль прислоню?
 Представлю я, свой костыль,
 Ко золоту, ко серебру,
 Ко дѣвичью ко терему.
 А я самъ поскаку, поспляшу,
 Своихъ гостей вавеселю.

(*) Умираться за костыль.

Вотъ я тятеньку съ маменькою,
Малого братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.

Если стоять съ костылемъ дѣвица, то поютъ ей тоже самое, за исключеніемъ прымѣненія словъ къ ея имени :

Да къ кому я, красна дѣвица, пріайду?
Къ кому костыль прислоню?
Приставлю я, свой костыль,
Ко золоту, ко серебру,
Ко мужскому ко терему.
Я сама, поскочу, попляшу,
И своихъ гостей взвеселю.
Вотъ я тятеньку съ маменькою,
Малого братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.

Кому отдаютъ палку, тотъ встаетъ съ мѣста и цѣлуетъ его ; потомъ беретъ костыль, становится посреди комнаты, а ходившій садится на мѣсто вставшаго. Костыль не отдаютъ дотолѣ, пока не поцѣлаютъ. Рѣзьбы еще пляшутъ съ костылемъ, вовсе пѣніе.

Костыль разыгрываютъ на своворахъ молодыхъ, потому тутъ постоянно цѣлаются молодые. Эта игра выражаетъ радость счастливой любви.

Садятся въ кружокъ мужчины и дѣвушки. Одинъ цѣлуетъ играющихъ ходить въ кругу и раздаетъ названія цветовъ : белого, алого, синяго, палевого, блажевого, и т. п., а себя называетъ чертополохомъ. Потомъ, раздавшій названія цветовъ, говорить : чертополоховой цветъ прекрасный, алый не хороши. — Алый отвѣчаетъ : алый цветъ прекрасный, а синий не хороши. Синий отвѣчаетъ : синий цветъ пре-

красный, бѣлой не хороши, и такимъ образомъ всякой изъ играющихъ защищаетъ свое название. Кто не успѣеть защитить себя, или скажетъ, что тотъ цветъ прекрасный, съ котораго взяли уже фантъ, то берутъ и съ него фантъ.—По избраниіи фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Никто не хочетъ сознаться въ своихъ недостаткахъ; всякий думаетъ и говоритъ: я хороши, а тотъ не хороши; у того большие недостатки, а у меня ихъ нѣть.—Въ глазу ближняго видять соломенку, а въ своемъ не видять сучка. Страсти заглушаютъ разсудокъ.

Качели. Внесенные здѣсь въ число игръ: качели, катанье съ горъ и на саняхъ, не составляютъ собственно игръ. Они по своему назначенію, доставляютъ одно приятное развлеченіе забавъ, потѣхъ и веселой рѣзвости. Но какъ всѣ игрыклонятся къ той же цѣли, то и они помѣщены здѣсь, какъ предметъ увеселеній.

Въ югозападной Россіи были известны, еще въ глубокой древности колыски. Киевляне въ праздники склонялись Апостолъ Петра и Пакла и св. Іоанна Крестителя, забавлялись на качеляхъ (*).—Въ какое же время они появились у насъ? Откуда перешли къ намъ? — неизвестно. Мы знаемъ, что всѣ восточные народы издревле любили качаться на качеляхъ; а малоазійскіе Греки находили въ качеляхъ особое удовольствіе.

Колыски, въ сѣверо-восточной Россіи называются

(*) Гисель. Синонимъ о началь русск. народа. с. 146.

качелями. — Колыски происходят от слова колыхаться, а качели от качаться, изначутъ одно и тоже.— Всѣ сословія любятъ ихъ; онъ строются многими у себя дома. Нѣть жеста по Россіи, гдѣ бы не веселились на качеляхъ. Въ какой уголокъ свѣта не перенесите Русскаго, онъ не забудеть ихъ: состроить непремѣнно для наслажденія удалой своей головы, которую не рѣдко поплачивается. Въ старину велико-княжескія и царскія дѣти, любили особенно качели; нынѣ высшее дворянство чуждается этого удовольствія, но любить смотрѣть на веселящихся: свѣтскій этикетъ удерживаетъ ихъ отъ участія въ народномъ удовольствіи. Однако, у себя на дачахъ, оно устраиваетъ ихъ, будто бы для дѣтей.

Качели дѣлаются разнообразно: въ видѣ креселъ, звездъ, людекъ, круглыхъ, на веревкахъ и ящики, въ коихъ сидящіе оборачиваются че́резъ ось, описывая кругъ снизу въ вверхъ. Эти качели производятъ головокруженіе, которое увеличивается еще болѣе на веревочныхъ, и чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе потѣхи. Часто видишь сидящихъ биткомъ на узенькой дошечкѣ, привѣшенной къ перекрѣстку и тоненькимъ веревкамъ, или въ трепещущемъ и гнувшемся жердямъ. Сидящіе держатся другъ за другу, хохочутъ, издавають наль опасностію и несутся подъ небо. Никому не приходитъ на мысль сорваться на лету, и размозжить себѣ голову. Предусмотрительность не входитъ въ соображеніе весельчака, а бѣда въ глазахъ, смерть тутъ же вертится: онъ не думаетъ о ней, онъ не боится ее, — двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Съ такого философію Русскій любить сильные ощущенія: ему давай потѣху, разгульное веселіе, чтобы въ глазахъ темнѣло, бокамъ было памятно, —

хоть голова съ плечь долой! Тутъ потѣшенье его. — Вокругъ его неизысканное удовольствіе и неподдельная радость, вылетающая изъ груди звонкой пѣсни. — Тутъ на качеляхъ разсыпаются пѣсни, свистать, играютъ на флейтѣ или на кларнетѣ. Нигдѣ нѣть столько разнообразныхъ качелей, какъ въ Петербургѣ, и простой народъ веселится здѣсь непринужденно, какъ у себя дома. Въ народные праздники: во время масленицы, свѣтлой недѣли, на гулянья въ Екатерингофѣ и т. п., нарочно устраиваются качели и горы.

Катанье съ горъ и на саняхъ. Не менѣе доставляло удовольствія нашимъ предкамъ катаніе съ ледяныхъ горъ, по льду и на конькахъ. Великокняжескія дѣти имѣли въ кремлевскомъ дворцѣ свои горы, и нынѣ ихъ не оставляютъ: Царскія дѣти, аристократы и живущіе по городамъ и деревнямъ. Всѣ любятъ кататься зимой съ ледяныхъ горъ, а лѣтомъ съ деревянныхъ. Горы чисто русская забава.

Катаніе на саняхъ въ хорошие зимніе дни, составляеть гораздо еще болыше удовольствіе какъ для купечества, такъ и дворянства. Въ столицѣ хорошее общество, отправляясь за городъ на пикникъ, разнообразитъ его катаніемъ на саняхъ.

Карты. Карты, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изобрѣтены въ Италии а по мнѣнію другихъ во Франціи. За подлинно извѣстно, что находящіяся изображенія на картахъ, принадлежать французскому живописцу Жакемену Гринゴнеру, который нарисовалъ ихъ въ 1392 г., для больного и слабоумнаго короля Карла VI. Нѣкоторые думаютъ, не безъ основанія, что карточныя изображенія служили первымъ шагомъ къ изобрѣтению книгопечатанія. — Мастера картъ имѣли прежде особое свое значеніе, нежели нынѣ: черви представляли духовныхъ, пики военныхъ, трофеи или кресты землемѣльцевъ, бубны жен-

щинъ, по склонности ихъ къ удовольствію. Четыре короля представляли: паковый царя Давыда, подъ конь разумѣли Карла VII., преслѣдуемаго своимъ отцемъ, какъ Давидъ былъ преслѣдуемъ царемъ Сауломъ; бубновый, Александра македонскаго, червонный Юля Цезаря а трефовый: Карлошана, императора пѣмѣцкого. Трефовая дама была Марія авжуйская, жена Карла VII; бубновая, прекрасная Рахиль, подъ кою разумѣли Агнесь Сорель; пиковая, Минерва, орлеанская лѣвица Анна д'Аркъ; червонная, Юдифъ, королева баварская Изабелла, жена Людовика доброго. Валеты означали оруженосцевъ: Ожье, Лавело, Лагира и Гектора, изъ нихъ два первые были рыцари Карла В., а два послѣдніе полководцы Карла VII — Прочія карты, отъ туза до десятка, означали воиновъ. (')

Карты занесены къ намъ иностранцами, не ранѣе XVII. в. — Во многихъ отношеніяхъ нѣть игры столь вредной, какъ карты. Сначала занимались ими для дрепровожденія времени, потомъ стали выдумывать и изучать многообразныя игры, злоупотребленія которыхъ послужили къ пагубѣ семействъ и обществъ. Царь Алексѣй Михайлович строго воспрещалъ играть, и вѣльзъ играющихъ злонамѣренно въ карты, подвергать наказанію, какъ за воровство. Петръ Великій запретилъ военнымъ проигрывать болѣе рубля мѣди. При Императрицѣ Елизавѣтѣ усилилась картежная игра. Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ, такую имѣлъ къ ней страсть, что прославился даже за границей. Король прусскій, Фридрихъ В., называлъ его отчаяннымъ картежникомъ. Тогда играли въ ландскнехтъ, квинтичъ, штоссъ, фараонъ, макао, гальбцвельфъ, горку, три листика, въ красную

(') Diction. des oirgin. ed. 1777 г., in 8.

и черную, въ фаро, пинетъ и мног. др. Игрохи ставили на девятку и туза, больших суммы. — Встарину Германцы, проигравъ все свое имущество, проигрывали даже женъ и дѣтей. — Почти такая же страсть господствовала между нашими предками, и она проникла было въ простое сословіе; но народъ одумался, сталъ креститься отъ игры, какъ отъ дьявольского наважденія, проклиналь ее и игрока: «чтобы ему не спалось два мѣсяца, чтобы трясла его голова лихорадка, чтобы глаза его выклевалъ черный воронъ, бѣлый филинъ и сѣрая сова; чтобы вползла ему въ чрево, змѣя водяной; чтобы печеньку его съѣла бышненная собака; чтобы сердце его высохло, какъ кора на деревѣ, если кто будетъ играть въ карты.» Простой народъ, называемый обыкновенно грубымъ, необразованнымъ, помяль все зло отъ игры и пренебрегъ ее съ негодованіемъ. Простой народъ разумѣть, подъ словомъ игрока: отъяленного мота, развратника, пьяницу и плута. Въ одной хороводной пѣснѣ, невѣста, выбирая себѣ жениха, спрашивается у своихъ подругъ:

Сосѣдушки, собратушки,
Скажите вы мнѣ:
Какой человѣкъ?

Ей отвѣчаются:

Онъ пьяница, проница,
Картежной игронь.

Этого мнѣнія уже было довольно для нее.

Еще есть старинная пѣснь:

Бѣсь проклятой дѣло намъ затяяль,
Мысль картежную въ сердце намъ всѣяль.

Дайте наизъ карты, здесь слухи есть. —
Сеняка Равинъ, Станий и Гаврюшка,
Ванька Канинъ и лжехристъ Андрюшка!
Хоть дѣла ваши громки,
Прахъ противъ нашихъ картежныхъ дѣлъ. (1)

Въ старые годы любили говорить о волшебникахъ, колдунахъ, звѣздочетахъ, вадѣніяхъ; говорили о томъ, кто видѣлъ бѣса, и какъ онъ училъ картежной игрѣ, или отдавалъ аду, проданную душу за деньги; говорили иѣкоторые отчаянные, какъ бы они желали поучиться игрѣ у демона искусного, — даже межъ ними не вѣрьются ловкие. — Все это показываетъ какое цѣнѣніе встарину понятіе о картахъ, особенно ме-жду простыми людьми.

Названія карточной игры, многочисленны. Употребляемыя понынѣ игры, суть: въ дурочки, свои козыри, посеки, мельникъ, мушка, пикетъ, тентире, бостонъ, гальбцелфъ, вистъ, преферансъ, палки и банкъ (фараонъ). Послѣдняя игра есть самая разорительная, спра-ведливо преслѣдуемая правительствомъ. Въ наше время такъ заразились игрою въ карты, что мало найдете до-мовъ, где бы не играли, и все на деньги. Отъ бѣдно-го чиновника до сибарита, отъ старой дамы до пре-дѣстной дѣвушки, все занято картами; куда не войде-те, почти вездѣ играютъ; тотъ лишній въ обществѣ, кто не отличается на зеленомъ полѣ; тотъ умень, кто искусенъ въ игрѣ. — Кто знаетъ тонкости картежныхъ, тотъ имѣеть право указывать, поправлять, учить и сто-ять выше другихъ, — потому что въ картежномъ ис-

(1) Исторія о Ванька Канинѣ изд. 1788. Москва, ст. 100—101.
Здесь помѣщ. еще истор. француза мошенника Картуша.

кустъ видѣть какое-то отъличное достоинство. Мало обществъ, гдѣ бы ни играли; тогдѣ скученъ, кто становится разговаривать объ умныхъ вещахъ или просвѣщеніи. Есть цѣлые мѣста и города, кои прославились игрою въ карты.

Многія изъ дамъ до тогдѣ пристрастились къ игрѣ, что проводятъ ночи за картами, не думая о семействѣ; матери забываютъ своихъ малютокъ а дѣвицы не смѣются оставить гостей, или вечернее собраніе, не дождавшись окончанія игры. — Часто они просиживаютъ до разсвѣта. Танцевальные вечера мало занимаютъ молодыхъ людей; все устремляется играть, и всегда слу чается, что не достаетъ кавалеровъ для танцевъ, по причинѣ страсти послѣднихъ къ картамъ. Я самъ видѣлъ много разъ, что дамы предпочитали игру танцамъ. Находятся иѣкоторыя изъ дамъ до тогдѣ пристрастившіяся, что въ самой болѣзни занимаются картами. Есть праздные и легкомысленные молодые люди, которые занимаются картами, какъ промысломъ; многіе изъ нихъ впадаютъ въ бѣдность и вынѣщутъ отъ проигрышовъ, а наконецъ дѣлаются пьяницами и развратниками. Есть примѣры, что дѣти съ семи лѣтъ пріучаются къ игрѣ: сначала для препровожденія времени, а потомъ для препровожденія днегъ. Такою страстью очумлены многія семейства, которыя отъ этого разоряются и гибнутъ. (')

(') Многими постановленіями запрещалась картечная а азартная игра, и зловамѣреныхъ игроковъ велико предавать уголовному суду.

Улож. гл. XXI. п. 15. «а которые воры на Москвѣ и въ городахъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигравшися воруютъ, и такихъ всякихъ чиновъ людемъ имая, приводить въ

Нерѣдко за занѣмѣренные игроки составляютъ свои со-общества, ловятъ охотниковъ и обираютъ ихъ до послѣд-наго. Неопытные попадаются имъ въ сѣти и погиба-ютъ. — Если приглашаютъ кого либо на чашку чаю, то это значитъ для игры, и того приглашаютъ, кто играетъ. Просвѣщенный человѣкъ не годится имъ, добрый и ум-ный не ихъ прихода. Кажется, что болѣе занимаются картами, нежели науками. Отчаянныи игрокамъ ни по-чемъ проиграть иѣсколько тысячъ и болѣе. — Между тѣмъ, если бы сотая часть изъ проигранной тысячи была ими удѣлена въ пользу общественную: на просвѣщеніе, науки, о, съ какою благородной гордостю можно бѣ бы-ло указать на такихъ любителей наукъ.—Ими достой-но бы хвалились современники, а отдаленное потомство не забыло бы ихъ. Увы! столько на свѣтѣ богачей, и

приказъ, и тѣмъ ворамъ чинить указъ тотъ же, какъ писано выше сего о татарахъ,—т. е: судить уголовныхъ судомъ.

Указъ 1696 г. февр. 18. и. 26.: тѣмъ людямъ, у кого карты и зерны вынууть, велѣть ихъ бить кнутомъ.—Ук. 1717 г. дек. 11., чтобы никто не игралъ въ деньги, подъ тройнымъ шрафомъ имѣющихихся денегъ въ игрѣ. Ук. 1733 г. янв. 23 : за пре-вое преступленіе по вышеозначенному 1717 г. указу, тройнымъ взысканіемъ имѣющихихся денегъ и остального въ игрѣ, и изъ нихъ да-вать объявителю объ игрѣ третью часть, а двѣ доли на госпиталь. Будеже кто въ ономъ преступленіи явится вторично, таковыхъ сверхъ онаго взятыя, сажать въ тюрьму на мѣсяцъ а подлыхъ (простого сословія) бить батогами не щадво, а за третie пре-ступленіе, сверхъ взятія денежного, оное наказаніе умножить вдвое, а кто уже за тѣмъ пойманъ будетъ, съ таковыми посту-пать жесточае, смотря по важности дѣла.—Въ слѣдъ за этими идетъ рядъ указовъ, подтверждающихъ запрещеніе авартной игры, какъ то: 1747 г. мар. 11., 1761 г. юн. 16., 1763 г. юл. 21, 1766 г. янв. 30., 1782 апр. 8., 1787 г. маи 28., 1801 г. юл. 11., 1919 г. юн. 19., 1832 г. марта 12., и Уставъ благоч. ст. 257, пунк. 1.—6.

столько добра многие изъ нихъ проигрываютъ! — Не за-
служивъ доброго имѣнія, отчаянныя игроки часто умира-
ютъ въ нищетѣ и въ презрѣніи. И тѣ, комъ причинюю ихъ
бѣдствій, не имѣютъ ни малѣйшаго къ нимъ ни со-
страданія, ни человѣколюбія. Проигравшіеся окамчива-
ютъ жизнь въ мученіяхъ совѣсти и голодѣ, и губите-
ли ихъ не подаютъ имъ даже куска черствого хлѣба.

Ни въ Германіи, ни во Франціи, не играютъ съ та-
кимъ пристрастіемъ въ карты: тамъ повсюду есть свое
общество, где проводятъ время въ танцахъ и дру-
гихъ забавахъ; курятъ цыгары, сидя за пивомъ, и раз-
суждаютъ о предметахъ промышленности, торговли,
художествѣ, просвѣщеніи, однинъ словомъ: о всемъ
томъ, что питаетъ сердце и просвѣщаетъ умъ. — И все-
кій разъ приходилъ въ восторгъ отъ ихъ собраній, я
завидовалъ имъ. —

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННІЕ и II. ЛѢТНІЕ.

I. Весенне : значение хоровода, созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, приглашеніе парней въ хороводъ, садить хрѣнь, страсть дѣвушекъ къ забавамъ, алая заря, вѣночка или женихъ ищущій невѣсту, выборъ невѣстъ, при долинѣ соловей, шашка на кусту, казачекъ удалой, при дубровѣ въ краяхъ, со пути со города, шляпа мурманка, яртыны трава, лугъ лужечекъ, около городу ходила я, ясное золото, оленюшка, дубовая лава, пряха, утения; царевъ, сынъ королевъ; светлый князь, храбрый князь, сиротинушка, сватовство, женихъ по сердцу, высмотрѣвающей невѣсту, Бориса женить, тоска дѣвушки, подушечка, тоска молодой женщины по своей родинѣ, красная дѣвица, дороговизна на дѣвицъ, игры, довольный мужъ своею женой, сходище, постьль лына, никольщина, бранье ягодъ, байданъ. II. Лѣтніе : русая коса, невѣста, сравненіе новыхъ родственниковъ, замужъ; любить не люблю, отказать не хочу; подарокъ, покорище дѣвицы, женихъ, коверъ, замужняя жизнь, женина любовь, ревнивая жена, ревнивый мужъ, женинъ разладъ, старый мужъ и молодый мужъ, вдона, гуляй — гуляй, разгульная жена, молодецкій сынъ, Донъ Ивановичъ, бурлаки, заинька, гуси, синичка, воробушекъ, воробушки, воложанинъ, ящерь, селезень, пиво варить, макъ растить, просо сѣять, бранье лына, плетень, барское угощеніе; вьюнъ и кругъ (олонецкіе хороводы).

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННИЕ И II. ЛЕТНИЕ.

I. ВЕСЕННИЕ ХОРОВОДЫ.

Не возможно обозначить времени и места происхождения хороводовъ, ибо они принадлежать глубокой древности, и составляли первоначально часть языческихъ религиозныхъ обрядовъ. Ассирииане и Вавилоняне, еще за 2000 л. до Р. Х., при приношении жертвъ Вавилу, совершали хороводные пляски вокругъ его жертвенника. У Грековъ возвышались религиозные обряды торжественностью хороводныхъ танцевъ, называемыхъ каравиномъ, и пѣньемъ у жертвенника гимновъ, одними непорочными девушками. Отъ одѣвались тогда въ бѣлые платья, и украшали свои головы цветочными вѣнками.

Прекрасно изображенъ хороводъ Гомеромъ:

Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; между нихъ раздаются
Лиръ и свирелей веселые звуки; почтенные женщины
Смотрятъ на нихъ и дивятся....
Въ кругѣ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцалъ, притягивая прекрасно подъ львиныя струны,
Голосомъ иѣжнымъ, они же вокругъ него—пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводомъ
несутся.—

Юноши тутъ и цвѣтущія девы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетися руками.—

Дѣвы въ одежды званныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, въ ихъ чистотой какъ елеемъ сияютъ. —
Тѣхъ вѣнки изъ цветовъ прелестные, всѣхъ украшаютъ;
Сихъ золотый кожа, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
То разовьются и пляшутъ радами, одни за другими. —
Купа селянъ окружаетъ пѣвчительный хоръ, и сердечно
Иль восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ юдѣ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ ('). —

Въ послѣдствіи времени хороводы образовали веселіе, однихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ, собираясь на лугу въ праздничные дни, пѣли круговыя пѣсни и танцевали, и страсть къ этой забавѣ, до того распространилась между европейскими Греками, что Аспазія, женщина необыкновенной красоты, покровительница наукъ и изящаго, заставила однажды важнаго философа Сократа, принять участіе въ хороводномъ веселіи. На олимпійскихъ играхъ отличныя пѣвицы и танцовщицы, показывали свое искусство въ короволахъ. Правители республикъ, знаменитые и великие люди, присутствовали на этихъ забавахъ, вмѣсть съ народомъ. Всеобщее одобрение и вѣрокъ, служили наградою отличившимся.

Въ древнемъ Римѣ хороводы составляли священные обряды: тамъ дѣвушки пѣли благодарственные гимны, предъ изображеніями боговъ; но когда поисѣмѣстный увеселенія, перешли за кругъ освященныхъ обрядовъ, тогда хороводы превратились въ народныя забавы.

Но одинъ народъ въ Европѣ, кромѣ Славянъ, не

(') Гомеръ: Иліада Гомера, часть XVIII. стих. 494 — 498.
569, 572, 593, 600 и 601, 605. Изд. 1839 г.

усвоить ихъ съ своей жизнею, и никто не сохранилъ ихъ для своей забавы, съ такими многообразными измѣненіями, какъ русскіе Славяне. Германцы, отъ природы мрачные, задумчивые и чуждые веселыхъ забавъ, не знаютъ хороводовъ. Ихъ народные танцы въ круговыя пѣсни, не могутъ сравняться съ русской пляскою и восхитительными напѣвами нашихъ, народныхъ пѣсней. Хороводы наши, душа увеселеній дѣвушекъ, слились съ русской жизнью. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не совершались они. Дѣвица, которая не принимаетъ участія въ веселости своихъ подругъ, дѣлается предметомъ замѣчаній: вѣрно болитъ у неї сердце? вѣрно нѣтъ здѣсь ея дружка? и для кого ей выказывать себя? Всѣ дѣвушки непремѣнно стараются показать здѣсь свою игривость и непринужденную ловкость; поютъ, рѣзвятся, шутятъ, бѣгаютъ, вертятся попарно и възацемъ, кружатся и раскланиваются. Но хороводныя игры, не вездѣ отправляются единобразно; смотря по мѣстности и пѣсни, онѣ измѣняются или въ дѣйствіи или въ самомъ пѣніи. (')

Духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь. Въ нихъ живо передано веселье и думы нашихъ предковъ; въ нѣкоторыхъ попадаются иolkia замѣчанія о семейномъ бытѣ и его порокахъ. — Время сочиненія хороводныхъ пѣсней и имя сочинителей, неизвѣстны. Судя по слогу, овѣ относятся къ разнымъ вѣкамъ, за исключениемъ не многихъ, а именно: синичка, макъ ростистъ, проще сѣять, которые должны быть XVI в., вѣроятнія XVII и XVIII в. но и эти искажены мѣстностію до того, что нельзя опредѣлить настоящей ихъ

(') Въ Малороссіи хороводы известны подъ именемъ веснянокъ, въ комъ однако заключаются весенія пѣсни.

эпохи. Что же относится до сочинителей, то они были изъ простолюдиновъ, потому что никто другой не могъ выразить, съ такимъ простодушiemъ и такимъ зна-
niemъ сельскаго житъя, какъ тотъ, кто родился, взросъ-
и наслаждался въ простотѣ природы, неподѣльными
забавами; сочувствовалъ имъ и передавалъ въ тониче-
скомъ распѣвѣ, не гонясь за вычурными выражениими.

При наступлениі игръ и забавъ, всякий сѣшитъ на улицу; старики садятся предъ окнами своего дома, а молодые разсыпаются по улицѣ, или становятся въ кру-
жокъ. Мужчины составляютъ свои отдельные круги, а женщины свои, но каждый, подходящій къ собесѣд-
никамъ, снимаетъ шапку и привѣтствуетъ: *миръ ва-
шему сидѣнью*. — Ему отвѣчаютъ, снявъ шапки: *поди
къ нашему смиренiu*; онъ садится съ краю завалины.—
Бесѣда идетъ, — о чёмъ? Домоводство, пашня, посѣвъ,
скотоводство, распоряженія опытныхъ въ этомъ дѣлѣ,
распоряженія начальства, ряды старосты, судъ головы
и, гдѣ люди безъ страстей? — пересуды сосѣдовъ или
сосѣдокъ перебираются ихъ въ разговорахъ. Въ то же
время собесѣдники, не забываютъ любоваться разно-
образно живой окрестностью: за рѣчкою пасутся на зе-
ленѣющемся лугу кони, свободные на нынѣшній день
отъ плуга; за рощею чуть видна колокольна ближай-
шаго села; за пригоркомъ извивается черная полоса до-
роги, по которой ѣздятъ въ поле. Здѣсь, ближе въ
рѣчкѣ, плаваютъ утки и гуси, съ своими малютками.
Но живѣе рисуется деревенская улица, протянувшаяся
по возвышеному берегу рѣчки. Здѣсь дѣвушки снуют-
ся въ разноцвѣтныхъ уборахъ; бѣгаютъ одна за друго-
й; смыются и любуются своими нарядами. Хорошъ
на чей московскій сарафанъ, но эта прекраснѣе въ
русскомъ: стянутая подъ взволнованными грудями, шел-
ковымъ поясомъ, какъ она стройна и гибка! На пѣ-

которыхъ набросанъ на головъ шелковый платокъ, на другихъ золотая лента, съ широкой поднизью. Рѣзные и легкокрылые, онѣ идутъ съ конца улицы къ тому мѣсту, гдѣ всегда собираются играть хороводъ; онѣ падутъ и поютъ:

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ, гулять на улицу.
Выносили соловеюшку на ручинкѣ,
Посадили соловеюшку на травыньку,
На муравыньку, на цветы лазоревы.
Соловеюшка разсвистается,
Красны дѣвушки распляшутся,
А молодушки расплачутся:
Поиграйте, красны дѣвушки,
Шоколь волюшка жить у батюшкѣ,
Шоколь мѣгушка у матушки.
Неровенъ женихъ присватается,
Неровенъ, какъ чёрть наваждется:
Либо старый и удущливый,
Либо малый и недужливый,
Либо ровня, горькій пьяница.
Ужъ я старого утѣшила,
На осинушку повѣсила;
Ужъ я малаго утѣшила,
Возмажнула, въ воду бросила.
Ужъ со ровнишкой гулять пошла..

Но не думайте, чтобы душа русской дѣвицы, омрачалась чувствомъ скорбнымъ при этой пѣсни; чтобы она вѣрила жалобамъ молодыхъ женщинъ, которыхъ вмѣшиваются въ ихъ хороводъ и поютъ эту пѣснь. Дѣвицы самы поютъ ее, и тутъ же смыются; смотрятъ на парней, которые выются около веселой ихъ толпы, вертятся и кружатся свободно; потомъ, набравшись онѣ за

руки, составляютъ кругъ, движущійся въ обѣ стороны, и поютъ:

Какъ у насъ во торгу кличъ кликали,
А что дорого? а что дешево?
Дорожили красныхъ лѣвушекъ:
Первая во сто рублей,
Другая во тысячу,
А третьей цѣны нѣть!
Дешевы во торгу добры молодцы:
По семи молодцовъ за овсяный блинъ,
Восьмой на придачу,
Девятый въ провожаты,
Десятый съ конемъ и съ сѣдломъ
И съ золотой уздой. —

Въ большихъ селахъ собираются хороводы не въ одномъ мѣстѣ, а на обѣихъ концахъ главной улицы. Тогда взоры зрителей развлекаются по обѣимъ сторонамъ. Одинъ хороводъ съ одного конца а другой съ другого, идетъ напротивъ и поетъ:

Возгь тыну хожу,
Я каперь траву сажу.
Не быть қарпу,
Съ тыномъ ровиу;
Не быть свекору,
Противъ батюшки;
А свекрови,
Противъ матушки.

Сошедши съ оба хоровода, поютъ вмѣстѣ:

Подойду, подойду,
Подъ Царь—городокъ;

Вышибу, вышибу,
Коньцемъ стану....

За этимъ мѣняются игры и пѣсни. Порядокъ ихъ зависитъ отъ произвола и выбора хоровода. Почти каждая пѣснь сопровождается мимикию: тихою и плавною. Хороводъ то строится въ ряды, то свивается въ кружокъ, — по содержанію пѣсни. Вотъ идутъ въ одинъ рядъ игривыя дѣвушки и поютъ; потомъ расходятся и вновь собираются, задумывая играть хороводъ. —

Собравшіяся дѣвушки на зеленої полянѣ или на улицѣ, берутся за руки, дѣлаютъ кругъ и начинаютъ со-
Созида-
вушекъ
хоро-
водъ.
зывать подружекъ въ хороводъ. Во времена цѣнія онѣ ходить кружкомъ:

Травонька, муравонька запѣвала,
И вечеръ та молодая, въ хороводѣ не была.
Красна дѣвушка прошаталаась,
Съ милымъ дружкомъ каталася.
Мой милой дружекъ, не женатой, холестой,
Онъ приглядчивъ и хороши,
На меня молодецъ похожъ. —
Собиралися дѣвушки все во кружокъ,
Расходились во лѣсокъ,
Садилися на лужокъ:
Гдѣ муравонька и цветокъ. —
Сорывали съ цветовъ цветочки,
Надѣвали на головы вѣмочки.
Пошли въ хороводъ, пошли въ хороводъ!
Въ хороводѣ веселились,
По забавушкамъ пустылись.
Пѣсни славно запѣвали,
Подружечекъ собирали:
Собирайтесь во единой кружокъ!

Запоемъ-те пѣсню мозу,
Про радость нашу къ хороводу.

Созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, само собой выражаетъ свое значеніе: желаніе дѣвушекъ порѣзваться.

Приглашение первой въ хороводъ. Однѣмъ дѣвушкамъ скучно играть: онѣ посматриваютъ на парней и горятъ нетерпѣніемъ, чтобы они поскорѣй пристали къ нимъ; даютъ имъ знать о своемъ желаніи, глазами и движеніями; послѣ запѣваютъ призывающую пѣснь, въ коей соблюдаются прежній порядокъ хоровода.

Собиралися ясны соколы, въ дубровушку ;
Слеталяся бѣлые лебедушки, въ зеленую.
Со куста на кустъ перелетывали.
Диди, лади, диди, ладушки !
Собирались все на единой на точекъ.
Между собой таковалися,
Все по парь разбиралися.
Диди, лади, диди, ладушки !
Они думали, гадали :
Какъ гнѣздушки завивать будемъ?
Какъ теплыхъ сооружать будемъ?
Диди, лади, диди, ладушки !
Какъ намъ, дѣвушки, хороводъ собирать?
Какъ намъ, краснымъ, новы пѣсни запевать?
Одна дѣвица все придумала, удумала.
Диди, лади, диди, ладушки !
Вы подруженьки любимы !
Вы красавицы, забавницы,
Сходитесь на лужокъ ,
Да и станемъ все въ кружокъ .
Вы сѣпнитесь все за ручки ,
И пріймите молодчиковъ съ собой.
Диди, лади, диди, ладушки !
Выходите веселыя, веселитися,

Резвьи пары, сохи собирать;
 Пары, пары, панишку вахать. —
 Быть леночекъ, время съять;
 Нельзя время упустить. —

Приглашение парней въ хороводъ, показываетъ, что забава дѣвушекъ, безъ участія въ ней мужчинъ, скучна, утомительна и единообразна. Только тогда и весело красавицамъ, когда рѣзвятся съ ними беззаботные и игривые молодцы. Тогда и радость, когда веселится беспечность.

Составивъ большой кругъ, берутся дѣвушки за руки. Между тѣмъ одна дѣвушка становится въ кругу а другая, насупротивъ ея, за кругомъ: обѣ онѣ, взявши за руки, поднимаютъ и опускаютъ ихъ на голову каждой изъ дѣвушекъ, обходя вокругъ всѣхъ до трехъ разъ. — Это значитъ садить хрѣнъ. Въ то время поютъ хороводныя:

Ужъ ты хрѣнъ, ты мой хрѣнъ,
 Садовый ты мой хрѣнъ!
 Кто тебя садилъ?
 Кто тебя поливалъ?
 Поливала Селиванова жена,
 При дороженькѣ жила,
 Со удалимъ молодцемъ.
 Я ему сулила, я ему дарила,
 Два коня вороныхъ,
 Две плеши шелковыхъ.
 Гдѣ калина, гдѣ малина,
 Тутъ и дѣвушки сидятъ,
 Про менъ себя говорятъ,
 Въ хороводъ итти хотятъ.

Обойдя три раза кругъ, при безпрерывномъ пѣніи, садившія хрѣнъ входатъ въ хороводъ и начинаютъ всѣ

садить хрѣнъ.

кружиться. Если хотятъ продолжать игру, то выходятъ другія дѣвушки садить хрѣнъ.

Наши сельскія дѣвушки потѣшаются себѣ, между работой, пѣсenkами, которыми смягчаются самые тяжелые труды. Имъ бы хотѣлось покинуть работушку и заняться лучше хороводомъ, потому сковариваются между собою: какъ бы намъ дѣвушки, зачать хороводъ!— Забавы и игры, удѣлъ молодости, высказывается въ этой игрѣ.

Страсть
дѣвушекъ
забав. Составивъ хороводный кругъ, дѣвушки и мушкины поютъ всеѣ вмѣстѣ:

Ты зоря ли, моя зоринька,
Зоря вечерняя, игра наша веселая!
Вы играйте красны дѣвушки,
Покудова вы у батюшки,
У родимыя у матушки.
Отдадутъ насть во чужи люди,
Во незнамые, не знакомые.
Намъ не будетъ такой волюшки!
Бѣлы руки грязью замараются,
Лице отъ солнца закраснѣется.

Свекоръ батюшка, у воротъ стоять;
Онъ меня, младу, домой зоветъ.
Я нейду домой, не слушаю:
Не доиграны наши игры,
Не доигрѣты наши пѣсеньки,
Не добаны басеньки.

Послѣ этого становится въ средину царень. Онъ, представляя свекра, выполняетъ угрозы и старается разогнать дѣвушекъ домой. При послѣднемъ стихѣ: красныхъ дѣвокъ высыпать,—онъ береть дѣвушку насиливо, выталкиваетъ ее изъ круга и гонитъ домой, покрикивая: вотъ я тѣ, разгулялась! домой!—Дѣвуш-

ки начинаютъ снова пѣть, и продолжаютъ пѣть дотолѣ, пока парень не прогонитъ всѣхъ изъ круга и не разгонитъ.

Ужъ вы девушки, красавицы!
 Не пора ли вамъ игры оставлять?
 Не полно ли вамъ пѣсни распѣвать?
 Мы оставимъ все гулянья, —
 Насъ домой всѣхъ кричатъ!
 Родной батюшка зоветъ,
 Родна матушка грозить.
 Намъ не хочется итти
 Намъ охотно погулять,
 Въ хороводъ поиграть. —
 Разудалой молодецъ,
 Своимъ девушкимъ отепь:
 Онь и бѣлой, кудроватъ,
 Красныхъ девою высыпать.

Эта игра выражаетъ явно, что девушки веселились бы вѣчно, если бы не останавливали ихъ. Дѣвицы думаютъ, что онъ родился для однихъ веселостей, забывая, что всему есть время: время забавамъ и время благоразумію. Мечтательность и вѣтренностъ, неразлучные спутники красавицъ.

Въ срединѣ круга сидѣтъ горюющая девушка: она ^{закричитъ}, что ее непускаютъ веселиться.

Разсвѣтала алая заря,
 Разсвѣтала алая заря;
 Растижилась, расплакалась,
 Красна девушки душа,
 У башошки во тереку ^{сизуючи}.
 Просилася красна девица,
 У родимой матушки,

Къ подружечкамъ съ рукодѣльемъ посидѣть.—
Ее мать не пускала, рукодѣлья не давала.

Она бѣгасть въ отчаяніи по кругу.

Красавица съ горечи бѣжала,
Во темныя во лѣса: не увижу ли дружка?
Вы лѣса мои, лѣсочки,
Приклонитеся къ землѣ,
И развѣйтесь всѣ зеленые листы. —
Вы прикройте меня отъ жару,
Сберегите миѣ лицо. —
Лицо бѣло потускнѣло,
На жару оно сгорѣло. -

Подъ березою сидѣла, сама себѣ говорила:

Участь моя горькая,
Зла нещастная судьба!

Дѣвушка плачетъ отъ горя, — а горе дѣвушки, ко-
гда не даютъ ей воли: тогда всякая изъ нихъ кля-
нетъ свою судьбу.

Привела меня судьба,
Плакать вѣчно навсегда. —
Много слезъ дѣвушка проливала.
Всѣ листочки потоптала.

Является въ кругу парень, представляя себя стрѣля-
ющимъ изъ ружья; потомъ онъ зоветъ свою суженую.
Дѣвушка является на его гостиницу и обнимаетъ молодца.—

Добрый молодецъ дознался
И во лѣсочкѣ отправился.
Во ружейце стрѣлялъ,
Громкимъ голосомъ иричалъ:

Ау! милая моя!
Выходи-ка ты сюда.

Всѣ дѣвушки считаютъ себя несчастными, когда не да-
ютъ имъ воли; въ то время онѣ готовы бросить оте-
ческій свой домъ, и всякой ихъ ласкателъ, — уже ихъ
суженый; о будущемъ не разсуждаютъ.

Одна изъ дѣвушекъ, ходящая въ хороводномъ кру-
гѣ, представляетъ жениха, ищущаго невѣсту. — Ко-
гда походитъ хороводный: имя невѣсты, тестя, тещи,
шурина, своячницы; тогда именный женихъ выводить
всякій разъ изъ круга, любимую имъ дѣвушку, и ста-
вить ее подъ себя. —

А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Хожу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ невѣсту.
Ты будешь мать, красна дѣвушка, невѣстой.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Ишу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ тестика.
Ты будешь мать, ласковой тестикъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ишу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ тещу. —
Ты будешь мать, ласкова теща.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ишу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ шурина.
Ты будешь мать, ласковый шуринъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,

Ишу лъ я, найду ли я,
Ласкову себѣ своячину. —
Ты будешъ миъ ласкова своячина.

Набравши упомянутыхъ въ пѣснѣ особъ, хороводные начинаютъ пѣть о приготовлениіи къ сватѣльѣ, а женихъ обращается съ поклономъ къ тестю, тещѣ, свояку и своячинѣ. — Онъ кланяется, когда поютъ ихъ имена. Когда же станутъ посыпать ихъ къ чорту; тогда женихъ прогоняетъ въ шею своихъ родственниковъ, и оставляетъ при себѣ одну свою жену.

А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу лъ я, хожу вокругъ городочки —
Ласковой тестюшка вари-ка пива.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу лъ я, хожу вокругъ городочки —
Ласкова теша, пеки пироги.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу лъ я, хожу вокругъ городочки —
Ласковой своячкѣ, оевдлай коня.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу лъ я, хожу вокругъ городочки —
Ласкова своячина, шей-ка ширинку.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу лъ я, хожу вокругъ городочки. —
Выпивши пива, пошель къ чорту.

Тесть выталкиваетъ свояка изъ круга, и вслѣдъ разъ выталкиваетъ тѣхъ, про кого скажутъ къ чорту.

Съѣвиши пироги, юзла иъ чорту теша.
Изыѣдивши коня, поди къ чорту шуранъ.
Износивши ширинку, поди къ чорту своячина.
А мы съ тобой невѣста, пойдемъ иллесати.

Жена увидѣвъ, что мужъ прогналъ вою ея родину, сердится на него и бросаетъ его самого: — Мужъ упрашиваетъ ее, кланяется, пѣтуетъ и все напрасно. Жена оставляетъ домъ мужа, и уходитъ къ своимъ роднымъ.

Вѣночки изображаютъ мужа, женившагося по расчетамъ: онъ ссорится съ своей роднею, гонить ее изъ своего дома и наконецъ доводить до крайности свою жену молодую, еще въ медовыхъ мѣсяцахъ, — которая сама оставляетъ его. — Сколько таковыхъ примѣровъ на свѣтѣ!

Составляется два ряда играющихъ: въ одномъ находятся невѣсты, называемыя царевы, а въ другомъ женихи, называемые бояре. Обѣ половины, пѣбравшись за руки, отходить на известное разстояніе, и когда поютъ женихи: вы царевы, и т. д., тогда начинаютъ сходиться оба ряда, другъ противъ друга. — Когда поютъ невѣсты: вы бояре и т. д., тогда начинаютъ отступать обѣ половины. Такимъ образомъ продолжаютъ приступать и отступать, пока не скажутъ: вотъ вамъ невѣсты! Обѣ половины поютъ по перемѣнно. — При требованіи невѣсть: покажите халатъ, сапоги и шляпу, — женихи имъ показываютъ. Разыгрывая выборъ невѣсть, наряжаются всѣ какъ можно щеголеватѣ, особенно женихи: у нихъ и рубашка красная, и сапоги вымазанныя, и шляпа пойковая съ троусовымъ перомъ; у нихъ и глаза говорятъ: молодецъ я! Ретивое бываетъ и кажется, кричитъ подпрыгивая: жениться хочу!

Вы царевы пропустите въ города,
Пропустите въ города!

Вы бояре, вамъ за чемъ въ города?
Вамъ за чемъ въ города?

Вы царевы, намъ невѣсть выбирать,
Намъ невѣсть выбирать.

Вы бояре у насъ невѣсты не выброшены,

Выборъ
невѣсты.

И цветное платье не сражено.

**Вы царевы, намъ цветное платье
Не нужно, да не нужно.**

**Вы бояре покажите жениховъ,
Покажите жениховъ.**

**Вы царевы, вотъ вамъ женихи,
Вотъ вамъ женихи.**

**Вы бояре покажите :
Есть ли у нихъ халаты,
Есть ли у нихъ халаты?**

**Вы царевы, вотъ вамъ халаты,
Вотъ вамъ халаты.**

**Вы бояре, покажите сапоги,
Покажите сапоги.**

**Вы царевы, вотъ вамъ сапоги.
Вотъ вамъ сапоги.**

**Вы бояре, покажите шляпы,
Покажите шляпы**

**Вы царевы, вотъ вамъ шляпы,
Вотъ вамъ шляпы.**

**Вы бояре, вотъ вамъ невѣсты,
Вотъ вамъ невѣсты.**

Указавъ на невѣсть, т: е: на всѣхъ дѣвушекъ, предоставляемъ парнямъ выборъ любой, и не рѣдко отъ шутокъ доходить до дѣла. — Кому изъ дѣвушекъ не-пріятно скорѣе за мужъ? — Но то бѣда, что женихи разборчивы. — Не смотря на странную привычку же-ниновъ, а всего болѣе на ихъ вкусъ причудливый: кому правится чернобровая а кому голубоокая, кому тон-кая а кому толстенькая, дородная, румянная, пылкая, кипящая вулканомъ страстей, а кому чтобы и нѣжная и мягкая, — причудливый вкусъ мушинъ! — а какой вкусъ дѣвушекъ? — мы не знаемъ, только знаемъ од-но, что онѣ черезъ чуръ взыскательныя, разборчивыя и часто рады, когда отыщутъ имъ жениха: хоть бу-

лыкъ, да лишь бы не вросшдѣть въ дѣвушкахъ. Слухается на грѣхъ, что жешиху нерѣдко ненравится сатана, лучше яснаго сокола. — Кто жъ послѣ этого не разборчивъ? — Дѣвушки? — нѣтъ! — Мушины? — нѣтъ! Неразборчивъ тотъ, кто перезрѣлъ, и въ доказательство этого сами дѣвушки говорятъ: вотъ вамъ невѣсты, выбирайте, кто вамъ понравится — это значитъ, что они давно были узаконенные невѣсты, а теперь перезрѣлые, потому выбирайте: вотъ вамъ невѣсты!

Въ кругу стоять парень и дѣвушка: оба они горю-
ютъ; парень посматриваетъ на свою дѣвушку, она от-
ворачивается отъ него.

При долинушкѣ калинушка стояла,
На калинушкѣ соловей пташка сидѣлъ,
Тоньку ягоду клевалъ,
Спѣву, звѣлу, пересѣчу.
Я устала красна дѣвушка,
Соловьевъ пташечъ шугать,—
Надокучило мнѣ по саду гулять.
Прилетали къ соловью два сокола сизы,
Ваяли, брали соловья изъ сада.
Посадили соловья въ высокомъ терему,
Заставляли соловья пѣсенку запѣть.
Ужъ ты пой соловей, голосистой распѣтай!
Принутшъ сокола, при кручинѣ при такой;
Веселы при печальѣ, красну дѣвушку душу.
Что ты молодецъ не женатъ?—
Мнѣ жениться давно хочется.
Хуже себя взять не хочется,
Черезъ дворъ живеть молода вдова,
У ней есть дочка молода,
Молода, хороша, Машинъка душа.
Какъ и по мосту, мосточку,
Ой калина, ой малина!
По калиновому частому,
Селезень переходитъ,

Съра утка переводить.
 Ой калина, ой малина! —
 Калинъ мостикъ обломился,
 Съра утка потонула.

Дѣвушка скрывается изъ круга, парень плачетъ по ней.

Ой калина, ой малина!
 Тужеть, плачеть селезень:
 Какъ бы митъ ее не жаль,
 И не сталаъ бы я тужить.
 Ой калина, ой малина! —
 Калинъ мостикъ возмостился..

Дѣвушка является въ кругу, парень тутъ радуется и они оба обнимаются и цѣлуются. Дѣвушки, называемыя въ предпослѣднемъ стихѣ утками, — удивляются перемѣнѣ своей подругѣ, которая первоначально не любила его и не хотѣла итти за него за мужъ. — Безчисленное множество примѣровъ, что дѣвушки сначала не любятъ, а потомъ полюбятъ; сначала клянутся, что готовы лучше лицимть себя жизни, нежели итти за мужъ за немилаго, не по сердцу, а потомъ сами влюбляются въ немилаго. По этому выходятъ: что мушкина, будь не много получше бѣса, полюбится красавицѣ, слѣдовательно: должно ли вѣрить женскимъ клятвамъ, и ихъ отчаянію? — по большой части всѣ притворное.

Съра утка воспыла.

Ой калина, ой малина!

Селезень возрадовался :

Они стали цѣловаться,

Претчя утии давоатъся.
Ой калина, ой малина!

Смысль этого хоровода выраженъ уже выше: тѣ е:
что многія дѣвушки, обнаруживая притворную ненависть,
облекаютъ ее въ любовь. —

Дѣвушка ходить въ кругу; она прикрывается платкомъ, стыдясь смотрѣть на своихъ подругъ.

Пташка
на кусту.

Сидить пташка во саду, (*)
На яблонкѣ во кусту:
Хорошо пташка поеть, —
Она весело живеть. —
Охъ ты пой, распѣтай,
Тоску, скучу забывай.
Если вѣсенокъ не пѣть,
Хлѣба соли не иметь,
Во снаряды не ходить,
Про любовь не говорить.
Ты полянка, поляночка моя,
Да и гдѣ ты, поляночка, ногуливалася?
Да и гдѣ ты, поляночка, разгуливалася?
Не слыхать про тебя. —
Ровно не было тебѣ!
Какъ на бѣлой зарѣ,
Проявилася красна дѣвка на дворѣ;
Какъ на бѣлой зарѣ, проявилася. —
Вотъ все дѣвушки говорить,
На красну дѣвицу глядятъ.

(*) Пташка на кусту и при дубровѣ во краяхъ, помѣщенные въ числахъ хороводовъ, собственно суть плясовыи; но какъ въ разыгриваются вместо хороводовъ (въ волгскому уѣзду саратовской губ.), то потому онѣ внесены сюда.

Не дивитесь, не глядитесь, подруженными мон!
Не дождавши дружка,
Я сама съ милымъ пришла.

Она выводить изъ круга парня, который, обнявъ ее,
ходить съ нею. —

Лучше сперва запоемъ-те казачка,
Про того ли казачка, про забавничка.
Ты казакъ, казачекъ,

Дѣвушки скачутъ и пляшутъ.

Казакъ, миленькой дружкѣ!
Тебѣ скачемъ, тебѣ пляшемъ,
Тебѣ пѣсеньки поемъ,
Тебѣ честь отъ (') воздаемъ. —
Поздно на дворъ, насть пора со двора,
Ты прости казачекъ.

Казакъ, которого разыгрывалъ парень, уходить изъ круга; дѣвушка прощается съ нимъ и клянется любить его во вѣкъ.

Прости, сердце мое!
Я любить тебя буду,
И во вѣкъ не забуду.

Ежедневные и ежечасные примѣры, свидѣтельствуютъ, что дѣвушки клянутся любить вѣчно, по гробъ. И если бы кто осмѣялся разлучить нѣжныхъ любовниковъ, на этомъ свѣтѣ; то они соединятся на томъ свѣтѣ, ужъ на вѣки. Тамъ, говорять они,

(*) Отъ, сокращенное вотъ.

сердца вѣжныя будуть дышать невинностию, и чуждыя пылкой страсти, коварной измѣны, будуть жить безъ слезъ, обнимаясь и цѣлуясь, вѣчно, вѣчно. И только тамъ будуть ворковать свободно: я твоя! я твой! и всякий разъ признаніе будетъ запечатлѣваться поцѣлуемъ чистѣйшей любви, — а та, какая была на этомъ свѣтѣ, — про то знаютъ одни любовники страстные. —

Казачекъ расхаживаетъ въ кругу, и поигрываетъ въ гудочекъ. Дѣвушки, кружась вокругъ его всѣмъ хорово-^{Казачекъ у-}_{домъ}мъ, припѣваютъ подъ гудокъ, иногда и пляшутъ.

Изъ за лѣсу, перегльсу, шелковая трава!
Ходиль, гуляль, донской казакъ,
Ой люшеньки, ой люли!
Онъ гуляль, во гудочекъ играль,
Онъ неизвесту выбираль.
Ой люшеньки, ой люли!

Тутъ останавливается хороводъ, выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ казакомъ, который играть подъ голось пѣсни:

Выходила дѣвушка, тонка и долга
Ой люшеньки, ой люли!
Белоличка, кругличка, хороша!
Хорошая, пригожая,
Поди за мужъ за меня.
Ой, люшеньки, ой люли!
А не пойдешь за меня,
Спокаснися навсегда.
Ой люшеньки, ой люли!
Воспомнишь ты меня,
Удалого молодца.
Ой люшеньки, ой люли!

Здѣсь перестаетъ играть казакъ, только поютъ однѣ дѣвушки:

Пойти было къ сосуду,
Спросить про его.
Ой люшеньки, ой люли!
Сударушки, сосудушки! каковъ человѣкъ?
Онъ пьяница, проинвается,
Ой люшеньки, ой люли!
Пропытъ весь домикъ,
За единой стаканчикъ. —

Дѣвушка оставляетъ его съ презрѣніемъ, а казакъ удалой свиститъ себѣ.

Таковы удалые женихи! Удастся, хорошо; не удастся, свиститъ себѣ. Бранить невѣstu, поносить ея достоинства и весь родъ ея, — и въ добавокъ говорить: я самъ отказался.—И если бы я хотѣлъ, какъ бы не отдали за меня, удалого молодца!

При дубровѣ во краяхъ, бровѣ зеленыхъ краахъ. Тутъ дѣвушки кружатся въ продолженіи почти всей игры. Стоящая въ кругу дѣвушка, ходить весело и любуется собой. Для этого выбирается бѣлоногая, круглоголощая, не большая ростомъ и всѣхъ наряднѣе.

При дубровѣ во краяхъ,
При зеленыхъ лугахъ,
Тутъ цветочки разцвѣтали.
Промежъ самыхъ цветовъ,
Красны дѣвушки гуляли;
Красные цветочки, алые,
Красныя дѣвушки, румяныя.
Хорошія, пригожія,
Заразили молодцевъ,
Въ хороводѣ, при народѣ.
А мы пѣсню занесимъ,

Про чужую сторону.
Какъ чужая сторона,
Разлучила молодца;
Разлучила молодца,
Отъ матери, отъ отца.
Миѣ не нуженъ отецъ, мать,
Жаль сударку покидать.
Возьму Любушку съ собою,
Не оставлю безъ себя.
Я знаю, разумлю,
Какъ въ разлукѣ трудно жить:
Миѣ въ разлукѣ съ нею не жить,
Лучше жизни свою лишить.
При долинѣ, при равнинѣ,
Раззеленої кустъ стоять.
Какъ на кустикѣ зеленомъ
Соловеюшка сидѣть,
Звонко, громко онъ поетъ,
Въ теремѣ голосъ подасть.
Какъ во этомъ терему,
Всѣ забавы и прохлады,
Развеселая сама жизнь.
Тамъ цветочки разцвѣтали,
Красны дѣвушки гуляли :
Что лучше всѣхъ, то сударушка моя!
Она сама собой не величка,
Бѣлымъ лицомъ круголичка.
Она ходить всѣхъ наряднѣе,
Нельзя Любушку не признать.

Молодецъ выходитъ изъ круга, подходитъ къ ходящей въ кругу дѣвушкѣ, снимаетъ шапку и кланиется ей; потомъ беретъ ее за руку и цѣлуетъ при народѣ.

Признавалъ, узнавалъ,
Одинъ молодецъ удалъ.

Онъ за рученьку бралъ
Прочь отъ девушки отзывалъ,
Онъ полою одѣвалъ, при народѣ цѣловалъ (*).

Вездѣ гордятся девушки своей красотой, и вездѣ онъ умѣютъ побѣждать.

Со пути со города. Въ кругу хоровода ходить парень, отеческій сынъ.
Да. Дѣвушки поютъ:

Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальней сторонушки.—
Покажи-ка молодецъ,
Свою шляпу черную

Онъ снимаетъ съ себя шляпу, поднимаетъ ее wysoko, и говоритъ: вотъ! у меня шляпа пуховая. — Дѣвушки продолжаютъ пѣть:

Вотъ вамъ люди добрые,
Шляпа черная, шелковая.
Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,

(*) Когда парню по сердцу дѣвушка, тогда онъ обходится съ нею свободнѣе, чтобы все видѣли, что онъ любить ее; холить съ нею вмѣстѣ, даволять себѣ вольность: обнимать и цѣловать, забывая, что посторонніе это видятъ. Но любовь вездѣ слаба; часто парень, прижимая свою милую, прикрываетъ ее полой своей одежды, чтобы защищить стыдливость отъ укоризненныхъ взглядовъ, потому сказано здѣсь: онъ полою одѣвалъ при народѣ цѣловаль.

Со пути со дороженьки,
Со дальней сторонушки. —
Покажи-ка молодецъ,
Свои кудри русые.

Онъ скидаеть шляпу.—Воть кудри мои русые. На-
дѣваеть шляпу и ходить по кругу. Дѣвушки поютъ:

Воть вамъ, люди добрые,
Мои кудри русые.
Откуда, откуда, молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальней сторонушки. —
Покажи-ка молодецъ,
Свои руки бѣлые.

Онъ поднимаеть руки вверхъ и говорить: воть вамъ,
мои руки бѣлые.—Дѣвушки продолжаютъ:

Воть вамъ, люди добрые,
Мои руки бѣлые!
Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальней сторонушки. —
Покажи-ка молодецъ,
Свою молоду хозяюшку.

Онъ подходитъ къ дѣвушкамъ, ищетъ ее между
ними, и которая ему нравится, выводить на средину
круга и говорить: воть вамъ! моя молода хозяюшка.
Тутъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ. — Дѣвушки поютъ:

Нате панъ, люди добрые,
Молоду мою жену.
Моя-то жена чернебровая,
Черноглаза, разхорощая душа!

^{Шляпа мурманка} Въ кругѣ разхаживаетъ пьяной панъ, вдаль его
стоить панья. — При уровеніи имъ шляпы, онъ тре-
буетъ, чтобы жена подняла и подала ему.

Вхалъ панъ отъ князя пьянъ,
Уронилъ шляпу мурманку (*).
Гаркалъ панъ на свою панью молодую:
Подь сюды, панья моя молодая!
Подымы, подымы, мою шляпу мурманку.

Панья отвѣчаетъ съ хороводными:

Я тебъ, панъ, не служанка;
Я служанка родимому батюшкѣ,
Родимой матушкѣ.

Тутъ поютъ однѣ хороводныя:

Вхалъ панъ отъ князя пьянъ,
Уронилъ шляпу мурманку.
Гаркалъ панъ на свою панью молодую:
Подь сюды! подь сюды!
Панья молодая!
Подымы, подымы,
Мою черную шляпу мурманку.

(*) *Мурманки*, стариинные шапки, вышиною больше полъ-аршина; они опушивались дорогимъ мѣхомъ, и ихъ носили Великие Князья и бояре. Въ торжественныхъ выходахъ не снимали ихъ съ своихъ головъ.

Панъя поднимаеть и надѣваеть ему на голову.

Я тебъ панъя, служанка,
Подыму тебъ черну шляпу мурманку,
Надѣву шляпу на буйну головку. (*)

Мужья поступали прежде съ своими женами, какъ съ служанками. Потому этотъ хороводъ выражаетъ деспотическую власть мужей.

Дѣвушки и парни поютъ виѣстѣ, побравшись за яртынь трава. Одна дѣвушка холитъ печальная..

Кто у насъ, кто у насъ,
Яртынь траву притопталь? —
Притоптали яртынь травку,
Заволжинскіе бояре :

Парень, представляющій бояровъ, ходить за дѣвушкой, — это значитъ, что онъ ловить ее:

Ловили они душу, красну дѣвушку:
Красна дѣвушка не давалась,

Она убѣгаетъ отъ него, прикрываясь платкомъ:

Во лѣсочекъ удалялась,
Тонкимъ листомъ укрывалась.

Однако бояринъ словилъ ее, и это значитъ, что онъ отыскалъ ее, — и повелъ къ жениху.

(*) По употребленію здесь словъ : панъя, павья, гаркаль и мурманка, должно полагать, что этотъ хороводъ принадлежить къ стариннымъ.

Отыскали девушку въ лапуху,
 Во горькой во травѣ,
 Близъ ключевой воды.
 Повесали девицу,
 Во Царевъ городокъ: (^)
 Чемъ ты насъ, Царь, пожалованъ? —
 Жаловалъ намъ Царь,
 День за ночь, во сто рублей ;
 За недѣлю годъ, во тысячу.

Это намекъ на тѣ прежніе обычаи, когда сваты или сватать изъ деревни въ деревню, изъ города городъ. Ласками и хитростями, они успѣвали, а зушка: хочь не хочь, должна была принять вѣнецъ церквѣ Божіей.

Собравшіяся девушки на зеленой полянѣ, или на юномъ мѣстѣ, кружатся и поютъ. При этомъ онѣ щутъ ногами, представляя, что онѣ топчутъ траву:

Лугъ ты мой, лугъ зелений!
 Зеленъ лугъ, лужечекъ.—
 Кто тебя топталъ?
 Да кто толочилъ? —
 Топтала девица,
 Другая вдовица,
 Третья молодица.
 У той молодицы,
 Мужа дома нетъ.
 Уѣхалъ мужъ во Москву,

(^) Имя города Царева — примѣненіе къ мѣстности. — Эта песня взята изъ г. Царева, саратовской губ. Должно замѣтить, что при этой пѣсни всякий разъ вставляется имя того го-да, въ которомъ разыгрываютъ этотъ хороводъ.

Былая замужна.
Какъ пріхала женщина,
Во единой во дешень;
Привезъ онь бывалъ,
Сталь жену дерить.

Тутъ дѣвушка въ шлагѣ, представляющая мужа, идетъ къ ходящей въ кругу дѣвушкѣ, братья ее за руку, ставить ее посреди круга, и даетъ ей платокъ, вместе бѣлья; она сердито отвертывается, бросаясь на землю и не глядить на своего мужа. — Дѣвушки поютъ, змѣй съ измѣнѣмъ мужемъ:

Ты пріими-ка жена, не ломайся!
Ты пріими-ка душа, не гордися.
Поглядите, люди добрые! ..
Какъ жена меня не любить,
На доброго молодца не глядить.
Я пойду молодецъ, во Китай городъ,
Я куплю своей женѣ,
Гостиочекъ дорогой.
Такой гостиничекъ, — башмаки.
Ты пріими жена, не ломайся!
Ты пріими душа, не гордися.

Она бросается башмаки на землю. Дѣвушки поютъ:

Поглядите-ка люди добрые?
Какъ жена меня не любить,
На доброго молодца не глядить,
Я пойду молодецъ, во Китай городъ,
Я куплю своей женѣ гостиничекъ.
Такой гостиничекъ дорогой,
Щелковую пшетку.
Ты пріими жена, не ломайся!
Ты пріими душа, не гордися.

Она тутъ часъ обращается къ нему, забываетъ его въ щѣльте. — Дѣвушка-шарыгъ.

Поглядите-ка люди добрые!
Какъ жена мужа любить,
Изъ глазъ своихъ не спускаеть:
Радъ ли сойдется, все поклоняется,
И другъ съ другою поцѣлуются:

При этомъ они пѣваютъ, а кругъ расходится
брззей.

Сдѣлавшись женой, чудесно быть покорной, а не
своенравной. Прадѣды наши управлялись, съ дражай-
шими своими половицами, очень скоро, — влеткой. Ко-
нечно, этого средства нельзя допустить въ нашъ вѣкъ,
но и въ наше время ни одному мужу приходить
мысль, — разумѣется мысль варварской; чесообраз-
ная при нѣжности нашего прекраснаго пола, — чтобы
пребѣгнуть иногда къ смирительной пружинѣ: отъ того,
что горькой опытностью дознано: цагубна воля жены.

Около городу ходила Около хороводнаго круга, представляющаго городъ,
ходила молодая жена и побрякиваетъ перстнями. Когда
пропоютъ: поклонись ты цониже, — молодецъ выходить
изъ круга, кланяется ей, и потомъ прижимаетъ ее.

Около городу ходила я!
Во твѣмъ ли городу?
Золоты перстни мѣяло. —
Отворяй-ка ворота, господинъ!
Подойди-ка, господинъ, поближе,
Поклонись-ка, ты цониже,
Прижми къ сердцу по плотище..

Молодая жена, спѣвающаяся изъ дома по произво-
лу, приносить съ собой подарочки; а слабый мужъ

принимаешь ее. Оны хотят доказаться, что она приносить жена; однако они думаютъ обуздать не перешившъ. — Фалесофия любовь съчленяется рогоносцевъ.

Молодка пляшетъ въ кругу, и ей нѣтъ надобности ^{Ясное золото.}
ни до своего дома, ни до родныхъ.

Ясное золото разгаралося,
И юнда разыграли.
За мной молоды,
Посохъ за посохъ:
Поди-ка молоды,
По скорве съ двора:
На тебѣ съекбръ раскрутился,
Со той со кручины, гѣюза бѣллы.
Худо можетъ!

Много на свѣтѣ женщинъ, для которыхъ, хоть все
проходи въ донѣ, только бы имъ переселиться.

Побравшись за руки, девушки ходятъ: ^{Вирила оленятками.} Идти въ ту, то въ другую сторону; между тѣмъ одна изъ девушекъ, ходить ^и иругу съ лѣстницами ^и представляетъ всѣ дѣйствія оленей:

Изъ за лису, лису темнаго,
Выходила оленятка
Съ малыми оленятками!
Вирила, охъ ли съ оленятками! (*)
Выходила она по зеленые туги.
Вирила, охъ ли во лужечки!
Щипала, срыгивала травойку зеленую,
Вирила, охъ ли зеленую!

(*) Вирила, есть сокращеніе пастушечьяго крика: виръ, вира, ла, ла!

Марина, синела лодочь сосновы излишне,
Вирила, охъ ли малыши!
Сошущалась оленюшка со крутиго бережка,
Вирила, охъ ли бережка!

Дѣвушка останавливается съ оленятками у ключа,
для напоенія ихъ.

Подходила со малыми оленятами къ ключнику,
Вирила, охъ ли къ студемому!
Покля оленюшка своихъ дѣтунекъ.
Ключевой водой,
Вирила, охъ ли ключевой водой!
Выходила оленюшка, изъ подбережка крутого,
Вирила, охъ ли крутого!
Гдѣ не взялся свирепый левъ
Вирила, охъ ли свирепой завръ!

Выбѣгасть парень въ зидѣ льва, и разтерзывается
слеменою дѣты разбѣгаются съ визгомъ.

Поймать, схватить оленюшку.
Вирила, охъ ли оленюшку!
Разстерзать оленюшку, беавинную.
Вирила, охъ ли беавинную!
Разбужались оленятушки, малые дѣтушки,
Вирила, охъ ли дѣтушки!
По дакой степи уральской (*).
Вирила, охъ ли по уральской!
Во глухую полночь, во темную,
Вирила, охъ ли во темную!

(*) Въ уральской степи не водятся львы, и эта паснь привыкна уральскими жителями къ своей мѣстности.

— Нынешними въ сколько времена, сбываются ли къ
своему пепелищу въ томъ ръдаютъ о своемъ несчастіи:

Пришли оленяташи ко чешму гивалушку,
Вирила, охъ ли гивалушку!
Возошли оленяташи гропаниш говесень,
Вирила, охъ ли говесень!

Бережитъе семейство, по ему итой сѣни, гиб-
нетъ, потому именно что бережитъе. Оспинки и
сироты ръдаютъ на свое мѣсто пепелище, и только одно
имъ утѣшеніе, что не запрещаютъ имъ плакать по
своемъ горѣ.

Въ срединѣ круга сидѣтъ печальная девушка, пред-
ставляющая жевщину. Между тѣмъ девушки и парни,
побравшись за руки, поютъ:

Какъ на рѣченькѣ на рѣчинѣ,
Лежить лавоньки дубовая,
Дубовая доска, досченая.
На той лавонькѣ, на дубовой,
Сидѣтъ шведонька молодая,
На ней шубемька полуная,
Перемоясечка шелковая.

Нѣсколько парней выбѣгаютъ изъ круга, подхвати-
ваютъ шведку:

Гдѣ не взялись драгуны,
Молоды души, кавалеры.
Взяли шведоньку, подхватили,
Во колясочку посадили:

Продолжаютъ пѣть:

Вдоль Москвы шведку провозили.

Шведка плясать. Тогда одни изъ первых утѣшаются; другие играютъ, а остальные плачутъ.

Стала шведка сасюю рвать,
А драгуны утѣшать;
Мирилики на барабаны;
Въ спивочки заморали.

Види веселится холмъ, шведка забываетъ свое горе, и
наинность плясать съ якою. Хороводные поютъ:

Стала шведка на веселье,
Начала шведку плясать.
Поядисавши поддощаць;
Исподать, вахъ драгуны!
Вы умѣете шведку брать,
И горазды шведку утѣшать. —

Плѣнъ въ иноземной землѣ, часто забывается, когда
развлекаютъ забавами. Эта пѣснь сочинена на пѣ-
ненныхъ шведокъ, во время войны Петра I съ Кар-
ломъ XII.

Ирака. Одна изъ дѣвушекъ ставитъ рѣкъ передиъ круга
свой гребень и садится тутъ прясть. Во время пря-
денія она дремлетъ, переваливается съ бока на бокъ,
бѣтъ головой объ прядлицу, хватается за нее рука-
ми, зѣваетъ, потягиваеся и начинаетъ снова прясть;
потомъ опять дремлетъ и качается во всѣ стороны.
Дѣвушки поютъ:

Дрема дремить за гужелью (за гребенемъ)
Гужель портить,
Шелкъ теребить.
Полно дрема, дремати,
Пора дрема перестали!

Всюк ареша, скошара \leftrightarrow батюшки садить;
 Гроуз тоба несети.
 Вотъ я встану, ноглижу!.

Пряха вскакиваеть, смотритъ вокругъ себя и, по-
 томъ бѣгаеть по кругу. Пօслѣ снова садится за свою
 работу и дремаетъ по прежнему. — Дѣвушки поютъ:

Ой ли, люди злолукавы!
 Не видя люди, видять;
 Не слыша люди, слышать.
 Дрема дремитъ за гужелью.
 Гужель портить,
 Шелкъ теребить.
 Полно дрема, дрематъ,
 Цора дрема перестати.
 Вонъ смекрень твоя идетъ,
 Гроуз несетъ.
 Вотъ я встану, ногляжу!.

Она бросаетъ гребень, бѣгаеть до кругу, смотритъ,
 на все стороны и снова садится. Дѣвушки поютъ:

Нони люди злолукавы!
 Не видя люди, видять ;
 Не слыша люди, слышать.
 Дрема дремитъ за гужелью.
 Гужель портить,
 Шелкъ теребить.
 Полно дрема, дрематъ,
 Вонъ дрема, лица идетъ (мужъ).
 Гроуз несетъ, плеть шелкову.
 Вотъ я встану, ногляжу!.

Между тѣмъ другая дѣвушка выходитъ изъ круга
 и несетъ жгутъ, замѣняющей пасль. Пряха просы-

нается и вдруг мужа съ пистолемъ, прицелился усердно за свою работу.—Мужъ кричитъ ты, что ли сомула! лынишица,—заработалась! Ночь не спала, все бѣгала.—Замахивается жгутомъ и начинаетъ хлестать. Жена бѣгаетъ по кругу, мужъ кричитъ: проучу! тебѣ все веселиться съ парнями, играть съ ребятами молодыми, не женатыми. — Жена выбѣгаешь изъ крѣпа и го-сить: забилъ меня мужъ! забилъ меня мужъ! уму-чили окаймленный.

Не такъ ли дѣлается иногда въ быту простолюди-новъ? — Нѣтъ, гораздо еще въ высшемъ. — Жены не досыпаютъ ночей, дремлютъ, ходя днемъ, — и все будто бы трудились, работали всю ночь; будто бы ихъ мужья — тираны, не даютъ имъ ни покоя, ни отдыха, заставляя работать тяжелую работушку, не одну ночь, а весь темный зимний морозъ; съ раз-свѣтомъ, не слетаютъ еще пѣтухи съ настѣстей, жена уже работай! — Между тѣмъ какъ жена, или многія жены, проводили ночь въ играхъ и забавахъ, все съ молодыми да съ не женатыми. По неволѣ жены дремлютъ; а въ дремотѣ какихъ не привидится грѣзъ, разныкъ забавъ, и эти забавы превращаются потонь въ пламенное желаніе на яву.

Утка. Побравшись дѣвушки за руки, ходятъ кругомъ то въ одну, то въ другую сторону; но измѣненіе ихъ движений, совершается по содержанію пѣсни:

Плыла утка (*).
Черезъ сине море.

(*) Этотъ стихъ поется еще такъ: Шла, пила утка. — Утки плаваютъ, а не ходятъ по морю; но этотъ стихъ болѣе сообра-зверь, съ традиціоннымъ складомъ русскихъ стиховъ.

— Какъ, какъ утена,
Ноженьки обмотка?

Шаркал ногами, девушки цокдаывают:

— Этакъ утена,
Этакъ сърая,
Ноженьки обмотка! —
Плыла утена,
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утена,
Крылушки обмотка?

Девушки машутъ руками:

Этакъ утена,
Этакъ сърая,
Крылушки обмотка! —
Плыла утена
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утена,
Крылушки встрепенула?

Девушки хлояютъ въ ладони:

Этакъ утена,
Этакъ сърая,
Крылушки встрепенула! —
Плыла утена,
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утена,
На бережокъ садилась?

Девушки присѣдаютъ :

Этакъ утена,
Этакъ сърая,
На бережокъ садись!

Этимъ оканчивается короводъ и начинается другой. — Выраженіе этой игры есть одна веселость и прѣзвѣсть, ищащая новыхъ забавъ.

Царевъ, сынъ королевъ. Мужчины и девушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ, который называется городомъ. Вокругъ города ходить въ шагъ царевъ, сынъ королевъ. Кружокъ, стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

Царевъ, сынъ королевъ,

Кругъ города колоть,

Кругъ города колоть.

Царевъ, сынъ королевъ,

Городъ высмотрѣвать,

Городъ высмотрѣвать.

Царевъ, сынъ королевъ,

Невѣсть выбирать,

Невѣсть выбирать.

Царевъ, сынъ королевъ,

Воинъ сударь въ городъ,

Воинъ сударь въ городъ,

Кругъ разступается и царевъ, сынъ королевъ, входитъ въ его средину; потомъ кругъ склоняется и продолжаетъ пѣть:

Царевъ, сынъ королевъ,

Стань государь, прибодрися,

Стань государь, прибодрися.

Онъ подпирается руками въ бока.

Царевъ, сынъ королевъ,

Низесинко поклонися,

Низесинко поклонися.

Онъ снимаетъ шапку и раскладываетъ всѣмъ.

Шаренъ, срѣтъ королеву,
Низесинъко поцѣлуйся,
Низесинъко поцѣлуйся.

Онъ подходитъ къ одной изъ дѣвушекъ, становится предъ нею на колѣна, цѣлуетъ ея руку и отдаетъ ей шляпу.—Въ простомъ сословіи играютъ точно также, за исключеніемъ, когда мушка становится на колѣна предъ дѣвушкою, тогда и она становится предъ нимъ. Дѣвушка, предъ кою, стоять на колѣнахъ мушка, выходитъ изъ круга, и дѣлается *шаренъ*, дочерью *королевой*.

Одинъ изъ молодцевъ ходить *порою* въ кругъ, и *святой князь* указываетъ повелительной рукою за свои владѣнія, представляя изъ себя *князя*:

Ходить нашъ святой князь,
Около своего города;
Ходить около своего замоково;/
Ищеть нашъ святой князь,
Ищеть нашъ добрый князь,
Свою ли свѣтлую княжну,
Свою ли добрую княжну. —
Ходить, ходить князь,
Ходить кругомъ города;
Онъ сечеть, онъ рубить
Своими мечами ворота.
Скоро ли святой князь?
Сыщеть красную дѣвицу?

Князь останавливается и одинъ оканчиваетъ:

Ужъ я ли гдѣ найду,
Красную дѣвицу княжну?
Ту ли дѣвицу княжну,
Златымъ перстнемъ подилю? ...

Храбрый Хороводные раздѣляются на двѣ половины, и каждая изъ нихъ стоитъ во время пѣнія, другъ противъ друга. Храбрый князь разхаживаетъ спѣсиво между обѣими половинами, и поеть съ ними.

Княжій сынъ хороберъ,
Что ходишь, что гуляешь?
Княжій сынъ хороберъ,
Что ты пріимъчашъ?
Подруженьки мои!
Я хожу ис гулюю,
Ишу свою молодую.
Вѣдь моя-то молодая,
Вѣдь моя-то княжна,
Во теремѣ сидѣть,
На ней вѣничикъ горитъ;
Сарафанъ камчатный,
Убрусень весь ласмчужинъ,
Алы баркетны башмачки,
Яры лаконты въ ушахъ,
Два альмоза въ глазахъ. —

Послѣ этихъ словъ сходятся хороводные, дѣлаютъ общиій кругъ, и ходя поютъ:

Ой князь хороберъ!
Не ищи молодой,
Во теремѣ высокомъ.
Ввойди въ хороводъ,
Возьми молодую,
Возьми свою княжну.

Князь хороберъ выводить одну девушку изъ круга, а хороводные оканчиваютъ:

Князій синъ хоробръ,
Сыскагъ красну лавину,
Душу княжну,
Свою молодую. —

Царевъ сынъ королевъ, свѣтлый князь и храбрый князь, означаютъ выборъ невѣсть.

Дѣвушка, представляющая сиротину, лежитъ на Сиротинушка.
сырой землѣ одна одиноченька, и горюетъ: никто не утѣшаетъ ее! — Вокругъ ея ходятъ хороводные и поютъ:

Подъ рѣчки ракитовъ кустъ,
За кустомъ сиротинушка.
На кусту соловейка пыль,
А сиротинушка высвистываль:
Во пару вѣ бесѣдъ
Было много гостей,
Только не было соловеюшки,
Моей голубушки.
Подъ рѣчки ракитовъ кустъ.
За кустомъ сиротинушка,
На кусту соловейка пыль,
А сиротинушка высвистываль:
Вотъ идетъ она,
Будто пава плыветь!

Въ это время выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ сиротинушкой; хороводъ продолжаетъ пѣть, а съ нимъ сиротинушка и дѣвушка.

Миѣ жаль тебѧ, сиротинушка,
Жаль твоего батюшки,
А болѣ жаль матушки.
У батюшки съ матушкай,
Я одна во всѣмъ дому;

У мила дружки ѿ терему;
 Я послушница свекровушки.
 У тебя сиротинушка,
 Ляжу я у сердечушки.

Сироты не безъ добрыхъ людей и не безъ помоши. Есть люди, которые сами спѣшать на помошь горемыкъ, и оживляютъ ихъ не однимъ теплымъ участіемъ, но дѣломъ, не ожидая за то никакихъ суетныхъ похвалъ. Доброѣ дѣло, сама по себѣ похвала и награда.

Сватовство. Хороводъ образуется изъ двухъ половинъ; на одной находятся отдельно мужчины, на другой лѣвушки и молоденкія женщины; всѣ они переплетаются руками. На мужской половинѣ стоять женихи, а на женской невѣсты. Каждая половина поетъ поочередѣнно, такимъ образомъ, что пѣвіе одной половины сбываетъ предметъ вопросовъ, а другой отвѣты, и въ время вопросовъ и отвѣтовъ, обѣ половины то склоняются, то отступаютъ. Эти движенія представляютъ игровую картину хоровода, который разыгриваются особой веселостію.

Бояре! да вы почто пришли?
 Молодые! да вы почто пришли?
 Княгини! да мы невѣсть смотрѣть,
 Молодыя! да мы невѣсть смотрѣть.

Бояре показываютъ жениха, и по требованію княгини представляютъ имъ богатую одежду, по которой судили въ старину, и теперь судятъ, по достоинствѣ жениха. Княгини приглашаютъ бояръ со всѣмъ ихъ побѣзомъ въ теремъ, и тутъ оканчиваются сватовство.

Княгини! во се начь женщина,
 Молодыя! во се начь женщина.
 Бояре! покажите кафтанъ.
 Молодые! покажите кафтанъ.
 Княгини! во се начь кушакъ,
 Молодыя! во се начь кушакъ.
 Бояре! покажите сапоги,
 Молодые! покажите сапоги.
 Княгини! во се начь сапожень,
 Молодыя! во се начь сапожень.
 Бояре! идите во теремъ,
 Молодые! поздороватися.

Иногда оканчиваются:

Бояре! поздороватися!
 Молодыя! со всеми поздоровятися.

Играющие сватовство, часто, дѣлаютъ произвольные вопросы, того требуетъ самая игра, потому что отъ разнообразныхъ вопросовъ, зависитъ продолженіе забавы. Вопросы предлагаются не объ одномъ платьи, но о наружности жениха, его сердцѣ, врадѣ и проч.

Игра въ сватовство, объясняетъ достаточно значеніе хоровода.

Въ срединѣ хороводнаго круга ходитъ дѣвушка; Женихъ по сердцу. она ищетъ жениха; хороводная поють:

Во саду ли было подъ яблонью,
 Во зеленомъ подъ кудрявою,
 Соловей выщекочеть,
 Молодой выщекочеть.
 Во терему левинцы,
 Во высокомъ терему,
 Красныя играютъ,
 Подруженьки говорятъ:

Ужъ ты, слышишь ли?
 Красная девица,
 Свѣтъ моя душа!
 Тебя батюшка кличетъ,
 Тебя свѣтъ редкай кличетъ.

Невѣста отвѣчаетъ своимъ подругамъ:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
 За чѣмъ раньше не сказали?
 Я право не слыхала.

Хороводныя начинаютъ снова:

Во саду ли было подъ яблонью,
 Во зеленомъ подъ кудрявою,
 Соловей выщекочеть,
 Молодой выщекочеть. —
 Въ хороводѣ красны девицы,
 У воротъ стоять.
 Въ хороводѣ красны девицы,
 Всей околицей играютъ.
 Ужъ ты, слышишь ли?
 Красна девица,
 Свѣтъ моя душа!
 Тебя подруженьки машутъ,
 Молодой по дороженьки идеть.

Одна изъ дѣвушекъ, представлія парня, подходитъ къ невѣстѣ, которая отвѣчаетъ въ то время хороводу:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
 Я давно сама завидѣла,
 Я сама къ нему иду!

Вотъ еще другая хороводная пѣснь, того же содер-
 жанія; т. е. женихъ по сердцу.

Что по гряднѣ князь,
 Что по светлой князь,
Наше солнушко, любимый князь похаживаетъ.
 Что соколій глазъ,
 Молодецкій глазъ,
Какъ на шташечекъ, младыхъ дѣвнѣ, посматриваетъ:
 Что у ласточки,
 У касоточки,
Быту грудь, сизы крылья потрогиваетъ.
 Парчевый каftанъ,
 Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи покавываетъ:
 Веселымъ лицомъ,
 Краснымъ словцомъ,
Мысли дѣвички и думу ихъ извѣдываютъ:
 Не мани насъ, князь!
 Не гадай насъ, князь!
Наше красно солнушко! дѣвицы говорятъ:
 Не златой казнѣ,
 Но твоей красѣ
Свои сердца, давно мы отдали. —
 Ты взгляни хоть разъ!
 Ты вздохни хоть разъ!
И любую выбирай изъ насъ.

При игрѣи этого хоровода, дѣвушка, представляющая жениха, ходить по гряднѣ, и долгое время ни на кого не смотритъ: расхаживаетъ величаво и тѣсно славится своей красотою; потомъ она, посматриваетъ на дѣвушекъ, и все думаютъ о себѣ. Наконѣцъ остается предъ той, которая ей по сердцу, и при посѣданіемъ словъ: *и любую выбирай изъ насъ*, она отдаетъ ей свой перстень. — Тогда хороводъ оканчивается:

Ходилъ нашъ князь,
 Выходилъ князь:
 Себѣ подругу, нашу дѣвицу.

Жениховъ много, а невѣсть еще болѣе; но не всякая дѣвушка поручаетъ себя на поруки вѣчныя, не осмотрѣвшись и не обдумавшись хорошенъко. Если женихъ по сердцу, то она не разбираетъ уже, и не видѣть даже явныхъ его недостатковъ, — другая крайность!

Всевѣт-
риван-
ній не-
вѣсту. Хороводныя переплетаются руками, и ходя кругообразно, притоциваютъ ногами:

Около сыра дуба,
Растеть чернь черница;
А во дѣл ли во черница,
Черный соболь скачеть.
Поскачи, поскаки соболь,
По чисту полю;
Поплыви, поплыви утя,
По тиху Дунаю.
Ищи себѣ друга,
Котораго любишъ.
Скачите вы дѣвушки, плящите.
Вы холостые не смотрите.
Смотрючи дѣвушку на взяти,
Взять не взять по любви,
По батюшкиному благословенюю,
По матушкиному умоденю.

По окончаніи пѣсни хороводныя разнимаютъ руки, и бываютъ въ ладоши.—Эта самая пѣснь поется въ некоторыхъ мѣстахъ съ прибавленіемъ, къ каждому стиху припѣва: люли, люли.

Около сыра дуба
Люли, люли, дуба!
Растеть чернь черница,
Люли, люли черница!

А во той ли во чернице,
 Люли, люли, во чернице!
 Черенъ соболь скачеть,
 Люли, люли, скачеть!
 П поскачи, поскачи, соболь,
 Люли, люли, соболь!
 По чисту полю,
 Люли, люли полю!
 По пльви, по пльви, утя,
 Люли, люли, утя!
 По тиху Дунаю,
 Люли, люли, Дунаю!
 Ищи себѣ друга,
 Люли, люли, друга!
 Ищи себѣ любушку,
 Люли, люли, любушку!
 Около сыра дуба,
 Люли, люли, дуба!
 Растетъ чернь черница!
 Люли, люли, черница!
 А во той ли во чернице,
 Люли, люли, во чернице!
 Красныхъ девицъ хороводъ,
 Люли, люли, хороводъ!
 Скачите вы девушки, пляшите,
 Люли, люли, пляшите!
 Вы холостые не смотрите,
 Люли, люди, не смотрите!
 Смотрючи девушку не взяти,
 Люли, люли, не взяти!
 Взять ли не взять по любови,
 Люли, люли, по любови!
 По батюшкиному благословеню!
 Люли, люли, благословеню!

По матушкиному умолению,
Люди, люди умолено! (*)

Бориса
женить. Мужины в девушки, побравшись за руки, становятся въ кружокъ; избранный играть Бориса, ходить въ шапкѣ въ срединѣ круга, а хороводъ поетъ:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ,
По хороводу девичью, по молодично.
Искаль Борисъ ласковой тещи, привѣтливой невѣсты,
Нашелъ Борисъ ласкову тещу и привѣтливу невѣсту,
Просилъ Борисъ всѣхъ людей на свадьбу,

Борисъ снимаетъ шапку, кланяется на всѣ стороны:

Добрые люди! пожалуйте на свадьбу :
Свадьбу играть, Бориса женить.

Борисъ подходитъ къ хороводу, цѣлуясь избранную имъ девушку; поцѣлованная береть у него шапку, въ ознаменование того, что она дѣлается женой его.

Эта пѣснь, измѣненная мѣстностію, поется еще иначе:

Ходилъ Борисъ по хороводу,
Да по девичью да по молодично.
Искаль Борисъ ласковой тещи, хорошой невѣсты.
Сыскаль Борисъ ласкову тещу и добрую невѣсту.
Добрые люди! пожалуйте на свадьбу :
Хлѣба съ солью кушать,

(*) Сахар. Сказание русск. народа, между хороводными пѣснями № 38 изд. С.П.Б. 1841 г.

Бѣлова лебедя рушать,
 Пива съ медомъ пiti.
Охти мнѣ горе! охти мнѣ гореванье!
 Разхулили да разговорили
 Борисову то тещу,
 Борисову невѣсту :
 Будто Борисъ проница.—
 Добрые люди! не жалуйте на свадьбу :
 Хлѣба съ солью кушать,
 Бѣлова лебедя рушать,
 Пива съ медомъ пiti. —
 Хлѣбъ соль не пасено ,
 Вино не курено,
 Пиво не варено. (*)

Неудачная женильба Бориса, напоминаетъ многихъ Борисовъ. Но еще хуже, если Борисы женившись, не могутъ потомъ справиться съ своей женой. Вотъ образецъ по этому предмету, изъ малороссійской хороводной игры: Становятся лѣвушки въ кружокъ, въ срединѣ его садится молодая женщина, предъ которойю воткнута въ землю палка; она представляеть, что прядеть. Хороводъ поетъ:

Та черезъ село ,
 Черезъ Бомдарыкъ ;
 Понявъ старый ,
 Молодую жинку , —
 Ищежъ ны понявъ ,
 Та хвалища быты ;
 Та похвалиеща съ товарищемъ ,
 Нагайку купыты .
 Навчу я , навчу ,
 Молодую жинку !

(*) Пасн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 4 № 86.

Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Понхала жинка,
 Та до батька въ гости.
 Ныдила минае,
 Жинки нимае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 И друга минае,
 Жинки нимае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 И третя минае,
 Жинки нимае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Четвертая иде,
 Жинка иде.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Жинки побоявся,
 Въ кропиву склоняясь,
 Бороню скрывася.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Бороню скрывася,
 Синцемъ притрусывася.

Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесынку!
 Ой первое лыхо,
 Кронива жаре;
 А другое лыхо,
 Борона даве;
 А третье лыхо,
 Синце коле. —
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесынку.
 Четвертое лыко,
 Горобець скаче,
 Жинци скаже.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесынку.

Еще есть малороссийская пѣсенка, которая очень хорошо обрисовываетъ слабость мужей; ее часто разыгрываютъ въ хороводѣ. Тутъ дѣвушкѣ только ходятъ вокругъ:

Была жинка мужика,
 Пишила позываты;
 Присудыны мужику,
 Щей жинку прокаты.
 Ой простыжъ, мой жыла,
 Што ты мене была.
 Куплю тебе цеберь меду,
 Коновочку выла.
 Ой видъ пыла болыги смыла,
 А видъ меду голова.
 Купыжъ мени горилочки,
 Щобъ я весела була.

Тоска
дѣвуш-
ки.

Неизвѣстное для дѣвушки чувство, волнуется съ давнаго времени. Чтожъ это за чувство? Это чувство,—любовь! Если дѣвушка тоскуетъ, то это значитъ, что она начинаетъ любить. Ей тогда пріятно и сладостно думать объ немъ; ей тогда не скажано очаровательно мыслить, что онъ ее любить. Однако, она часто спрашиваетъ самую себя: любить ли онъ меня? И сама себѣ отвѣчаетъ, дрожащимъ голосомъ: не любить! Въ этихъ словахъ отражается живо, вся жизнь дѣвушки, предающейся пламеннымъ порывамъ любви. Она хочетъ видѣть, что ей дорого: лобызаетъ его мысленно въ глаза, въ уста, и наслаждается своимъ предметомъ, созданнымъ въ ея мечтательномъ упсюніи. Она уже обнимаетъ его одной рукою, прижимается къ его груди, осыпаетъ безпрестанно огненными поцѣлуйми, ждетъ взаимныхъ отвѣтовъ, но ей никто не отвѣчаетъ. Она въ отчаяніи!—Горячка мечтательной любви проходитъ, и она перестаетъ увлекаться любимымъ идеаломъ, — только не надолго. Тоска дѣвушки опаснѣе любви.— Вотъ объясненіе: дочь живетъ съ отцемъ; она ожидаетъ его домой, завтра по утру, но для ней все равно, — хоть онъ будетъ, аль не будетъ, онъ не умѣвшій ея тоски. — Хороводныя, взявшись рука за руку, ходатъ вокругъ, при пѣніи . . .

Изъ за бору, бору,
Изъ за зеленаго ; . .
Стучала, гремѣла,
Быстрая рѣчка,
Обрастала рѣчка;
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ,
Сидѣла голубка;
Ноженъки мыла,
Перемызала,

Свое сизо перышко,
Перебирала;
Свою русу косу,
Расчесывала.

Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
Завтра поутру,
Батюшка будетъ,
Хоть онъ будетъ,
Аль не будетъ,
Тоски не будетъ.
Вдвое, втрое у голубки
Печали пребудеть.

Тутъ дѣвушки разрываютъ кругъ, вытягиваются въ одинъ рядъ и пляшутъ. (*)

Играютъ одинъ дѣвушки, и весыма рѣдко съ ними му-^{Подушка.}
шини. Иѣбранная играть подушечку, ходить съ плат-
комъ въ руѣ и пляшетъ, а прочія, образовавъ около
нея кругъ, ноютъ:

Молодушка, молодушка,
Да ты молодая!
Подушечка, подушечка,
Да ты пуховая!
Кого любишъ, кого любишъ,
Того поцѣлуюшъ;
Пухову подушечку, тому подаруюшъ,

Дѣвушка, кому отдаетъ платокъ, того цѣлуетъ.

(*) Эта пѣснь почти та же самая, что напечатана въ запискахъ о Сибири с. 114 и у Сахар. Сказан. руси, нар. издан. 1841 г., между хороводн. пѣснями № 39.

Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя поцѣлую;
Пуховую подушечку, тебе подарую.

Поцѣлованная дѣлается молодушкою; игра повторяется, пока не наскучитъ.

Кого люблю, тому сердце отдаю.

Вотъ смыслъ этого хоровода.

Тоска
холодной
женщи-
ны, во
свой
родинѣ. Молодая женщина, завезенная на дальную сторону, тоскуетъ по своей родинѣ. Хотя она пишетъ къ своей имъ роднымъ, но все для ней горе и кручинушка; одна только старость въ состояніи замѣнить ее горе.

Здѣсь хороводъ составляется, какъ предидущій; въ средину хоровода входитъ девушка, которая поетъ вмѣсть съ играющими.—Эта пѣснь, по словамъ вѣкоторыхъ, разыгрывается и на посидыкахъ.

Вдоль по дороженьку,
Летить соколь молоць.
Соколь, мой соколь,
Залетная птица!
Ты проважай, доброй молоць.—
Привезъ меня молоць,
Въ чужу дальнюю сторону,
Ссушиль, скрушиль меня!
Всѧгъ еще забыть,
Родиму сторону!
Напишу ль я грамотку,
По бывому бархату,
Чистымъ, краснымъ золотомъ!
Отошлю ль я грамотку,
Въ свой родимой край:
Къ родимому батюшку,
Къ родимой матушкѣ!

Напишу лъ про себя, —
Все горе и кручинука!

У меня ли молодой,^{*}
Много слезъ въ очахъ?
Прикажеть ли батюнка,
Родимая матушка,
Тайцевать и висатъ —
Поца старость не пришла!
Ужъ какъ старость придетъ,
Всъ печали забыть (?).

Дѣвушки очаровываютъ не однихъ молодыхъ, но и ^{красивыхъ} ~~красивъ~~ стариковъ своими пламенными очами. — И кто не испытывалъ ихъ силы? И кто не разъ вздыхалъ по нимъ, обворожительнымъ прелестямъ красавицы? — Хороводъ, воспѣвая красоту глазъ, становится въ кружокъ; тутъ онъ не берется за руки, но, стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

У насъ во селѣ,
Всѣ дѣвицы пригожи.
Пригожи и румяны,
Съ огненными очами.
Ужъ и что завидить,
Всѣ очаруютъ. —
У насъ во селѣ,
Вдовушка живеть;
У ней дѣвица дочь,
Что твоя малина!
Во теремѣ сидѣть,
Узоры вышиваетъ.
Узоры вышиваетъ,
~~Для~~ милаго дружка. —

(*) Сахар. Сказаніе русскаго народ. между хороводи: пѣсни № 40, и Снегир. Руск. простонар. праздники ч. 2. с. 92.

Очи, очи лесны!
Сокрушили молодцевъ.
Одного то не сгубили,
То соколь ее душа.

Дорогомъ въезда на
дворецъ. Эта пѣснь составлена конечно угодниками дѣвушекъ. Имъ листать повсюду, и въ самыхъ пѣсняхъ поютъ имъ лесть.—Хороводные не составляютъ никакого круга, а стоять двѣмя половицами, другъ противъ друга, и поютъ поперемѣнно.

Первая половина

Тонка, гибка жердиничка,
Черезъ рѣченку лежала,
Что никто не пройдетъ!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразы.
Смѣть ли старыхъ бабъ спросити:
Что въ городу вздешевъло!

Вторая половина

Вздешевыли, вздешевѣли, молодыя бабы,
На овсяной блинь, по три бабы.
А четвертая провожата,
А пятая на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиничка,
Черезъ рѣченку лежала,
Что никто не пройдетъ!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразы. —
Смѣть ли старыхъ бабъ спросити:
Что въ городу вздешевъло?

Вторая половина:

Вадешевъли, вадешевели, добры молодцы,
 Еще восемь молодцевъ на полъ деньги.
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка,
 Черезъ рѣченку лежала,
 Что никто не пройдетъ!
 Только шли, прошли добры молодцы,
 Смѣть ли добрыхъ молодцовъ спросити :
 Что въ городу вздорожало?

Вторая половина:

Вздорожали, вадорожали красны дѣвушки,
 По сту рублей одна дѣвица,
 По тысячи ся коса,
А по дѣвѣ ся краса.

Послѣ этого составивъ общий кругъ, ходятъ кругомъ, и всѣ повторяютъ вмѣстѣ послѣдніе четыре стиха.

Дѣвушки приглашаютъ на свои игры молодую играю ю женщины, одну изъ бывшихъ своихъ подругъ. Она хочетъ идти, но свекровь не пускаетъ ее. Свекровь заставляетъ работать и смотрѣть за домомъ. Прошла дѣвическая жизнь, а съ нею утонули всѣ радости! Молодая женщина досадуетъ, сердится и грозитъ перепортиль, перебить все въ хозяйствѣ, и потому выти къ подруженькамъ и вдоволь наиграться.—Это изображеніе сердца такой молодой женщины, которая желала бы только веселиться, и это желаніе, свойственное

вполнѣ женскому чувству, выражаетъ упорныя страсти: для женщины нѣтъ никакихъ препятствій. Жить въ вихрѣ удовольствія, искать безпрестанно новыхъ чувствованій, восторговъ и сладостей, вотъ стихія прекраснаго, но слабаго созданія. Подумайте, въ тонкихъ жилочкахъ розовой красавицы, течетъ огненная кровь, кровь наслажденія, и какъ не забыться! А существо непостоянное, какъ женщина,—не будемъ строги!—не думаетъ о послѣдствіяхъ: давай ей только игры.

Въ хороводный кругъ становится смѣлая и молодая женщина. Игрошки ходятъ вокругъ ея, и поютъ съ нею:

Какъ за горницею, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорять,
Говорятъ моя подруженьки,
На игрища итти.

А меня молодешеньку,
Свекоръ не пугаєтъ.
Свекоръ батюшка заставляетъ :
Гумно чистить,
Метлой мести ;
И поле боронить,
И дѣтей качать.

Ужъ я въ сердце вѣйду :
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
И борону изрублю,
И дѣтей уложу.
Сама молодешенька
На игрища пойду :
Наскакчуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

Какъ за горницею, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,

Не въ свирьши говорять,
Говорить мои подруженьки,
На игрища идти. —
А меня молодещенъку,
Свекровь не пускаетъ,
Свекровь мадуника заставляетъ :
Красенца ткать,
Конопли братъ,
На поле ходить,
И сено косить,
Избы истопить,
По воду сходить,
Дѣтей накормить,
И спать уложить. —

Ужъ я въ сердце взойду :
Красна изорву,
Берды изломаю,
Конопли потончу,
На поле не пойду,
И домой не зайду,
Сама молодешенька
На игрища пойду :
Наскачуся, напляшуся,
Награюсь молода.

Точно такъ же разыгруиваютъ следующую пѣснь:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Какъ у нашихъ у воротъ,
Люди, люди у воротъ !
Столъ дѣвокъ хороводъ,
Люди, люди, хороводъ !
Молодушекъ табунокъ,
Молодушекъ табунокъ,
Люди, люди, табунокъ !

Меня девки кликали,
 Меня девки кликали,
 Люди, люди кликали!
 На улицу поиграть,
 На улицу поиграть,
 Люди, люди, поиграть!
 Въ хороводъ пошлиасьть,
 Въ хороводъ поплиасьть,
 Люди, люди, пошлиасьть!
 Меня свекоръ не пустилъ,
 Меня свекоръ не пустилъ,
 Люди, люди, не пустилъ!
 Хотя пустилъ, пригрозилъ,
 Хотя пустилъ, пригрозилъ,
 Люди, люди, пригрозилъ!
 Гуляй сноха, да не долго,
 Гуляй сноха, да не долго.
 Люди, люди, да не долго!
 А я млада гуляла,
 А я млада гуляла,
 Люди, люди, гуляла!
 До саминъихъ пѣтушковъ,
 До саминъихъ пѣтушковъ,
 Люди, люди, пѣтушковъ!
 Какъ зорюшка занялась,
 Какъ зорюшка занялась,
 Люди, люди, занялась!
 А я млада поднялась,
 А я млада поднялась,
 Люди, люди, поднялась!
 На встречу мят деверекъ,
 На встречу мят деверекъ,
 Люди, люди, деверекъ!
 Деверюшка, батюшка,
 Деверюшка, батюшка,
 Люди, люди, батюшка!

Проведи меня домой,
 Проведи меня домой,
 Люли, люли, домой!
 До моего двора,
 До моего двора;
 Люли, люли, двора!
 До высока терема,
 До высока терема,
 Люли, люли, терема
 Подхожу я ко двору;
 Подхожу я ко двору,
 Люли, люли, ко двору!
 Свекоры ходить по двору,
 Свекоры ходить по двору,
 Люли, люли, по двору!
 Повьсивши голову,
 Повьсивши голову...
 Люли, люли, голову!
 Станеть свенорь младу бить,
 Станеть свенорь младу бить,
 Люли, люли, бить!
 А ты меня отними,
 А ты меня отними!
 Люли, люли, отними!
 Не отнимешь, прочь поди,
 Не отнимешь, прочь поди,
 Люли, люли, прочь поди!.

Одинъ мужъ, женившійся неудачно на первой женѣ, горевалъ и тосковалъ отъ нея. Женился на другой, но она была постоянно веселая, такъ что не за чѣмъ было ходить къ сосѣдамъ, чтобы поразвеселиться. Въ самомъ его дому было довольно веселья.—Эта пѣснь выражаетъ насмѣшку, надъ чрезмѣрно тоскливою и безгранично веселой женою.

Играющіе, образовавъ хороводный кругъ, ставятъ
 Часть IV.

посрединѣ его: мужа и жену, и хода съ ними, поють про житѣе-бытие.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цветами разцвѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣвши распѣвалъ :
Холостому вѣсть подавалъ :
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ красна дѣвушка,
Пора русу носу расплѣтать.

Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ найбольшему атаману :
Чемъ онъ меня подаруетъ ?
Подаришь меня женою ,
Глупою не разумною:
Я за гудокъ, она за пѣсни ;
Я въ гудокъ играть, она горевать.
Не за чѣмъ въ люди на кручину :
Дома кручинушки довольно. —

На горѣ калинушка стояла,
Разными цветами разцвѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣвши распѣвалъ :
Холостому вѣсть подавалъ :
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ старобразой,
Съ дѣвками не водиться. —

Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ найбольшему атаману :
Чемъ онъ меня подаруетъ ?
Подаришь меня женою ,
Умною и разумною :
Я за гудокъ, она за пѣсни ;
Я въ гудокъ играть, она плясать.
Не за чѣмъ въ люди на веселье, —
Дома весельища довольно.

Сходище представляет радостное свиданіе ста- Сходище.
рыхъ знакомыхъ, послѣ долгой ихъ разлуки. — Игра
эта разыгрывается весною, когда сходятся изъ зар-
ботокъ въ свою деревню. Каждый приносить съ со-
бою прибыль, полученную имъ въ зимнюю заработку,
и всякий спѣшить повидаться поскорѣе съ своими род-
ными и старыми друзьями. Въ гостяхъ хорошо, а дома
лучше, говорить пословица, и своя деревня знаетъ
кожистаго своего. Дѣвушки и мушки, привѣтствуютъ
другъ друга, и какъ старые знакомые, сходятся въ
праздничное время, составляютъ веселый хороводъ, ко-
торый называется сходище; въ срединѣ становятся
молодецъ и дѣвушка; хоръ поетъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой красна девица,
И близехонько сходилися,
Низехонько поклонились.
И говорить доброй молодецъ :
Здорова ль живешь, красна девица?
Здорова живу, милъ сердечный другъ.
Каково ты живъ безъ меня одинъ?
Давно другъ съ другомъ не видались,
Говорить девка улыбаючись :
Что съ той поры, какъ разстались,
Говорить ей другъ сердечной. ---
Мы пойдемъ, луша Марьушка, гулять;
Мы на рубль возьмемъ зеленя вина,
А на другой меду сладкова ;
За двѣ гривеньки сладкихъ принесъ.
Красна девица ему въ отвѣтъ :
Я пойду ль гулять, мой милъ, сердечный другъ?
Я боюсь, боюсь, роднова батюшки,
Я боюсь и родимой матушки.
Тутъ разстались и прощалися,
Другъ съ другомъ цѣловались.

Ты прости, прости, доброй молодецъ.
И доброй молодецъ отвѣтъ :
Прости, моя душа, красна девица !

Посѣвъ льна. Составивъ хороводъ мушкины и девушки, поютъ по-
сѣвъ льна, ходя кругомъ: то въ ту, то въ другую
сторону:

Ой дядъ, ой лада!
Заставали девки бѣль ленъ,
И травой ленъ,
Съ травою небылою, съ повилою.
Ой дядъ, ой лада!
Заставали девки бѣль ленъ,
Миѣ пойти молоденькой,
Къ батюшкѣ свекору.
Ужъ ты батюшка свекоръ,
Пособи-ка льну полоти!
Миѣ несчастіе въ человѣкѣ,
Миѣ на ласковомъ говори,
И на низкомъ поклони.
Я невѣстушка съ тобою,
Я съ тобою молодою.
Ой дядъ, ой лада!
Заставали девки бѣль день.
Миѣ пойти молоденькой,
Къ матушкѣ свекрухѣ.
Ужъ ты матушка свекруха,
Пособи-ка льну полети.
Ой дядъ, ой лада!
Миѣ несчастіе въ человѣкѣ,
Миѣ на ласковомъ говори,
Миѣ на низкомъ поклони. —
Я невѣстушка съ тобою,
Я съ тобою молодою.

Точно такъ же поютъ брату и деверю, съ приложениемъ ихъ именъ, и тѣмъ оканчиваются.

Посѣвъ льна разыгрываютъ еще иначе.

Выбираютъ изъ играющихъ мать, одну дочь или двѣ, и ставятъ ихъ въ срединѣ круга. — Всѣ прочія ходятъ около нихъ и поютъ:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ,
Таки ленъ, таки ленъ, люди ленъ!

Одна дочь начинаетъ пѣть, а за нею и весь хороводъ:

Научи меня мати,
На ленъ землю пахати.

Хороводъ останавливается, и всѣ накибаются; мать, тоже нагнувшись къ землѣ, показываетъ дочерямъ, какъ пашутъ землю, припѣвая, а за нею весь хороводъ:

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Дочери перенимаютъ всѣ ея движенія. Потомъ хороводъ начинаетъ снова ходить кругомъ и пѣть.

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ,
Таки ленъ, таки ленъ, люди ленъ!

Дочери припѣваютъ:

Научи меня мати,
Зелень ленъ полоти.

Мать отвѣтаетъ съ хороводомъ:

**Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!**

Сопровождая движеніями, какія обыкновенно бывають при поленіи льна. Дочери подражаютъ всѣмъ ея движеніямъ. По окончаніи словъ матери, хороводъ кружится и снова начинаетъ:

**Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!**

Дочери припѣваютъ :

**Научи меня мати,
Зрвый ленъ брати.**

Мать отвѣтаетъ по прежнему;

**Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!**

—
**Научи меня мати
Какъ ленъ вязати.**

—
Да вотъ эдакъ дочи, дочушки, и т. д.

На всякий вопросъ дочерей, отвѣтъ матери единобразный и всегда сопровождается хороводомъ. Вотъ вопросы:

**Научи меня мати,
Спѣвый ленъ сбирати,**

—
**Научи меня мати,
На телегу ленъ класти.**

**Научи меня мати,
Мой ленъ съ пода убирати,**

**Научи меня мати,
Зрый ленъ сушити.**

**Научи меня мати,
Ленъ мой молотити.**

**Научи меня мати,
Какъ ленъ мой слати.**

**Научи меня мати,
Какъ ленъ мой собрати**

**Научи меня мати,
Какъ миъ ленъ мой мяти.**

**Научи меня мати,
Какъ миъ ленъ трепати,**

**Ты не эдакъ дочи, дочушки,
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ**

**Научи меня мати.
Тонкой ленъ присти.**

**Туть дочери заглядываютя на молодцевъ, и дѣла-
ютъ имъ глазики, какъ умѣютъ. Хороводъ продол-
жаеть.**

**Научи меня мати,
Мою пряжу мотати.**

**Все не эдакъ дочи, дочушки.
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.**

Дочери уже не охотно исполняютъ наставлениe ма-

тери, машутъ руками и ширинками; а парни скидываютъ шапки и имъ плаваютъ

Научи меня мати,
Какъ красна миѣ тнати. —

Да вотъ эдакъ, дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ. —

Хороводъ возобновляетъ пѣсни:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою драиной ленъ
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

Научи меня мати,
Съ молодцемъ гуляти.
А я сама пойду,
И съ молодцемъ плясати буду.

Послѣ этого дочки, берутъ за руки парней, а мать кричить на нихъ:

А вотъ я васъ дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Показываетъ тѣлодвиженіями, какъ она станетъ бить ихъ. Но дочки не слушаютъ матушки своей, пляшутъ пріпѣвай:

Да вотъ эдакъ, моя мати,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.

Мать треплетъ ихъ за непослушаніе, и усаживаетъ на землю. Но дочери вскакиваютъ, начинаютъ плясать и веселиться снова. Всебошій смѣхъ раздается надъ

матерью, которая не умѣла воспитать своихъ дочерей. Для этой игры избираютъ ловкихъ девушекъ и проказницъ. — Выраженіе этого хоровода: гони природу въ дверь, а она влетитъ въ окно.

При всемъ однообразіи пѣнія посѣва лена, поютъ его однако съ большими отмѣнами:

Мы молодушки пашинку пахали,
Изъ рукавчика быль ленъ разставали,
Изъ рукавчика, изъ тонкого льяниаго. —
Уродился нашъ леноочекъ,
Высокъ, мѣлокъ волокнистой.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ колотить будеть? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ намачивать будеть?
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ обминать будеть? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ вышрядать будеть? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ ткать будеть?
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то миѣ, молодушки,
Быль леноочекъ былить будеть? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою. —

Да съ кимъ то миъ, молодушкъ,
 Подкамое шить будеть?
 Я невѣстушка съ тобою,
 Я голубушка съ тобою.
 Давай-ка невѣстушка,
 Шитое дѣлить съ тобою.
 Да не время миъ, золовушка,
 Шитое дѣлить съ тобою.
 Я сдѣлалась не здорова,
 Головой стала больна. —
 Ты невѣстушка обманщица,* проказница;
 Обманула, провела меня. —

Николь-
щина.
 Народный, весенний праздникъ. Въ день Николы собираются попировать у знакомыхъ и родныхъ, на открытомъ воздухѣ, близъ храмовой церкви. Въ старину приготавляли, на этотъ праздникъ: брагу, вино, пироги и варили въ полѣ щи и молошную капу. Иногда поселяне, сдѣлавъ складчину, пирорвали всѣ вмѣстѣ. При такомъ случаѣ избирался изъ среды ихъ особый хозяинъ, который назывался старостою: онъ все устраивалъ для общаго веселія. Бѣдные и нишие принимались всѣми радужно.—Иногда пирорвали по нѣскольку дней сряду, — но пиръ не начинався и не оканчивался безъ храмового священника. При разгульномъ весельи составлялись хороводы, въ которые вмѣшивались и женщины и старики. Если играли одни дѣвушки, то въ срединѣ ихъ хороводного круга, ставилась ловкая кумушка, избранная изъ дѣвушекъ, которая своею язвительной игрою и насмѣшливыми тѣлодвиженіями, на счетъ цирующихъ, заставляла многихъ коситься.

Нѣть постоянного правила для хоровода Никольщины. Круги составляютъ, какъ вздумаютъ. Иногда ходятъ кругомъ, а потомъ вытягиваются въ прямую линію, или

свившись въ кружокъ, вертатся и пляшутъ; иногда, взявшись за руки, дѣлаютъ первыя двѣ пары ворота, чрезъ которыхъ проходятъ остальные и сходятся въ кругъ. — Самыя пѣсни поютъ здѣсь по произволу. — Въ прилагаемой здѣсь пѣснѣ попадаются слова, которыхъ совершенно не русскія, но юго западной Руси, наприм: *подлавица*, *залавица*, *чеботы*, *швецъ* и проч. но за всѣмъ тѣмъ эта пѣснь усвоена Русскими:

Въ юго-западной Руси празднують Никольшину такъ же, какъ Русскіе: пьютъ вино, и брагу; ёдятъ пироги, яичницу и веселятся тоже по нѣсколько дней, только не поютъ этой пѣсни: —

Ужъ вы, девушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Вотъ со девушки вѣночъ,
Вотъ со молодушки платокъ,
Ужъ со старой старушки,
Вотъ шелковой платокъ. —

Ужъ вы, девушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь.
Чей вѣночъ толочу, волочу,
Чей вѣночъ толочу, волочу,
По надлавочью, по залавочью?
Ужъ вы, девушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ вѣниа тонтать,
Я не дамъ вѣника толочить,
Я сама ли выскочу.
Я сами ли выпляшу. --

Ужъ вы, девушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Чей платокъ толочу, волочу,
Чей платокъ толочу, волочу.
По улицѣ, по скамъечкѣ?

Ужь вы, девушки, играйте,
 Ужь вы, красныя веселитесь!
 Я не дамъ платка топтать,
 Я не дамъ платка тоюочить,
 Я сама ли выскочу,
 Я сама ли выпляшу. —
 Ужь вы, девушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Чей шелковой толочу, волочу,
 Чей шелковой толочу, волочу,
 По улицъ, до задворинъ?
 Ужь вы, девушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я не дамъ шелкова топтать,
 Я не дамъ шелкова тоюочить,
 Я сама ли выскочу,
 Я сама ли выпляшу!
 Ужь вы, девушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Ты старушка, стара,
 Не подъ силу молода;
 Ты станомъ коротка,
 Ты плечами широка.
 Ужь вы, девушки, играйте,
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я станомъ коротка,
 Я плечами широка;
 А на эти то плеча,
 Три рябиновыхъ дубца,
 Три дубца распаренные.
 Три дубца разжаренные! —
 Ужь вы, девушки, играйте
 Ужь вы, красныя, веселитесь!
 Я повернула, пошла,
 Будто ягода красна,
 Будто земляника хороша!
 Ужь вы, девушки, играйте,

Ужъ вы, девушки, веселитесь!
 А у тѣ, что за чеботы?
 Ты обейка-чеботы,
 Ты пробей-ка чеботы.
 Ужъ вы, девушки, играйте,
 Ужъ вы, девушки, веселитесь!
 Михъ не мужъ ихъ купаль,
 Михъ никто заводиль,
 Заводиль Константинь,
 На свои ищесть алтынь. —
 Хотъ истопчулся,
 Хотъ наломялся:
 Мой батюшка-то швецъ,
 Мой женихъ-то купецъ,
 Моя матушка прядлюшка,
 Михъ вервицу напрядетъ.
 Ужъ вы, девушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя веселитесь! (*)

Это насмѣшка надъ тѣми дѣвушками, которыя ходятъ въ лѣсъ по ягоды и потомъ возвращаются безъ ягодъ. Послушаемъ, какъ запоютъ намъ хороводныя насмѣшицы, пока не наберутъ ягодъ. Дѣлаютъ хороводный кругъ, въ срединѣ его ходить одна дѣвушка, которая собираетъ ягоды, дотрогиваясь рукою до земли. — Изъ многихъ сообщенныхыхъ мнѣ пѣсней, правильнѣе, по моему мнѣнію, слѣдующая:

Пошли девушки въ темны боры,
 Пошли красныя въ лѣсъ по ягоды;
 Ой люли, люли, по ягоды!
 Всѣ девушки ягодъ понабрали,

(*) Сахар. Сказ. Русск. вар., между хороводами пѣснями № 47; отсюда она позаимствована, по причинѣ полноты.

Всъ красныя пошабрали
 Ой люли, люли, пошабрали!
 Одна девка иенабрала,
 Одна девка лиши гуляла.
 Ой люли, люли, гуляла!
 И горько растужилась:
 Стала плакать, горевать,
 Ой люли, люли, горевать!
 Горю не чымъ помочь! —
 Къ подругамъ взмолилась.
 Ой люли, люли, взмолилась!
 Подруженьки, голубушки,
 Голубушки мои, сложитеся.
 Ой люли, люли, сложитеся!
 Вы сложитеся по ягодки,
 Вы бросьте ми по горсточки.
 Ой люли, люли, по горсточки!
 У меня ли молодой,
 У меня ли горемычной.
 Ой люли, люли горемычной!
 Отецъ не родной,
 И мать не родная,
 Ой люли, люли не родная!
 У меня ли молодой.
 Отецъ свекоръ, мать свекровь!
 Ой люли, люли, свекровь!
 И бьють и журять,
 По напрасну бранять.
 Ой люли, люли, бранять!
 Подруженьки не сложились, ,
 Голубушки не сложились,
 Ой люли, люли, не сложились!
 Подруженьки стаётъ держать,
 Голубушки говорять.
 Ой люли, люли, говорять!
 Никто ведъ за кустомъ ходить,

Никто вельзъ по полямъ бродить.
Ой люли, люли, бродить.

Еще пеютъ.

Пошли девки въ сырьи боры,
Пошли красны въ лесь по ягодки
 Ой люли, люли, въ лесь по ягодки!
Всѣ девушки по набралися,
Всѣ красныя понялись!
 Ой люли, люли, понялись!
Одна девка не набралася!
Одна девка не набылася,
 Ой люли, люли, не набылася!
Сама ходючи, растужилася,
Растужившия взмолилася.—
 Ой люли, люли, взмолилася!
Стала плакати,
Подругъ кликати,
 Ой люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы голубушки,
Вы голубушки сложитеся
 Ой люли, люли, сложитеся!
Минъ сложитеся по ягодкѣ,
Ахъ бросьте минъ по горсточкѣ!
 Ой люли, люли, по гореточкѣ.
У меня видъ юладеницкой,
Не родной отецъ, не родная мать.
 Ой люли, люли, не родная мать!
Подруженьки не сложилися,
Голубушка не сложилася,
 Ой люли, люли, не сложилася!
Въ отвѣтъ держать подруженьки,
Въ отвѣтъ держать голубушки.
 Ой люли, люли, голубушки!
Никто вельзъ за кустомъ хедить,
Никто вельзъ по полямъ бродить
 Ой люли, люли, по полямъ бродить!

Байданъ. «Байданъ вечерняя игра сельской молодежи. Слово это вѣроятно татарское, остатокъ обычаевъ тѣхъ временъ, когда Россія находилась подъ игомъ Татаръ. Эта игра извѣстна только въ юго-восточной Россіи.—Первый байданъ бываетъ въ Фомине воскресенье, оканчивается въ послѣднее воскресенье, предъ петровымъ постомъ; онъ сходенъ или тождественъ съ хороводомъ. При заходѣніи солнца, когда стада возвращаются съ полей, молодые парни, девушки, молодцы и женатые, поужинавъ засвѣтло, собираются на зеленый лугъ играть въ байданъ. — Сюда сходятся господскіе люди съ балалайками, пастухи съ рожками, обвитыми березкой, съ дудками кленовыми, тростниковыми и искусственными пѣсельники. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать и играть; вся деревня веселится. Подъ звукъ музыки раздаются плавнымъ хоромъ, многообразныя пѣсни.»

«Весеннія игры, превращены въ саратовской губерніи въ байданъ.»

Такое истолкованіе забавъ, представленное г. Леопольдовымъ (*), вовлекло меня сначала въ большую ошибку. Я раздѣлялъ съ нимъ мнѣніе, что все весенія игры носятъ название байдана, если не по всей юго-восточной Россіи, то по крайней мѣре по всему саратовскому краю. Г. Леопольдовъ, сказавъ въ общемъ очеркѣ, что байданъ разыгрывается въ юго-восточной Россіи, не обозначилъ: въ какихъ именно мѣстахъ? — Изъ этого выходитъ, что онъ самъ не зналъ,—и сказалъ безъ всякой повѣрки.—Употребленіе байдана въ юго-восточныхъ мѣстахъ, казалось мнѣ тѣмъ правдоподобѣ, что саратовскій край былъ нѣкогда гнездилищемъ Татаръ, а особенно городъ Ца-

(*) См. Стат. опис. сар. губ. ч. 1. с. 72—73. изд. 1839 г.

речь, въ косынъ находилась столица Золотой Орды. Онъ сказалъ еще, что байданъ есть теждественная игра хороводу. — Имѣвъ случай находиться въ саратовской губер. и преимущественно въ тѣхъ уѣздахъ, кои заселены Татарами, я любовытствовалъ знать: есть ли байданъ? Тутъ я распрашивалъ сначала у Русскихъ, живущихъ между Татарами: какъ играется байданъ? — Они смотрѣли на меня съ удивлениемъ и не понимали, что я спрашивалъ у нихъ. — Я повторялъ это не сколько разъ, они едва понимали меня, и отвѣчали, что никогда не слыхали про эту игру. — Тогда я обратился къ самымъ Татарамъ. — Они отвѣчали, что вовсе не знаютъ байдана, и даже нѣть у нихъ этого слова. Да гдѣ же употребляется байданъ? Стало быть гдѣнибудь около Саратова! Я досадовалъ, что не могъ добиться толку. — Будучи въ Саратовѣ, не одинъ еще разъ, я стала распрашивать по прежнему у Русскихъ и у Татаръ, — но и тутъ они отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ. Я подумалъ, что они не хотятъ сказать мнѣ правды, потому спросилъ въ одной деревнѣ: играютъ ли сдѣсь байданъ? Мнѣ отвѣчали рѣшительно: нѣть! — Только одна дѣвушка на вопросъ мой, отвѣчала мнѣ смиючись: байда. — А что это байда? — спросилъ я. Такъ себѣ байда, отвѣчала она. Когда наскучить памъ, тогда мы поемъ пѣсни, бѣгаемъ и кружимся. — Вотъ и вся наша байда. — Не хороводъ ли это? — Нѣть! — Какъ начинаете играть въ байду? — Когда памъ вздумается, мы кричимъ свою имъ подругамъ: полно бантъ та, давайте въ байду — Да что жъ значить онъ? Такъ себѣ, баекъ-да! — А это что баекъ-да? Сидимъ, разговариваемъ, иногда баекъ-да поемъ. — И только? — И только, никогда баекъ, да вселимся до самой полуночи. — Такъ вотъ

Часть IV.

84

въ чамъ лѣло, подумалъ я. — Слово баданъ да — превращено въ байданъ!

Не приведи случай быть на мѣстѣ, я спорыть бы, что существуетъ байданъ, и думаю, что всѣ поступали бы одинаково со мною всѣ тѣ, которые читали про байданъ. — На татарскомъ языке во все нѣтъ байдана, а есть однозначное ему бадыланъ, значущее: блюдо, чашу, изъ которой пьютъ Татары воду или пиво; есть еще сѣмѧ бадыланъ. — Находится еще однозначное байдану майданъ, только на арабскомъ языке. Оно значитъ мѣсто конского бѣга и мѣсто битвы; въ этомъ значеніи употребляютъ его Татары, напр. въ пѣснѣ про богатыря Шюкерли: *Майданъ горамен урумъды, анекердимъ Шюнерли.* т: е: на мѣсто битвы намахнуль кистенемъ, и я увидѣлъ Шюкерли. — Изъ всего этого выходитъ, что если байданъ неизвѣстенъ всему саратовскому краю, то тѣмъ болѣе въ юго-восточной части Россіи.

Не довольствуясь однако розысканіемъ байдана во саратовской губ., я обратился съ вопросами къ любезнательнымъ юго-восточной Россіи людямъ, живущимъ въ Екатеринославской и херсонескай губ., и послѣ двухгодичной, утомительной переписки, всѣ отвѣчали положительно, что никогда не слыхали о байданѣ. — Одинъ только извѣстилъ, что водороты по р. Волги называются майданами, а другой, что между Татарами употребляется игра сабаганъ или сапаганъ, которое правильное произношеніе зависитъ отъ мѣстного употребленія. Сабаганъ состоить въ томъ, что собираются Татары на поле, и тамъ совершаютъ скачку на лошадяхъ, борются и предаются другимъ гимнастическимъ забавамъ. — Казанские Татары забавляются въ сабаганѣ при стеченіи народа, какъ мнѣ разоказывали, и по большей части послѣ рамазана (поста), который приходится

въ сентябрѣ мѣсяцѣ. — Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и землѣ донскихъ казаковъ, употребляется понынѣ слово *майданъ*, въ значеніи площади, а иногда въ смыслѣ сборнаго мѣста. —

II. ЛЕТНИЕ ХОРОВОДЫ.

Начнемъ съ любимой игры дѣвушекъ невѣсты,—съ русой косы. — Кто не воспѣвалъ косу? Кто не писалъ ей похвалъ? Въ какой странѣ свѣта не доставляеть она украшеніе дѣвушекъ? На Руси къ ^{коса.} почести русая коса, въ Малороссіи черная коса.—Коса въ щавѣ, и самая красавица гордится ею. Въ сельской жизни она убирается розовой лентою, чешется роговыимъ гребнемъ, умывается снѣжной водою или настоемъ изъ полевыхъ душистыхъ травъ. Не вѣкъ любуется дѣвица прелестью косы! Наступаетъ время, въ которое она оставляетъ ее съ плачомъ, — это предъ вѣнчаніемъ. Безутѣшная невѣста сидитъ на скамьѣ, подруги горюютъ съ нею и поютъ на прощаніе русой косѣ. Приходитъ сваха и безжалостно расплетаетъ косу; потомъ режеть и прячетъ волоса подъ кику. Слезы льются ручьемъ! Невѣста лишилась косы, а съ нею дѣвической своей свободы; съ потерей косы только видится ей одно горе впереди. —

При расплетаніи косы дѣвушки становятся хорово-домъ, вокругъ миной невѣсты, и поютъ. —

Подъ окномъ дѣвка сидѣла,
Надъ окномъ, окномъ косящимъ:
Русу косу имела, къ себѣ дружка ждала.
Погляжу я въ оконечко,

Не идетъ ли милой мой?

Ахъ! милой идетъ, яснымъ соколомъ летить,
Белыми рученьками помахиваетъ,
Свѣтлыми кудрями потряхиваетъ.
Я встрѣтила сердь широка двора,
Съ радостью милова за руки взяла.
Повела милова во свой теремъ,
Посадила милова подъ своимъ окномъ.
Дивись, мой милой, русой косы!

Ахъ, косинка коса, девичья краса!
Ужъ ты изсушила меня молодца,
Вынула румянецъ изъ благо лица,
Изъ благо лица, удалаго молодца!
Не крутишь мой милъ сердечной:
Русая коса на уткѣ рождена;
На уткѣ рождена, тебѣ обретена.—
Русая коса, коса косинка,
Расщепляйся скорый!
Красна девица!
Выдь за меня замужъ скорый. (*)

Еще поется иначе:

Какъ у насъ во оконицѣ,
Какъ у насъ во свѣтлицѣ,
Подъ окномъ девка сидѣла
Подъ краснымъ косящетымъ:
Буйную голову чесала,
Свою русу косу плела,
Къ себѣ дружка милаго ждала.
Погляжу: имада въ оконико,
Ужъ не идетъ ли милой другъ?
Ужъ какъ мой милъ идетъ,

(*) Русая коса поется различно, но эта пѣснь помещена здѣсь потому, что она миа кажется плавнее.

Что лесенъ сконъ легитъ,
 Шапочку охваташасть,
 Былыми руками помахиваешьъ,
 Черными кудрями потряхиваешьъ.
 Я выходила молодая,
 Изъ высока терема,
 На широкой дворъ;
 Встрѣчала друга милаго:
 За бывы руки хватала,
 Въ высокъ теремъ вводила,
 Подъ косището окно сажала.
 Ужъ ты милой другъ,
 Порадуйся со мной:
 Подивись моей русой косы!
 Ахъ ты косынка, коса,
 Коса девичья краса!
 Ужъ какъ ты ли, русая коса,
 Изсушила мене молодца,
 Потускнели черны очи,
 Позавяль румянецъ на лицѣ,
 Нѣту удали у доброго,
 Нѣту радости у молодчика. —
 Не плачь, не горюй,
 Другъ сердечной мой!
 Моя русая коса,
 Не на горе рождена;
 Моя русая коса,
 На роду тебѣ обречена.
 И то батюшкуну повелѣнью,
 И то матушкину согласію,
 Расплѣтаетъ мою косу,
 Розладница сваха.
 Ужъ ты, русая коса,
 Расплѣтайся поскорѣй;
 Ужъ ты красная девица,
 Выдь скорѣй за меня. —

Невеста. Дѣвушки собираются въ поль и сговариваются: кому быть невѣстой, а кому свахою? Тутъ завязывается между ними споръ: каждая хочетъ по скорѣй услышать имя жениха, но каждая стыдится его. — Сваха становится въ срединѣ круга, и каждая изъ дѣвушекъ старается стать на такомъ мѣстѣ, чтобы послѣднее слово пѣсни *поселъ*, падло на нее. — Оно поютъ:

Стояло тутъ косово дерево,
Вью, вью, вью, лело!
Въ той деревнѣ тыничекъ стоитъ.
Какъ въ томъ тыничкѣ бесѣда сидитъ,
Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
Мимо тутъ вхалъ удалой молодецъ,
Снявши шапочку да дѣвкѣ чelомъ,
Сѣвши съ коня, онъ руку подаетъ.
Дѣвица ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала.
Взявши съ тыничка за руку новель,
Вью, вью, вью, лело! (*)

На кого падло послѣднее слово *поселъ*, тотъ выходитъ изъ круга. — Ту же пѣсню начинаютъ снова пѣть и продолжаютъ ее, пока не берется условленное число невѣсть. — Потомъ сваха становить каждую невѣstu отдельно, и ходя вокругъ нихъ поетъ, и тутъ уже на кого падеть послѣднее слово *поселъ*, та признается всѣми невѣстою, и ей выйти скоро замужъ. Прочія дѣвушки завидуютъ ей. Вездѣ зависть, но зависть дѣвушки происходить отъ нетерпѣмія. Въ некоторыхъ мѣстахъ повторяютъ *люли* и *лели* послѣ всякаго стиха. Слѣдующая пѣснь, выражавшая одно и тоже, поется съ прибавленіемъ *люли*. —

(*) Прачъ: Собр. пѣсн. ч. 1. с. 58.

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Стоитъ озеро воды.
 Ой люли, ой люли,
 Стоитъ озеро воды!
 Молодецъ коня поилъ,
 Къ воротичкамъ приводилъ?
 Ой люли, ой люли,
 Къ воротичкамъ приводилъ?
 Къ веревочкѣ привязалъ,
 Красной девѣ приказаъ.
 Ой люли, ой люли,
 Красной девѣ приказаъ!
 Красна девица душа,
 Сбереги добра коня.
 Ой люли, ой люли,
 Сбереги добра коня!
 Сбереги добра коня,
 Коня семи тысячнаго.
 Ой люли, ой люли,
 Коня семи тысячнаго!
 Не сорваль бы повода,
 Не сломиль бы удила.
 Ой люли, ой люли,
 Не сломиль бы удила!
 Красна девица идетъ,
 Словно павушка плыветъ.
 Ой люли, ой люли,
 Словно павушка плыветъ!
 На ней платье голубое,
 Лента алая въ косѣ.
 Ой люли, ой люли,
 Лента алая въ косѣ!
 На головушкѣ перо,
 Хоть пять сотъ рублей дано.
 Ой люли, ой люли,
 Хоть пять сотъ рублей дано!

Хоть пять сеть рублей дамо,
Стоитъ тысячи оно.

Ой лули, ой лули,
Стоить тысячи оно!

Сравнение моего родства извинения
Въ этомъ хороводѣ становятся дѣвушки въ кружокъ,
и взявшись за руки то сходятся, то расходятся и по-
ютъ.—Разыграютъ осенью и во время свадьбы. —

Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекру,
Супротивъ батюшки мосто.

Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!

Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекрови,
Супротивъ матушки моей.

Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!

Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть ладу,
Супротивъ братцевъ моихъ. (*)

(*) Лада означаетъ въ этой пѣсни жену. Въ словѣ о полку Игоревъ принято въ такомъ же значеніи, наприм.: «уже намъ

Кто не хочетъ замужъ? Дѣвушки молчать, а это замужъ. молчаніе есть убѣдительное доказательство пламенна-го ихъ желания. Спросите у сердаца дѣвушки, и кѣрио оно скажетъ: я замужъ хочу! Посмотрите на милень-

своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думю едумати, ни очима съглядати.» Въ нарѣчи ладко, въ прилагательномъ ладный, означаютъ хорошо, хорошій а отнюдь не милый, какъ объясняетъ И. В. Савельевъ — Ростиславичъ (см. Славянскій сборникъ с. 246 изд. 1845 г.) словомъ ладъ. — Самая лада не всегда употребляется въ пѣсняхъ въ смыслѣ жены, и часто ладо, лада, какъ дядѣ и ладо, заимствуютъ окончательный пасъльный приставъ, подобно зелю, ой зюли, люштени, вѣю, ъю, ѿю, и т. д. — Въ такомъ смыслѣ поставленъ едѣть при-пѣвъ дидъ. — Въ саратовской губерніи, собираясь дѣвушки играть хороводъ или петь пѣсни, говорятъ: давайте дидикать, т: е: пѣть дидъ и ладо, потому вѣдь почти каждая пѣснь разыгрывается съ приставомъ: ой дидъ, ой ладо. — Извѣстные думаютъ, что Лада вѣроятно была посвященъ весенній праздникъ красной горки (Спегир. Русск. простонар. праздникъ вѣн. III с. 27.), и что Лада была богиня между русскими Славянами. — Эту богиню выдумалъ польский лѣтописецъ Стрыйковскій, и она никогда не была чествуема между нашими предками. — И. В. Савельевъ — Ростиславичъ утверждаетъ (см. Славянскій сборникъ, с. 245), что божество Ладо было известное вѣтъ племенамъ славянскимъ, ссылаясь на надпись, найденную недалеко отъ Салыцбурга, въ монастырѣ св. Назар. Въ той надписи находится: Latobio sac (rum) pro salute Nani Sabiniani et Iuliae Babiloae Vindonia mater v (oto) s (olvit) I (osco) I (egitimo) m (onumentum). Но Латобія не есть лада. — Онь говоритъ еще, что «Славяне задунайскіе много поютъ свадебныхъ пѣсень въ честь богини Лады.» — Очень жаль, что не указано изъ задунайскихъ пѣсень. Я никогда не читалъ, чтобы при ихъ свадьбахъ пѣли въ честь богини Лады. — Потомъ, желая подтвердить свое мнѣніе, что въ богемскомъ слово Mater verb. слово Лада однозначущее съ Венерою: Venus; dea libidinis, Cytherea, говорить, что въ густинской лѣтописи (с. 256—257.) Лада называна «богиня женитвы, веселія, утешенія

кое розовое создание, оно такъ и говорить: я замужъ хочу! Дѣвушки разборчивы въ выборѣ женщиковъ, и это и есть причина, что переборъ столько дѣлаетъ помѣкъ въ семейныхъ домахъ.

Хороводъ составляется изъ взрослыхъ обоего пола. Молодецъ ходитъ вокругъ хоровода, высматриваетъ себѣ невѣсту, а хороводъ поетъ:

и всяко благополучіе. — Развѣ все равно, что Лада и богиня Венера, Лада и богъ со многими свойствами, какъ то: богъ жениты (женнильбы?) веселія, утѣшенія и всякого благополучія. — Послѣ всѣхъ своихъ выводовъ онъ заключаетъ, что въ русскомъ языке лада, ладушка значать мужа, — слѣдовательно лада уже не есть ни богиня, ни богъ а просто мужъ.

Ищуши ладу въ созвучіяхъ, не доставало указать на *Ладонь*, которая у Грековъ именовалась иногда дракономъ, оберегавшимъ гесперидскіе съ золотыми яблоками сады, или на ту Ладонь, которая въ Аркадіи была рѣка, коей дочь Метопія находилась, по баснословнымъ разсказамъ, въ замужествѣ за Азопомъ, рачкою оивскою. —

*Draco, qui ruma ipsa servabat. Typhonis et Echidnae filius,
Ladon vocabatur.*

*Et taliisque locum sacrum venere, ubi Ladon
Aurea servabat flaventia mala decora
Anguis terrigena, hic ubi coelo attolitur Atlas.
Illi curabant nymphae praedulce canentes,
Hesperides truncum amplexus sed ab Hercule caesus
Is fuit.*

Cum esset etiam Ladon fluvius Arcadiae, cuius filia fuit Metope uxor Asopi Thebani fluminis, è qua Thebe нумра urbi nomen dedit. Hunc serpente a terra natu fuisse, testatur Pausan. at non e Typhone et Echidna, ut ait Apollon. enarrator.—Natalis Comitis Mythologiae, c. 734—735, кн. VII. издан. Франкф. 1596. года.

Въ заключеніи можно сказать словами Ювенала:

Nec pueri credunt, nisi qui nondipi aëre lavaantur.

Чрезъ кругъ летить соколь,
 Калина, малина моя!
 Глядитъ и посматриваетъ,
 Калина, малина моя!
 Пора девушекъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 Пора красныя замужъ,
 Калина, малина моя!
 Охъ ты девушка душа,
 Поди замужъ за меня;
 Не пойдешь, скажешься,
 Вспомнишь меня. —
 Чрезъ кругъ летить соколь,
 Калина, малина моя!
 Глядитъ и посматриваетъ,
 Калина, малина моя!
 Пора девушекъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 Пора красныя замужъ,
 Калина, малина моя!
 Составушки, собрачки:
 Каковъ затыкай гость? —
 Спахвалиши молодца,
 Иду замужъ за тебя!
 Калина, малина моя!
 Иду замужъ за тебя!

Еще поютъ:

Молодецъ кудреватый,
 Надѣжа моя!
 Разчесаль милый кудри,
 Утѣха моя!
 Занграль милый въ гусли,
 Надѣжа моя!
 Какъ струна струнъ молвить:
 Утѣха моя!

Пора молодцу жениться,
 Надёжа моя!
 На дунгъ ли на вдовину?
 Утвха моя!
 Не женись холостой,
 Утвха моя!
 Не женись молодецъ,
 Надёжа моя!
 На вдовъ своеизраной,
 Надёжа моя!
 Расчесаль милый кудри,
 Утвха моя!
 По алому кафтану,
 Надёжа моя!
 По парчевому камзолу,
 Утвха моя!
 Заигралъ милый въ гуси,
 Надёжа моя!
 Какъ струна струны молвитъ:
 Утвха моя!
 Пора молодцу жениться,
 Надёжа моя!
 На дунгъ ли красной девки?
 Утвха моя!
 Женись молодецъ,
 Надёжа моя!
 Женись холостой,
 Утвха моя!
 На девину красной,
 Надёжа моя!

Молодецъ выбралъ себѣ невѣсту и беретъ ее. — Игра переходитъ потомъ на другаго. Въ иныхъ мѣстахъ молодецъ ищетъ невѣсты, играя на балалайкѣ. — Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ на этотъ

случай, какъбы общепринятую при хороводныхъ пѣсняхъ:

Черезъ кругъ лети гъ утка,
 Калина, малина моя!
 Черезъ нашъ хороводецъ,
 Калина, малина моя!
 Пора дѣвушекъ замужъ,
 Калина моя!
 Пора красныхъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 За крестьянскаго ль сына,
 Калина, малина моя!
 У крестьянскаго сына
 И толочь и молоть,
 Рѣшетомъ подсивать,
 Калина, малина моя!
 Черезъ кругъ лети гъ утка,
 Калина, малина моя!
 Черезъ нашъ хороводецъ,
 Калина, малина моя!
 Пора дѣвушекъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 Пора красныхъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 За боярскаго сына,
 Калина, малина моя!
 У боярскаго сына
 Окошки косыя,
 Собаки борзыя,
 Калина, малина моя!
 Черезъ кругъ лети гъ утка,
 Калина, малина моя!
 Черезъ нашъ хороводецъ,
 Калина, малина моя!
 Пора дѣвушекъ замужъ,
 Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 За старостина сына,
 Калина, малина моя!
 У старостина сына
 Прянички сладенькие,
 Медъ сыченой, —
 Калина, малина моя!

Любить не люблю, отказать не могу. У кого что на умѣй, у того и на дѣлѣй. Дѣвушки взявшись за руки, составляютъ хороводъ. Тутъ кумушка управляетъ хороводомъ дѣвицъ, и она намекаетъ на ихъ жениховъ часто по имени, а нетерпѣливая дѣвушка иногда проговариваются сами.

Какъ пошли наши подружки,
 Въ лѣсъ по ягоды гулять!
 Вью, вью, вью, вью,
 Въ лѣсъ по ягоды гулять!
 По черную черничку,
 По красную земляничку.
 Вью, вью, вью, вью,
 По красную земляничку!
 Опѣ ягоды не набрали,
 Подруженъику потеряли!
 Вью, вью, вью, вью,
 Подруженъику потеряли!
 Любимую подружку,
 Свѣтъ Катеринушку.
 Вью, вью, вью, вью,
 Свѣтъ Катеринушку!
 Не въ лѣсу ли заблудилась?
 Не въ травѣ ли заплелась?
 Вью, вью, вью, вью,
 Не въ травѣ ли заплелась?

Какъ бы вѣ лвѣу заблудишаъ,
То бы лвѣы преклонишаъ.

Вью, вью, вью, вью,
То бы лвѣы преклонишаъ!

Какъ бы во травѣ заласишаъ,
Трава бы шелестъ повишаъ.

Вью, вью, вью, вью,

Трава бы шелестъ повишаъ!

Найду я по тропинкамъ,

Найду я три елинъки.

Вью, вью, вью, вью,

Найду я три елинъки!

Подъ елинъкою кровать..

На кроватѣ-то перина.

Вью, вью, вью, рью.

На кроватѣ-то перина!

На кроватѣ-то перина..

На перинѣ-то свѣтъ Катерина.

Вью, вью, вью, вью.

На перинѣ-то свѣтъ Катерина! «

Передъ ней стоять автинга,

Одь и просить Катерину.

Вью, вью, вью, вью,

Одь и просить Катерину!

Коли любишъ, такъ скажи,

А не любишъ откажи.

Вью, вью, вью, вью,

А не любишъ откажи!

Я любить не люблю,

Отказать не хочу.

Вью, вью, вью, вью,

Отказать не хочу!

*Я любить не люблю, отказать не хочу, вполнѣ рас-
крываетъ женское сердце, которое на все готово; если
рѣшился. — Еще есть и другая пѣснь:*

Часть IV.

13

Около Дону, около Дону;
 Около тихаго Дону,
 Доброй молодец гуляет;
 Доброй молодец гуляет;
 Табунъ коней затоняетъ,
 Кони, кони вороныят
 На нихъ узды золотыя,
 Чепраки парчевые,
 Подковы серебряные.
 Ужъ ты, девицы душа!
 Догадайся, догадайся!
 Ужъ я рада бы догадаться,
 Роднаго битюрки боюсь;
 Я боюсь, я боюсь отца,
 Да потвѣшу молодца.
 За то его потвѣшу,
 Что одинъ ѿнъ у отца.

подарок. Въ другихъ мѣстахъ хороводная игра подарокъ, но сить названіе: *приданое*: *невѣсты* и разыгрываются лѣтомъ. Ее поютъ такъ же предъ дѣвичникомъ, когда готовятъ приданое. Подарокъ есть игра свадебная, употребляется наиболѣе въ сѣверной Россіи. Если свадьба случиться быть лѣтомъ, то выносить невѣстину перину и кладутъ ее на траву; дѣвушки дѣлаютъ кругъ около перины и пѣсни напоминаютъ, что уже неѣтъ между ними одной.—

Какъ у насъ во садику,
 Много было цветовъ поставлено,
 А не много ихъ уродилось. —
 Какъ у насъ ли во теремѣ,
 Много было красныхъ дѣвушекъ,
 А теперь не много осталось.

Сваха выходитъ изъ круга, садится на перину и говорить: ну дѣвушки, не горюйте, вашейте-ка пѣс-

ию веселую. Одна изъ нихъ отвѣтствъ ейъ: «ехъ сваха, сваха! ты свела нашу подругу изъ нашего двора. Другія между тѣмъ начинаютъ пѣть:

Какъ у насъ во дворѣ,
Какъ у насъ во широкомъ,
Люли, люли, во широкомъ!
Стоять дѣвушки въ кругу,
Стоять дѣвушки въ кругу.
Люли, люли въ кругу!
Одной липъ иѣть, какъ иѣть,
Одной-то иѣть, свѣтъ Марьюшки,
Люли, люли, Марьюшки!
Она ждетъ пождеть къ себѣ,
Друга милаго, суженаго!
Люли, люли, суженаго!

Послѣ словъ, выражающихъ ожиданіе невѣсты, какъ здѣсь: она ждетъ пождеть къ себѣ, друга милаго суженаго, — сваха переворачиваетъ перину, сбиваетъ и потомъ стелетъ; дѣвушки поютъ:

Стелю, стелю перинушку,
Стелю, стелю пуховую,
Люли, люли, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю,
Люли, люли, подарю!
Не дарикъ большой, а любовней, —
Пуховую перинушку.
Люли, люли, перинушку!
Ты вайди, свѣтъ Марьюшка,
Ты бери за бѣлы руки суженаго,
Люли, люли, суженаго!
Дари суженаго подаркомъ,
Дари раженаго перинушкой!
Люли, люли, перинушкой!

По окончаніи пѣнія выходитъ изъ круга дѣйствительная невѣста, и даритъ своихъ подругъ розовыми ленточками. — Сваха спрашиваетъ ее: полно, ты ли невѣста? — Сваха сватушка, отвѣчаетъ она со вздохомъ: не самали ты засватала! — Въ это время выходитъ мать невѣсты и даритъ сваху бѣлымъ или краснымъ платкомъ, и говоритъ ей: родимая! полно-тѣ волрошать. — Подруги берутъ невѣсту подъ руки, сажаютъ ее на перину и вносятъ въ комнату, съ окончательнымъ пріпѣвомъ:

Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряженаго перинушкой.
Люли, люли, перинушкой!

Покори-
ще дѣви-
цы. Здѣсь принимаютъ участіе не однѣ дѣвицы, но и молодые парни. Составивъ хороводъ, ходятъ кругомъ и поютъ: первый стихъ весьма протяжно, а второй скоро:

Ахъ по морю! ахъ по морю!
Ахъ по морю, морю сниму!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бывалъ моя. —
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется.. .
Гдѣ на ваялся, гдѣ на ваялся,
Гдѣ ни ваялся младъ ясень соколь.
Убиль, ушибъ, убиль, ушибъ,
Убиль, ушибъ лебедь бывшую мою.
Онъ кровь пустиль, онъ кровь пустиль,
Онъ кровь пустиль, но сию морю.
Онъ перушки, онъ перушки,
Онъ перушки пустиль по чисту полю;
Онъ пукъ пустиль, онъ пукъ пустиль,

Онь пухъ пустилъ по подъ небесью. —
 Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
 Краснѣ дѣвица душа!
 Брала перья, брала перья,
 Брала перья лебединыхъ моихъ.
 Клаала въ шапку, клаала въ шапку,
 Клаала въ шапку соболицую.
 Милу дружку, милу дружку,
 Милу дружку на подушечку.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся, доброй молодецъ.
 Богъ на помочь! Богъ на помочь!
 Богъ на помочь красна дѣвица душа!
 Она жъ ему, она жъ ему,
 Она жъ ему ни поклоняется.
 Добро дѣвка, добро дѣвка,
 Добро дѣвка, дѣвка красная мои!
 Будетъ время, будетъ время,
 Будетъ время и поклонишься жицъ.
 Будешъ стоять, будешъ стоять,
 Будешъ стоять у кроватушки моей.
 Будешъ держать, будешъ держать,
 Будешъ держать шелковую плеть въ рукахъ.

Съ окончаніемъ пѣсни одна изъ дѣвушекъ, признанная за покорище, кланяется своему молодцу, а иногда и всѣ дѣлаютъ поклоны, каждая своему парню. —

Покорище дѣвка значить покорная дѣвица. Она должна смириться предъ своимъ женихомъ, и должна помнить, что когда сдѣлается его женой, тогда она будетъ стоять у его кровати и разувать съ него сапогъ, изъ кетораго онъ возьметъ плеть и будетъ ее бить, въ знакъ его власти надъ нею. Игра покорище дѣвицы, есть любвишшая у поселянъ. Почему? Потому что здѣсь участвуютъ тѣ, которые имъ милы по сердцу и желанію, отъ того и всѣ прочія для нихъ перы не

ры. Здесь имъ позволено и смеяться, глядѣть другъ на друга и жать руку. Всегда дѣвушки любить такія игры, въ коихъ допускается свободное потѣшеніе.

Поють эту самую пѣснь съ сокращеніемъ, но смыслъ ея одинъ и тотъ же:

Какъ по морю синему
По синему хвалынскому,
Плынетъ стая гусей скрыхъ,
Другая стая лебединага.
Ходилъ, гулялъ доброй молодецъ :
Онъ застрялъ лебедь бывшую.
Кровь пузыль въ сырь землю,
Пухъ пузыль по чисту полю.
Собирались красныя девушки,
Пуху брати лебединаго. —
Мимо входъ доброй молодецъ,
Богъ помочь вамъ, красныя девушки!
Пуху брати лебединаго.
Всѣ девушки поклонялися,
Одна девка не поклонилась.
Грозилъ парень красной девушкѣ :
Добро девка, добро красная,
Станешъ девка у кровати стоять,
Станешъ красная горючія слезы ронять. —

Женихъ. Это наимѣника надѣятьсями женихами, которые, сватываясь и перебиралъ долго невѣстами на своей сторонѣ, женимутся напонецъ на чужой. Люди смеются надъ таковыми женихами, девушки осыпаютъ ихъ укоризнами.

Мужчины и девушки дѣлаютъ кругъ; мужчины, выбравъ изъ среди себя одного побойчѣе, называютъ его *женихомъ* и ставятъ посрединѣ; потомъ идутъ:

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Ходилъ гуляль донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Играль, играль, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ,

Изъ круга выходитъ дѣвушка, и ходить съ женихомъ:

Хорошая, прихожая, поди замужъ за меня!

Не пойдёшь, спокаешься, вспомнишь меня.

Невѣста отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:

Сосѣдушки, голубушки, каковъ человѣкъ?

Хороводные отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, пропоица, пропьетъ и тебя!

Невѣста смотритъ на жениха съ презрѣніемъ, и говоритьъ:

Сосѣдушки, голубушки, не хвалять тебя:

Ты пьяница, пропоица, пропьешь и меня.

Невѣста входитъ въ свой кругъ; начинаютъ снега падать:

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Ходилъ гуляль донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,

Играль, играль, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ.

Изъ круга выходитъ другая дѣвушка, и останавливается предъ женихомъ.

Хорошая, пригожая, поди замуж за меня!
Не пойдешь, испокаешься, вспомнишь меня.

Невѣста обращается къ сосѣдушикамъ, ходить съ хороводомъ и отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушикамъ, спросить про тебя:
Сосѣдушки, голубушки, каковъ человѣкъ?

И помоччавъ нѣсколько, она говоритъ ему вееро:

Сосѣдушки, голубушки, хвалили тебя.
Вино кури, пиво варя, иду замужъ за тебя!
Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
Иду замужъ за тебя.

Женихъ беретъ невѣсту за руку, хороводные повторяютъ:

Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
Иду замужъ за тебя.

Тѣмъ оканчивается игра, потомъ выбираютъ другаго жениха, если хотятъ продолжитъ хороводную шутку надъ женихомъ. —

Дѣвушкамъ пріятно забавляться женихами, но подъ ихъ шуткою бываетъ пламенное желаніе: скорѣе замужъ! Иногда изъ шуточной игры женихъ, онъ дѣлается настоящимъ женихомъ (*).

Конечно. За нѣсколько дней до выхода замужъ, подруги невѣсты собираются къ ней въ домъ. Тамъ онѣ поютъ

(*) Песенникъ, изд. С. П. Б. 1819 г., ч. 4, с. 57.

сь нею дѣвическія пѣсни, а потомъ выходить изъ ея дому хороводомъ на улицу или въ садъ. Въ срединѣ хоровода идетъ действительная невѣста, съ бѣлымъ въ рукѣ платкомъ, который представляеть коверъ. И что же значитъ коверъ?—Тотъ будущій коверъ, на которомъ она должна стоять предъ вѣнчаніемъ съ своимъ суженымъ. Она обязана приготовить коверъ заранѣе и отдать его своимъ дѣвушкамъ. При выходѣ изъ дому, встрѣчаетъ ихъ толпа молодыхъ людей, съ пріпѣвомъ:

Ты не пой соловей,
Ты не пой молодой,
При долинѣ!
Ты не вей гнѣзда,
Ты не вей гнѣзда,
При теремѣ!

Дѣвушки отвѣчаютъ:

Какъ во теремѣ дѣвица,
Дорогой коверъ вышивается;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Старому мужу.

Невѣста отвѣчаетъ:

Я могу ковра убавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Хороводные продолжаютъ:

Какъ во теремѣ дѣвица,
Дорогой коверъ вышивается :

Она золотомъ коверъ вышивала;
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому коверъ мой достанется?

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанется мой ковъръ
Ладу милому.
Я хочу ковра прибавить:
Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
Со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Послѣ этихъ словъ невѣста отдастъ свой коверъ по-
другамъ; одна изъ нихъ, представляющая жениха, бе-
реть ее за руку и выводить изъ круга. Прочія лѣвуш-
ки не останавливаются на этомъ: каждая изъ нихъ
разыгрываетъ невѣstu, съ соблюденiemъ обыкновен-
ныхъ правилъ. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ коверъ
просто. Собираются лѣвушки въ хорошее лѣтнее вре-
мя на лугъ, выбираютъ изъ себя невѣstu и поютъ хо-
роводный коверъ. —

Замуж-
къ и в
жизнь.
Многія изъ замужнихъ весьма часто вспоминаютъ о своемъ дѣвичествѣ; не разъ вскручивается молодушка, когда она припомнить прошлую, беззаботную свою жизнь. Неволя замужней жизни ясно обозначена въ пѣсни, сочиненной не безъ причины на этотъ случай. Тяжелыя работы нашихъ женщинъ, а требовавшій еще болѣе отъ нихъ мужей, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, что поселянки многократно горюютъ о невозвратной своей волюшкѣ. Родимая не отягощала свою дочь работами, родимый не бралъ ее съ собою боронить поле,—а теперь? замужняя молодушка дѣлай то, что мужъ прикажетъ; ходи по терновымъ кустамъ и пеши на солнцѣ, не досыпай ночей и работай до поту, —

Замужняя жизнь, говорятъ некоторые, разыгрывается осенью. Нѣтъ, она разыгрывается и лѣтомъ и осенью, когда вздумается хороводу. Для многихъ наѣтъ раздѣла времени.—Въ этой игрѣ участвуютъ не только девушки и молодежь, но жены и мужья.--- Хороводные, взявшись за руки, неутѣшаются вмѣстѣ съ избранной ими кумой, которая находится у нихъ по серединѣ. Она своими движеніями, какъ то: глазъ, плечей, рукъ и проч., указываетъ на жизнь замужней женщины.

Я пойду, пойду, во земной садъ гулять,
Понищу я молодова соловья.
Соловей ты мой батюшка!
Ты скажи, скажи, скажи, мой младъ соловей :
Кому воля, кому наѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ наѣтъ волюшки,
Краснымъ девушкамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки :
Да какъ первая кручинушка,
Слать пуховую перинушку ;
А другая-то кручинушка,
Растворий жена широки ворота;
А какъ третья-то кручинушка,
Вѣдеть, вѣдеть, мой ревизиный мужъ домой ;
Онъ везеть, везеть, гостинецъ дорогой :
Шелкову плетку, кнуту кнутовое :
Да ударить меня межъ бѣлыхъ плечъ!
Стала съ мужа кафтанъ скидывать,
Часты пуговки растегивать.
Хоть и рученъки бѣлешенъки,
На рукахъ ли золоты нерстни,
Только стану, стану, мужа разувать.
Про замужнюю жизнь вспоминать (*).

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. ч. 2. с. 103. У него эта пѣснь полна, нежели помѣщенная въ другихъ пѣсенникахъ.

При послѣднемъ стихѣ: *про замужнюю жизнь вспоминать*; иногда кума киваетъ головою такъ неосторожно, что иной немедленно бросаетъ игру. Надъ нимъ смѣются а его молодушка дрожитъ, какъ вспомнить про свою жизнь. Эта игра одна изъ поучительныхъ для семейнаго быта. — Слѣдующая пѣснь, выражающая отношеніе замужней: къ свекрову, свекрови и мужу, сходствуетъ съ замужней жизнью.

Я въ садъ пойду, во зелень пойду,
Ой люли, ой люли!
По быву капусту,
По бывъ кочешекъ.
Не успыла подойти,
Не успыла подойти,
Ой люли, ей люли!
Бѣжитъ моя золовушка,
Изъ высокаго терема :
Подъ неѣтшушка домой,
У насъ дома нездорова,
Нечто сдѣвалось :
Новы стѣни подломились,
Кроватушки опустились,
Свекоръ батюшка упалъ.
Какъ бы я была вѣстима,
Я бы выше подмостила,
Горючъ камень подложила.
Ой люли, ой люли!
Я въ садъ пойду, во зелень пойду,
Ой люли, ой люли!
Не успыла подойти,
Не успыла заломить.
Ой люли, ой люли!
Бѣжитъ моя золовушка,
Изъ высокова терема :
Подъ неѣтшушка домой,

У насъ дома неадорова,
 Нечто сдѣмалось.
 Новы стѣни подломились,
 Кроватушки опустились,
 Свекровь матушка унала.
 Какъ бы я была вѣстима,
 Я бы выше подмостила.
 Ой люли, ой люли!
 Я въ садъ пойду, во зеленъ пойду.
 Ой люли, ой люли!
 Не успѣла валомить,
 Ой люли, ой люли!
 Бѣжать моя золовушка,
 Изъ высокова терема:
 Подъ невѣстушка домой.
 У насъ дома неадорова,
 Нечто сдѣмалось.
 Новы стѣни подломились,
 Кроватушки опустились,
 Твой лада упала. —
 Какъ бы вѣстима была,
 Я бы ниже подмостила;
 Я бы перинку подложила;
 Ой люли, ой люли!

Это есть воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда ^{женина любовь.} женскій полъ проводилъ свою жизнь въ теремахъ и свѣтлицахъ; когда ему запрещалось говорить съ холостымъ, глазъ на глазъ; когда дѣвушка выходила замужъ, не зная за кого выходитъ: обязывалась его любить изъ боязни къ одной плети. Игра женина любовь осталась единственно въ хороводахъ, для осмыслинія жестокости самовластныхъ мужей; она не вѣздѣ въ употребленіи. — Веселой порой разыгрываютъ все вмѣстѣ: мужья, жены, молодцы и дѣвушки.

Старики, посматривая на играющихъ, хвалять старого мужа и говорять ему: не давай волюшки молодой женѣ; поживеть, слюбится. —

Женщины и мужчины любятъ эту игру, но не вѣдь соблюдаются однообразное правило при разыгрываніи: болѣе или менѣе оно измѣняется по мѣстному разыгрыванію. Дѣвицы дѣлаютъ изъ себя кругъ, въ средину круга выступаетъ молодецъ и дѣвица, но чаще двѣ дѣвицы: одна изъ нихъ занимаетъ мѣсто мужа и надѣваетъ на свою голову шляпу а другая представляеть жену. Хороводный ходя, поютъ:

Я поѣду жена,
Въ Китай городъ гулять.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твоё!
Я куплю тебѣ жена,
Кисеи на рукава.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твоё!
Вотъ тебѣ, жена,
Кисеи на рукава!

Представляющая жену ходить отворотясь, и не глядить на своего мужа. Мужъ подаетъ ей кисею, жена вырывается у него изъ рукъ и бросаетъ на землю, хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любить:
Гдѣ не сойдется, не поклонится,
Отворачивается. —
Я поѣду жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Золото колечко. —

Мужъ подаетъ ей кольцо, жена отворачивается отъ себя и ходить отвертась.

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любить :
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворачивается.

Я позду жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Шелковую плетку.
Вотъ тебѣ жена,
Дорогой подарокъ!

Жена смотрить на своего мужа ласково, мужъ бьеть ее плеткой, а она кланяется ему; хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди ,
Какъ жена-то мужа любить :
Гдѣ ни сойдется, все поклонится
Поплыется.
Жена моя, женушка.
Отходчиво сердце твоё! ().

Женина любовь разыгрывается въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе. Играющіе мужа и жены, иногда разыгрываютъ въ домашнѣи и пляшутъ. Всѣ прочіе сидятъ во время пѣнія.—Когда мужъ заглядываетъ въ лицо своей жены, тогда она отворачивается отъ него съ сердцемъ. Въ это время поютъ :

Да жена моя женушка,
Ревнивое сердечко !

(*) Сынъ отеч. 1837 г. с. 401.

Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена мужа не любить.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена мужа не любить :
 И не любить его и не смотреть на него.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Какъ пойду молодецъ въ Китай городъ гулять.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Да куплю я женъ кумачные рукава.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Вотъ тебѣ жена, кумачные рукава.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!

Мужъ кладеть на плечо жены платокъ, который она
 сбрасываетъ.

Посмотрите, добрые люди,
 Какъ жена мужа не любить.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 И не любить и не смотреть на него.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Какъ пойду молодецъ въ Китай городъ гулять.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Да куплю я женъ глазетову юбку.
 Да жена моя, женушка.
 Ревнивое сердечко!
 Вотъ тебѣ жена, глазетова юбка!

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Мужъ кладеть на плечо жены шелковый или другой какой либо платокъ, который она сбрасываетъ сердито, но разсудивъ, что она поступаетъ съ своимъ мужемъ не хорошо, перемѣняется вдругъ: дѣлается внимательнѣе къ словамъ его, и это вниманіе усиливается за всякимъ стихомъ, болѣе и болѣе:

Ну смотрите, добры люди,
Какъ жена мужа полюбить,
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Какъ поеду молодецъ, въ Китай городъ гулять.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Какъ куплю я женъ да шелкову плѣтку.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Вотъ возьми, тебѣ жена, шелкова плѣтка.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Онъ бросаетъ на ея шею скрученый платокъ; она, поправивъ его на себѣ, бѣжитъ къ мужу и смотрить ему въ глаза.

Вы видите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любить.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Она любить меня, она смотрить на меня.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Она смотрить на меня, поцѣлууетъ меня.

Да жена моя, женушка,
Ревниво с сердечко!

Жена цыгает мужа и этимъ оканчивается игра.
Пригбъвъ пѣсни къ ревнивой женѣ, взмѣняется по
мѣстностямъ, напримѣръ: въ пензенской губерніи хо-
роводные, избравъ мужа и жену и поставивъ ихъ въ
свой кругъ, такъ начинаютъ:

Растворяйтесь широкія ворота!
Какъ поѣду я въ Китай городокъ,
Я куплю женѣ подарокъ,
Дорогой китайки.
Ты пріѣми жена, не ломайся,
А послѣ не кайся.

Мужъ кладетъ ей на шею ширинку, она сбрасы-
ваетъ и отворачивается отъ него. Онъ начинаетъ пѣть,
а хороводъ вторитъ ему:

Поглядите-ка, добры люди;
Какъ жена меня не любить,
Меня молодца ненавидить.

Товарищи мужа остановившись, спрашиваютъ его :

Ты скажи-ка намъ,
Бравой хватъ Иванъ :
Что поладилъ ли съ женой,
Ты съ своей молодой?

Мужъ отвѣчаетъ, что онъ не поладилъ еще, и поетъ
съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена меня не любить,
Меня молодца ненавидить.

На мужа сыплются насмѣшки и укоризны, что онъ плехъ и худъ, что онъ малъ и работать не умѣеть, и что хотя привезъ женѣ подарокъ, однако никакуда не годится. Потомъ начинаютъ снова:

Растворяйтесь широкія ворота!
Какъ позду ль я въ Китай городонъ,
Привезу женѣ подарокъ;
Шубку, юбку, твогрѣху.
Ты пріими жена, не ломайся,
А послѣ не кайся.

Мужъ снова кладетъ подарокъ на плечо жены, которая снова отворачивается отъ него. Его спрашиваютъ: поладилъ ли онъ съ женой? Мужъ отвѣчаетъ съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена меня не любить,
Меня молодца не навидить.

Надѣй издѣваются по прежнему, называютъ его *кочетомъ* (пѣтухомъ) и намѣкаютъ ему прибѣгнуть къ строгости. Потомъ возобновляютъ пѣснь прежнимъ порядкомъ.

Растворяйтесь широкія ворота!
Какъ позду ль я въ Китай городонъ,
Ужъ куплю я женѣ подарокъ;
Дорогой подарокъ,—шелковую плѣтку,
Два аршина съ половиной.
Ну пріими-ка жена, не ломайся,
И теперь покайся.
Ты жена плѣтку возьми, не гнѣвайся;
Душа радость, не прогневайся.

Мужъ кладеть на плечо жены шапку. Жена, видя несущую бѣду, оборачивается къ нему, обнимаетъ и цѣлуєтъ его. Мужъ, заломивши шапку на бекрень, обращается къ хороводнымъ;

Посмотрите-ка, добры люди,
Какъ жена меня любить;
Меня молодца ужъ не испугасть.
Поглядите-ка, люди добрые,
Какъ жена мужа любить;
Вокругъ его увивается,
Въ глаза засматривается.
Посмотрите-ка, люди добрые,
Какъ жена съ мужемъ ядно живеть:
Гдѣ ни сойдется, все цѣлуется.

Въ заключеніи своей радости мужъ и жена отхвачиваются пляску залыхватскую, по выражению играющихъ, подъ какуюнибудь плясовую пѣнь.

Ревни-
вая же-
на.

Во всякомъ состояніи ревность есть бичъ для семейного счастія. Быть мужу ревнивымъ, не умно: это значить сомнѣваться въ благородствѣ чувствъ своей жены; но быть ревнивымъ женѣ, еще хуже и не простительнѣе, потому что этимъ самымъ она даетъ поводъ мужу къ нарушению вѣрности. Напрасно оспариваются некоторые, что ревность происходит отъ истинной любви. Если бы это была чистая любовь, то никогда бы не ревновали другъ къ другу. Кто истинно любить, тотъ вѣритъ въ постоянство. Недовѣрчивость рождаетъ ревность, а отсюда проис текаютъ страданія супруговъ. Мой мужъ, говоритъ жена, не любить меня. Это значитъ, что она и прежде могла сомнѣваться въ его любви. Мужья ли скопѣе измѣняютъ женамъ, или жены мужьямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что мужья.— Но ктоже этому виной?— Тревож-

ная ревность самыхъ женъ. Върьте въ любовь и будете счастливы. — Иначе непремѣнныи разладъ. Отъ этого произошла поучительная игра для ревнивыхъ женъ. —

Молодые обоего пола составляютъ хороводъ; избранные изъ нихъ: мужъ и жена, становятся въ кружокъ и поютъ вмѣстѣ, ходя вокругъ:

Какъ у насть за дворомъ,
Росла трава шелковая,
 Ой люли, шелковая!
По той травѣ шла жена,
За нею мужъ горемычный,
 Ой люли, шелковая!
Ты постой, моя жена,
Ты подожди, моя жена,
 Ой люли, шелковая!
Я сударь не твоя,
Я родимова батюшки,
 Ой люли, шелковая!
Какъ у насть за дворомъ,
Росла трава шелковая,
 Ой люли, шелковая!
Шли молодцы, удальцы,
Вели коня подъ ковромъ,
 Ой люли, шелковая!
Подъ золотымъ чепракомъ,
Онь копытомъ землю выбивалъ,
 Ой люли, шелковая!
Въ моемъ мужъ правды иѣть,
Съ чужой женой знается,
 Ой люли, шелковая!
Со мной же ссорится,
Надо мнай цадѣвается,
 Ой люли, шелковая!
Чужой женъ башмаки,
А мнѣ младой фи-фи,
 Ой люли, шелковая!

Чужой женъ сережки,
 А миъ однъ слезки.
 Ой ляли, шелковая!
 Я же мужа подарю,
 Рубашку ему сошью,
 Ой ляли, шелковая!
 Сошью изъ полотна,
 Изъ дерюжнова конца,
 Ой ляли, шелковая!

Жена выходитъ изъ круга, а мужъ остается одинъ: онъ стоитъ въ задумчивости, потомъ и онъ выходитъ и самъ не глядить на жену. Эта разладица мужа и жены, явно обнаруживаетъ семейное неудовольствие.—Если хотятъ продлить вновь игру, то опять ее составляютъ какъ прежде.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужъ ходить въ кругѣ съ полюбовницю, а въ другихъ и всѣ трое: жена, мужъ и его полюбовница. Этотъ хороводъ по выражению своему склонствуетъ съ хороводомъ: довольный мужъ своей женой (*), но по дѣйствію различается: въ первомъ стоитъ въ срединѣ круга одинъ молодецкій сынъ, а сдѣль мужъ и жена.—

Въ кругу ходить старый, сгорбившійся мужъ: онъ кашляетъ и грозитъ своей молоденькой женѣ, стоящей въ сторонѣ отъ него. Когда онъ подходитъ къ ней, тогда она убѣгаєтъ и прячется между девушкими, уже поющими:

(*) Помѣщено между весенними хороводами. Нельзя не замѣтить, что ревнивая жена гораздо лучше выражаетъ недовѣрчиваю свою любовь, въ этихъ словахъ: да жена мол, оксунка, ревнивое сердечко.

На горъ, горъ, дубъя стоять,
Дубъя стоять сучковатые.
Ой люли, люли, сучковатые!
У меня ли у младой ревнивый мужъ,
Ревнивый мужъ, оканянный еретикъ.
Ой люли, ой люли, еретикъ!
Посылаетъ меня мужъ,
Въ полночь по воду одну.
Ой люли, ой люли,
Въ полночь по воду одну,
По холодну ключеву.

Жена идетъ по воду, держа въ правой рукѣ дитя а
въ лѣвой ведра, и все это представляеть она особын-
ными какими либо вещами.

Въ лѣвой руки ведро несу,
Во правой свое дитя держу!
Ой люли, ой люли.
Дитя держу!
Въ ведре вода скопыхалася,
А я млада развоинялася,
Ой люли, ой люли, развоинялася!
Мое дитя раскричалось:
Ты сини, усни, мое дитятко,
Ой люли, ой люли, мое дитятко!
Ты сини, усни, угомониъ тебя возьми,
Ой люли, ой люли, угомониъ тебя возьми!
Угомониъ возьми, либо бѣсь утащи,
А меня младу погулять пусти. —

Молодой женѣ приторно жить съ старымъ мужемъ,
который ни самъ не веселится, ни ее не пускаеть. По-
неволѣ жена захочеть гулять, а если разгуляется же-
на, то ужъ горбатого исправить могила. Изъ этого вы-
ходитъ, что старые мужья причиню своимъ несчасті-

ямъ а молодыя жены не знаютъ за ними своего счастья. —

Женщина разлада. Жена долго повиновалась умной строгости своего мужа, наконецъ, соскучивъ ею, уже не хочетъ болѣе слушать его: она идетъ гулять, забываетъ своего мужа и нейдеть къ нему. Мужъ любить жену за однуя красоту, ласкаетъ и обѣщается ей во всемъ дать водю. Торжествующая жена дѣластъ съ нимъ условія, мужъ соглашается на все, но когда она огласила себя вольною, тогда мужъ бросилъ ее. — Это есть олицетвореніе слабости мужа, который, бывъ самъ виновнымъ въ волѣ жены, находить одно средство въ своемъ горѣ— растаться съ легкомысленію. — Мужъ и жена, стоять съ срединѣ хоровода; они сначала не смотрять другъ на друга, потомъ сходятся, смотрятъ и разстаются: жена съ презрѣніемъ а мужъ съ грустью. Играющіе ходятъ вокругъ ихъ и поютъ:

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у батюшки женился,
Привезъ себѣ жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена то молодчика не взлюбила,
Негодлемъ молодчика называла.
Какъ пошла молодая жена,
Какъ сама гуляла безъ меня.
Ровно девять денечковъ,—
Ко миѣ мужу не бывала;
На десятой девечикъ,
Ко миѣ мужу жена приходила,
Не дошедши остановилась;
Миѣ негодлю поклонилась.

Жена обращается к мужу:

Ахъ ты мужъ негодный!
Будешь ли кормить хлѣбомъ?
Мужъ. Сударыня жена!
Буду кормить калячами.
Жена. Буденъ ли негодный?
Меня поить квасомъ?
Мужъ. Буду я поить сытой,
Сытой медовою.
Жена. Буденъ ли не годный?
Пускать меня въ гости?
Мужъ. Сударыня жена,
Ступай вовсе!

Мужъ и жена расходятся, подруги уговаривают жену притти и поклониться мужу; она сначала не хочетъ, потомъ идетъ и кланяется ему въ ноги, но мужъгонитъ ее отъ себя. (*)

Одного мужчину лѣдаютъ старымъ мужемъ, а друго-
го молодымъ. Представляющая же первому посматри-
ваетъ грустно на старого, ходитъ печально по комнатѣ
и ломаетъ руки; прочие поютъ:

Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
За старого замужъ итти,
За старого замужъ итти?

Беретъ старого за руку и обращается къ нему спиною:

(*) Сахар. Св. русск. нар. ч. 2. с. 85.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 За стараго замужъ итти,
 За стараго замужъ итти.
 Ай горе! ай горе!
 Напасть превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 Старому постелю слать,
 Старому постелю слать?

Бросаетъ на полъ грязную тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Старому постелю слать,
 Старому постелю слать.
 Ай горе! ай горе!
 Напасть превеликая
 Печаль неутолимая!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 Старого на постелю класть,
 Старого на постелю класть,

Толкаетъ стараго мужа на тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Старого на постелю класть,
 Старого на постелю класть.
 Ай горе! ай горе!
 Напасть превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 Старого обнимать будеть,
 Старого обнимать будеть?

Обнимаетъ воздухъ надъ головою стараго:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Обнимать стараго будеть,
 Обнимать стараго будеть?
 Ай горе! ай горе!
 Напасть превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 Стараго цѣловатъ будеть,
 Стараго цѣловатъ будеть?

Она цѣлууетъ стараго и потомъ плюетъ на землю:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Стараго цѣловатъ будеть,
 Стараго цѣловатъ будеть.
 Ай горе! ай горе!
 Напасть превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 Стараго подымать будеть,
 Стараго подымать будеть?

Поднимаетъ стараго и толкаетъ его:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Стараго подымать будеть,
 Стараго подымать будеть.

Также дѣвушка, которая горевала, смотритъ иначе на молодого и пляшетъ отъ радости.

Ай радость! ай радость!
 Веселье величое!
 Веселье величое!
 Какъ же миъ, какъ же миъ,
 За молодого замужъ итти,
 За молодого замужъ итти?

Береть молодого за руку, ведеть его за собою и любуется имъ:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
За молодого замужъ ити,
За молодого за мужъ ити.
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнъ, какъ же мнъ,
Молодому постелью слать?

Стелеть пуховую постель и кладеть въ головы пуховую подушку.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодому постелью слать,
Молодому постелью слать,
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнъ, какъ же мнъ,
Молодого на постелью класть,
Молодого на постелью класть?

Береть молодого за руки и тихо его опускаеть на постель:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодого на постелью класть,
Молодого на постелью класть,
Ай радости! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнъ, какъ же мнъ
Молодого обнимать будетъ,
Молодого обнимать будетъ?

Прижимаетъ молодого къ своей груди:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого обнимать будетъ,
Молодого обнимать будетъ!
Ай радости! ай радость!
Беселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодого цѣловать будетъ;
Молодого цѣловать будетъ?

Цѣлуешь его страстно:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого цѣловать будетъ,
Молодого цѣловать будетъ.
Ай радости! ай радость!
Беселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодого подымать будетъ,
Молодого подымать будетъ?

Беретъ молодого подъ руки, подымаетъ осторожно и сажаетъ на приготовленное мѣсто.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого подымать будетъ,
Молодого подымать будетъ. —

Выходъ дѣвушки замужъ за стараго, выражено еще въ слѣдующихъ двухъ хороводныхъ пѣсняхъ:

Но рекъ, рекъ, селезень плыветь,
Дѣвушкамъ вѣсть несеть нерадостную:

Скорую грамотку,
По быому бархату. —

Быть тебе девушка,
За старымъ за мужень;
Быть тебе девушка,
Старою бабою, безобразю.
Знала бы я девушка, да вѣдала,
Я бы мылами не умывалася,
Я бы бѣлилами не бѣлилася,
И румянами не румянилась,
Сурнилами не сурнилась.

Еще поютъ:

По морю, по моречку синему,
Плавала, плавала лебедушка бѣла;
Плакала, плакала, душа красна девушки.
Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ быть,
За старого замужъ итти?
Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Старому цостель будеть сдѣть?
Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Старого спать будеть кадстъ?
Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Старого цѣловать будеть?
Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Вамъ ничего меня учить,
Я съ старымъ не хочу жить.
Съ старымъ жить мнѣ не хочется,
Къ нему мое сердце не ворочается.
Я пойду замужъ за ровношку,
За хольную голеевушку.
Сама рожающки буду цостело сдѣть.

Таки буду, таки буду поживать,
Буду съ ровней распивать,
Правой ручкой обнимать,
Раздушенской плывать —
Таки буду, таки буду воживать,
Буду ровношку пловать,
Сокровищемъ называть,
Того къ сердцу прижимать.
Не обѣ чемъ будеть плакать, горевать,
Таки буду, таки буду поживать.
Старый женихъ не миль,
Онъ противень и постыль. —

Быть замужемъ за старымъ, ни кому не нравится

Жалко девка плакала :
За старого замужъ иду !
Ты старый, ты старый мужъ,
Сгубилъ мою голову,
Всю девичью красоту.
Ой на горѣ калина,
Подъ горою мацана ?
Тутъ идуть бояре,
Вскричали Ульяну.
Вспомянечь ли батюшка ?
Ой wysoko и далеко !
А я вспомину и прочь пойду,
Прочь пойду и не забуду.

Среди Москвы повалуша стонть,
За повалушо красна девица сидить.
Она плакеть, какъ ріка льется,
Потеряла трое золоты ключи,
Съ шелковымъ поясомъ,
Съ серебрянымъ мутовизкомъ (шиуркомъ).
Кто бы мои ключи нашелъ,
За того бѣ я замужъ пошла!

Хоть бы за старого, за малаго,
Хоть бы за ровношку за пьяницу.
Идеть старый изъ улицы,
Онъ правой рукей помахиваетъ,
Золотыми ключами добрякиваетъ.
Красная девица возговорила :
Пронадай же мои золоты ключи,
Съ шелковымъ полсомъ,
Съ серебрянымъ мутевизкомъ.

Вдовы. Хочется ли молодушкѣ оставаться вдовушкой? —
Больно вдовушкѣ жить одной. Невольная воспоминанія тревожать ее. Посмотрѣть ли она на своихъ гуляющихъ подругъ, у ней забывается сильно сердце: ей нельзя гулять съ ними. — Что скажутъ тогда про вдовушку? Приглашаютъ ли ее на посидѣлки, она нейдетъ: ей не до веселостей. — Въ этой игрѣ представляется печальная вдовушка: она стоитъ на возвышеніи, около нея поетъ хороводъ. Иныя покрываютъ лицо вдовушки платкомъ, водятъ ее въ кругу и утѣшаютъ. При словѣ, выражающимъ ея тоску, она оборачивается къ хороводу и представляетъ себя плачущею. Первые два стиха поются протяжно, а послѣдніе коротко и скоро:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Стоялъ двоикъ хороводъ,
Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, хороводъ !
Всѣ девки весели,
Одна лишь Марьюшка,
Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, Марьюшка!
Одна лишь Марьюшка,
Безутѣшна вдовушка,

Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, вдовушка!
 Во садику гулясть,
 Личико утирасть,
 Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, хороводъ!
 Личико утирасть,
 Словечушко говорить.
 Хороводъ, хороводъ,
 Словечушко говорить!

Вдова начинаетъ говорить, а посль нея хороводъ повторяетъ послѣдніе два стиха.

Мне счастія не видать,
 Съ молодцами не гулять.
 постореніе Хороводъ, хороводъ,
 хоровода. Ой люли, не гулять!
 Меня вы не держите,
 Отсюда отпустите.
 постореніе Хороводъ, хороводъ,
 хоровода. Ой люли, отпустите!

Хороводъ расплетается и вдовушка выходитъ изъ круга. Мѣсто вдовы занимаетъ по условію другая какая либо девушка. Въ этой игрѣ не участвуютъ мушкины.

Вдова очень искусно принаровлена поселянами къ ихъ быту, и эта самая пѣснь поется еще иначе:

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Люли, право, у воротъ!
 Стоять девокъ хороводъ,
 Люли, право, хороводъ!
 У точенныхъ у дверей,
 Люли, право, у дверей!

Всѣ дѣвки веселы, веселы,
 Люли, право, веселы!
 Одна дѣвка лучшѣ всѣхъ!
 Люли, право, лучшѣ всѣхъ!
 Авдотьишка вдовина,
 Люли, право, вдовина!
 По бережку гуляетъ,
 Люли, право, гуляетъ!
 Рукавчикомъ махаетъ,
 Люли, право, махаетъ! —
 Сердечушкомъ вздыхаетъ,
 Люли, право, вздыхаетъ!
 Словечушко говоритъ,
 Люли, право, говоритъ!
 Ахъ! свѣтъ моя сторона,
 Люли, право, сторона!
 Покровская слобода,
 Люли, право, слобода! —
 Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать,
 Люли, право, не бывать!
 Пивца, винца не пивать,
 Люли, право, не пивать!
 Сладкихъ яблонъ не ѣдать,
 Люли, право, не ѣдать!
 Съ молодцами не гулять,
 Люли, право, не гулять! —

Вмѣсто окончательныхъ стиховъ: люли, право, у воротъ; люли, право, хороводъ—и т. д., другія поютъ: люли, право; у воротъ, люли, право, хороводъ—и т. д. Нѣть сомнѣнія, что слово *право* переименовано пѣсельниками въ браво, тѣмъ болѣе, что эта пѣснь довольно старинная, пѣвалась прежде иначе, и безъ браво, которое вошло у насть въ употребленіе едва ли раньше конца XVIII вѣка. Вотъ какъ она пѣлась въ старину:

У нашихъ то у воротъ, да у воротъ,
 У точенныхъ у дверей, да у дверей,
 Стоялъ девокъ хороводъ, да хороводъ.
 А всѣ девки веселы, да веселы,
 Одна девка лучше всѣхъ, да лучшіе всѣхъ,
 Авдотьушка вдовина, да вдовиша.
 По бережку гуляла, да гуляла,
 Рукавчикомъ махала, да махала,
 Сердечушкой вздыхала, да вздыхала,
 Словечушко сказала, да сказала :
 Ахъ ты свѣтъ, моя сторона, да сторона!
 Покровская слобода, да слобода:
 Ужъ инѣ въ тебѣ не бывать, да не бывать,
 Пинца, пинца не нивагъ, да не нивагъ ;
 Сладкихъ яблокъ не єдать, да не єдать,
 Съ молодцами не гулять, да не гулять (*).

Эта забава сопровождается не однимъ пѣнiemъ, но гуляй,
 и пляскою. Когда наши добрые мужички поразвеселят-
 ся и язычекъ у нихъ поразвяжется, тогда начинаютъ
 они: гуляй, гуляй! Женушки себѣ тоже, только съ мо-
 лодцами. Мужичекъ и пляшетъ, и поетъ, и скачетъ, и
 гуляетъ; мужичекъ въ то время и учить свою жену:
 онъ беретъ плётку и напоминаетъ ей про разгулье.—
 Это характеристическая игра, которая живо рисуетъ
 разгульную жизнь нашихъ мужичковъ.

Хороводъ составляется изъ девушекъ, молодушекъ и
 молодцовъ. Небравшись за руки, ходятъ кругомъ,
 пляшутъ и поютъ:

(*). Нов. и полн. собр. русск. пѣсн. ч. 2. № 178, изд. въ
 Москвѣ 1780 г.

Какъ у насть во пиру,
 Какъ у насть во бесѣдѣ ;
 Ай люли, люли, во бесѣдѣ !
 Всѣмъ молодушкамъ весело,
 Всѣмъ Ивановнамъ весело ;
 Ай люли, люли, весело !
 Одной молодушкѣ грустно,
 Одной молодушкѣ скучно ;
 Ай люли, люли, скучно !
 Ужъ у ней ли старой мужъ,
 Ужъ у ней ли старой грибъ .
 Ай люли, люли, старой грибъ !
 Молодушкѣ погулять,
 Молодушкѣ побывать,
 Ай люли, люли, побывать !
 Съ ребятами поиграть,
 Съ неженатыми потолковать,
 Ай люли, люли, потолковать !
 Запрещаетъ, не велитъ,
 Грозить бѣдную побить,
 Ай люли, люли, побить !
 Слезы катятся, играть хочется ,
 А стару мужу не покорюсь ,
 Ай люли, люли, не покорюсь !
 Отнуди сударь батюшка,
 На улицу погулять ,
 Ай люли, люли, погулять !
 Я пошла млада, разгулялась ,
 Во зеленомъ саду разыгралась ,
 Ай люли; люли, разыгралась !
 Все съ ребятами съ неженатыми . —
 Что заря пришла, я домой пошла !
 Ай люли, люли, пошла !
 Родной батюшка у воротъ стонитъ :
 Ты поди, поди, моя бѣдная ;
 Ай люли, люли, бѣдная !

Твой высокъ теремъ растворенъ стонть,
 Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ.
 Ай люли, люли, сидитъ!
 Шелкова плётка на столѣ лежитъ,
 Толстая дубинка передъ нимъ,
 Ай люли, люли, передъ нимъ!
 Я вошла во высокъ теремъ,
 Мой высокъ теремъ затворяется,
 Ай люли, люли, затворяется!
 Мой ревнивый мужъ подымается,
 Шелкову плеть со стола беретъ,
 Ай люли, люли, беретъ!
 Плётка свиснула, руда брызнула:
 Ужъ ты гдѣ была, жена страмница?
 Ай люли, люли, страмница!
 Я была молода во зеленомъ саду,
 Все съ ребятами съ неженатыми,
 Ай люли, люли, съ неженатыми!

При окончаніи пѣнія подходитъ подгулявшій мушкічикъ и ищетъ своей женушки. Въ кругу прячутъ ее, онъ успѣваетъ открыть и уводить ее съ собою, приговаривая: *вотъ я-ть! все съ ребятами съ неженатами!* Она просится погулять, мужъ сердится и грозить ей.— За тѣмъ снова возобновляютъ игру по желанію.

Кто не знаетъ, какое горе для мужа, когда разгульная жена его? Увлекаясь страстью къ веселой жизни, она нарушаетъ иногда супружескую вѣрность, которая, въ кругу нашихъ поселянъ, доселѣ священная. Да пребудетъ навсегда непарушимо и свято супружество! Несчастіе мужей изобрѣло игру разгульной жены, или какъ иные называютъ, *гульевой*. —

Мужчины, девушки и женщины, становятся въ кругожокъ и поютъ часто укоризненные слова на жену, прямо въ бровь а въ глазъ. Порокъ открывается,

несмотря на скрътность женщины : изворотливость ея не смягчаетъ справедливо разгнѣванаго мужа. Одна изъ женщинъ разыгрываетъ разгульную жену, которую помѣщаются въ кружкѣ. Женщина сначала издѣвается надъ разгульною, потомъ начинаютъ пѣть всѣ хоромъ:

Вдоль по улицѣ широкой,
По большой по широкой !
Ой люли, по широкей !
Шли красны дѣвушки,
Шли все молодушки,
Ой люли, молодушки !

Туть разгульная поеть съ дѣвушками :

Дѣвушки подождите,
Меня съ собой возьмите,
Ой люли, возьмите !
Пойду, погуляю,
Я мужа не спрошаю.
Ой люли, не спрошаю !
Мой жененекъ старишка,
Не пускаетъ на игрища,
Ой люли, на игрища !
Я иду сама гулять,
Съ молодцами поиграть,
Ой люли, поиграть !
Старикъ мой, старишка,
Отпусти погулять,
Ой люли, погулять !

Хоръ мушинъ отвѣчаетъ :

Я тебя отпушу,
Но домой не пущу,
Ой люли, не пущу !

Весь хоръ:

Съ ребятами гулять,
Ой честь потерять,
Ой люби, потерять!

Разсерженый мужъ уводить свою жену. Толпа ста-
рушекъ коритъ ее; молодые, едва женившіеся, слу-
шаютъ съ трепетомъ, чтобы нареканіе не пало и на ихъ
женъ. Часто мужья старики досадуютъ на эту заба-
ву, но слова въ пѣснѣ не выкенепъ, говорять имъ
насмѣшицы, и игру начинаютъ вновь. Нѣкоторые
замѣчаютъ, что эта игра составляетъ любимый хоро-
водъ заокскихъ обитателей; но я видѣлъ ее и въ
южныхъ мѣстахъ Россіи, только съ большими измѣ-
неніями и часто проплетаютъ свои припѣвы, нарочно
выдуманные на этотъ предметъ. —

Подъ этамъ именемъ иные разумѣютъ скупого, мо-
торый, забѣхавъ въ чужую сторонушку, не ссорить день-
молодцій
снѣгъ.
гами. Парень долго ходилъ по свѣту, искалъ себѣ же-
ны и наконецъ нашелъ: веселую, какъ онъ самъ;
безпечную и игривую, какъ его удальство. Дѣвишки
и молодые парни, состасивъ хороводъ, становятся въ
срединѣ молодецкаго сына, и ходя вокругъ него, ра-
спѣваютъ про житъе-бытье молодецкаго сына:

На горѣ калинушка стояла,
Разными цветами разцвѣтала.
На той ли на калинѣ, сидѣтъ соловейка,
Веселы пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодому вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ молодецъ жениться,
Тебѣ красной девушки постричься.
Шайду ли я на матушку на Волгу,

Къ наибольшему тамъ атаману :
 Чемъ меня государь-батюшка подаруетъ?
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Глупою женою, неразумною :
 Я за гудокъ, а она за призку ;
 Я въ гудокъ играть, а она мотати.
 Не за честь въ люди на кручину,
 Дома кручинушки довольно.
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Умною женою и разумною:
 Я за гудокъ, а она за пѣсни,
 Я въ гудокъ, а она плясати.
 Не за честь въ люди по веселье,
 Дома весельица довольно. (*)

Говорятъ, что прежде выставляли молодецкаго сына
 ва лице: тутъ дѣвушки бралили его, и если онъ не исправлялся, то наказывали. — Пріятно, очень пріятно слышать, что существовало подобное обыкновеніе на Руси. Въ немъ заключается хороший урокъ и для вынѣмшихъ щеголей, называющихся лѣсами и а-ля музами.

Донъ Ивановичъ
 Изъ пѣсни Донъ Ивановичъ, сдѣлали короволовую забаву. Что такое значитъ Донъ Ивановичъ? Должно ли его принимать за имя рѣки, или за похожденіе обитателя рѣки Дона? Языческие Славяне боготворили рѣку: Дунай, Бугъ, Волховъ и др., но про Донъ ничего намъ неизвѣстно. Въ народныхъ напѣвахъ рѣка Волга понынѣ именуется матушкой рѣкой. — По своему большому протяженію, историческимъ событиямъ и ватагамъ разбойниковъ, Волга запечатлѣлась въ памяти народа. Сверхъ этого, будучи лучшою судоходною и рыболовною рѣ-

(*) Снегир. Русск. престонар. праздн. ч. 2. с. 97.

кой, она пріобрѣла отъ тамошнихъ сбывателей спра-
ведливое имя кормилицы. Но почему же поютъ Донъ
Ивановичъ? Потому, что это похожденіе удальцовъ съ
береговъ Дона, и можно сказать навѣрно, что они,
посѣща по торговлѣ великороссійскія земли, просла-
вились между Русскими: удальствомъ, изворотливостію,
наездничествомъ и любовью къ музыкѣ. Какъ забѣжіе
гости, они принимались съ почестью, особенно среди
семейныхъ домовъ. Тамъ ими дорожили, и тамъ готови-
ли для нихъ своихъ невѣстъ. Самая пѣснь говоритъ
намъ про это, какъ бы на пѣсни ее превратно. Есть пѣ-
сни, въ коихъ Донъ превращенъ въ Дунай, но эта пе-
ремѣна произошла отъ принятія Донъ за Дунай. —

Донцы въ извѣстности а теперь еще болѣе, ко-
гда они содѣлялись образованѣе и богаче. —
Донъ Ивановичъ не есть пѣснь, но цѣлая луда. А
почему обратили ее въ хороводъ? Нѣизвѣстно, но
извѣстно то, что ее издавна поютъ и играютъ. —
Дѣвушки собираются вечеромъ поиграть на лугу: тамъ
они поютъ сначала разныя хороводныя пѣсни, потомъ,
когда присоединяется къ нимъ молодцы, запѣваютъ Донъ
Ивановичъ. — Взявши за руки, становятся въ кружокъ;
въ срединѣ стоять Донъ Ивановичъ, съ шапкою на
головѣ и балалайкою въ рукѣ. Отъ его искусства иг-
ра принимаетъ разныя веселыя измѣненія: онъ ста-
рается олицетворить самую пѣснь, а пототу посту-
паетъ по напѣву.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынь Ивановичъ Донъ!

Ахъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,

**Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!**

**Какъ во пиръ пировать,
Во беседушку сидѣть,
На игрище поиграть.**

**Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!**

**Ужъ какъ миѣ ли молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду молодецъ,
На свой новой на крыленъ,
Закричу ли я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ :
Ахъ! какъ есть ли у мѣя,
Слуги вѣрные мои ?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки.
Вынимайте каftанъ,
Руложелтъ камчатъ ;
Вынимайте шапку,
Черную шурманку ;
Вы подайте гусли,
Звончаты мои.**

**Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!**

**Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ,**

**Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!**

**Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ,
Противъ вдовушки на скамью !**

**Донъ Ивановичъ садится съ балалайкою на землю
и играеть, къ нему подходитъ вдовушка; онъ ей кла-**

няется, и въ это время падаетъ съ него шапка; вдовушка не подымаетъ. Хороводъ продолжаетъ:

Занграль онъ въ гусли,
Занграль въ звончные свои.

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ вдовъ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ поетъ съ хороводомъ:

Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подыми шапку мурманку. —

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка поетъ съ хороводомъ предъ **Дономъ Ивановичемъ**:

Не твоя сударь, слуга,
Я не слышаю тебя.

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка не подымаетъ его шляпы, уходитъ отъ него; онъ самъ поднимаетъ и надѣваетъ.

Хороводъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
 Вдоль улицы на конецъ,
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Ахъ какъ звали молодца,
 Позывали удалца,
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ во пиръ пировать,
 Во беседушку сидѣть,
 На игрище поиграть.
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ.
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
 Къ дѣвушкѣ наконецъ,
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ садился молодецъ,
 Какъ садился удалецъ,
 Противъ дѣвушки на скамейкѣ.
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Изъ хоровода выходитъ дѣвушка, онъ ей кланяется,
 съ него падаетъ шапка; хороводъ поеть:

Заягралъ онъ въ гусли
 Заягралъ во звончатель свои.
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Молодецъ дѣвушкѣ челомъ,
 Уронилъ шапку долой.
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ съ хороводомъ:

Ужъ ты, девушка моя,
Ты красная моя,
Подиши шапку мурманку.

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Дѣвица съ хороводомъ:

Я твоя сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя. —

Донъ Ивановичъ принимаетъ съ ея рукъ шапку, и цѣлуется дѣвушкѣ. Хоръ поетъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ! (*)

Не олицетвореніе ли это жениха безъ роду, безъ племени, ишущаго себѣ невѣсту?

Въ этомъ хороводѣ часто стоять вмѣстѣ: невѣста и женихъ. И какъ тогда пріятно сердцу невѣсты, когда она слышетъ похвалы своему суженому. Часто заводятъ съ намѣренiemъ эту игру, чтобы порѣзваться на просторѣ.

Вотъ ваша цѣлая любовная дума Дона Ивановича, котораго часто называли подъ именемъ *Вадукай*. И какихъ

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. ч. 2. с. 77. Донъ Ивановичъ спи-
санъ съ его скаваній, по причинѣ полноты.

имень не давали ему! *Ваэдунай, Раздунай, горь-Дунай,
Дуки, най, най.*

Еще поютъ и разыгрываютъ иначе: въ срединѣ кру-
га ходить въ одну сторону парень и машетъ на дѣвуш-
екъ платкомъ, которая въ то время ходятъ въ про-
тивоположную ему сторону.

*Дѣвки звали молодца,
Позывали удальца,
Вониръ нировати,
Во бесѣдушку сидѣть.*

*Посадили молодца,
Посадили удальца.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!*

*Противъ вдовушки на скамъв,
На хорошей на скамъв,
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Иваневичъ Донъ!
Съ молодца мышна долей,
Съ удальца чериая долей.
Ужъ ты вдовушка подай,
Разкрасавица подай!*

*Не раба сударь, твоя,
Не работаю на тебя.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Не честь молодцу,
Не хвала удальцу.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!*

*Дѣвки звали молодца,
Позывали удальца,
Во ниръ нировати,
Во бесѣдушку сидѣть.*

Посадили молодца,
 Посадили удальца.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Противъ девицы на скамъвъ,
 Противъ хорошей на скамъвъ.
 Съ молодца шляпа долой,
 Съ удальца черная долой,
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Ужъ ты девица подай,
 Разхорошая подай.
 Я раба, сударь твой,
 И работаю на тебя
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Спасибо тебе душа,
 Девушка хорошая.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вотъ еще измѣненіе Дона Ивановича :

Ой Донъ ли мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ изъ улицы въ конецъ,
 Идеть добромъ молодецъ ;
 Онъ платкомъ махаетъ,
 Важко разговариваетъ :
 Меня звали молодца,
 Позывали удальца ;
 Во пиръ цирювать,
 Въ бесѣдушку сидѣть.
 Посадили молодца,
 Противъ вдовыни на скамъвъ.
 Молодецъ вдовѣ чесомъ,

Съ молодца шляпа долой.
 Шляпу вдовинъка подай!
 Разгорюшенька подай!
 Не слуга сударь тебе,
 Не послушаю тебя;
 Не послушаю тебя,
 Черну шляпу не подамъ.
 Не радошенья молодецъ,
 Онь головушку повесиль,
 Самъ заплакалъ и пошелъ.
 Какъ изъ улины въ конецъ,
 Идеть доброй молодецъ.
 Слезно плачетъ и рыдаетъ,
 Платкомъ слезы утираетъ.
 Меня звали молодца,
 Позывали удальца,
 Во ширь шировать,
 Во бесвѣдушку сидѣть.
 Посадили молодца,
 Противъ девушки на скамью.
 Молодецъ девкѣ челомъ,
 Съ молодца шляпа долой.
 Ужъ ты девица, подай!
 Разкрасавица подай!
 Я слуга сударь твоя,
 Я послушаюсь тебѣ,
 Черну шляпоньку подамъ.
 Доброй молодецъ,
 Радошенья и веселье;
 Самъ защелкалъ да пошелъ,
 Веселую пѣсеньку запѣлъ:
 Про Дуняшу, про Ульяшу,
 Про сударушку свою. —

Бурлаки. Это насмѣшка надъ бездомными людьми. Ихъ представляютъ въ видѣ бурлаковъ.—Бурлакъ есть собствен-

но малооресійское слово, и значить переходного человѣка, который порядочно зарабатываетъ и богатѣеть. Въ Велико-рессіи проименовали бурлаками судовщиковъ, кои отправляются въ концъ зимы въ понизовые города. Жизнь ихъ, по причинѣ большой бѣдности, очень грубая. Котомка, деревянная ложка, палка, лапти и верхняя изорванная одежда, — вотъ все, что они имѣли и имѣютъ при себѣ. Въ прежніе годы, во время ихъ переходовъ чрезъ города и селенія, они производили большія беспокойствія жителямъ: располагались становъ на площадяхъ, особенно около рынка, и заводили скоры съ торговками. — По этому случаю составлены на ихъ счетъ многія пѣсни. —

Одинъ изъ ловкихъ молодцевъ представляетъ бурлака, который сманиваетъ неопытную девушку, называемую *дѣвка-незнавка*.

Передъ нашими вороты,
Передъ нашими вороты.
Люли, люли, бурлаки!
Передъ нашими вороты,
Разыгралися ребята.
Люли, люли, бурлаки!
Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки!
Они шуточку шутили,
Во новы свѣни вскочили
Люли, люли, бурлаки!
Во новы свѣни вскочили,
Новы свѣни подломили,
Люли, люли, бурлаки!.
Новы свѣни подломили,
Красну девку подманили,
Люли, люли, бурлаки!

Красну лѣвку подѣлиши,
Въ новы сани садили.
 Люли, люли, бурлаки!
 Ты садися, лѣвка, въ сани,
 Ты позденій, лѣвка, съ нами.
 Люли, люли, бурлаки!
 Съ нами, съ нами, молодцами,
 Съ понизовыми бурлаками.
 Люли, люли, бурлаки!
 У насть жить будеть добренько,
 У насть горы золотыя.
 Люли, люли, бурлаки!
 У насть горы золотыя,
 Въ горахъ камни дорогie.
 Люли, люли, бурлаки!
 На обманъ лѣвка сдалася,
 На бурлацкія пожитки.
 Люли, люли, бурлаки!
 А бурлацкія пожитки,
 Что добры да не велики.
 Люли, люли, бурлаки!
 Что добры, да не велики,
 Одна ламка да котомка,
 Еще третья то оборти.
 Люли, люли, бурлаки! (')

Зайнъка. Многія хороводныя наши пѣсни изображаютъ се-
мейный бытъ, въ разныхъ его отношеніяхъ, но зайнъ-
ка менѣе всѣхъ говоритъ объ немъ. Нѣкоторые изъ
русскихъ писателей замѣчаютъ, что онъ выражаетъ
сельское сватовство; что игроки избираютъ изъ среди
себя рѣзвыхъ и отважныхъ парней, которые носятъ
названія: зайнъки, тестя, тещи, шурина и своячницы;

(') Чулковъ: Собр. пѣсн. ч. 1. с. 223.

что эта игра замѣчена въ одномъ московскомъ уѣздѣ, по троицкой дорогѣ. Я видѣлъ эту забаву во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно въ Малороссіи, гдѣ она въ большомъ употребленіи между дѣтьми и дѣвушками, которая просто забавляются въ заинька, какъ имъ вздумается, и поютъ:

Заинька, заинька,
Сѣринькой заинька,
Сѣринькой заинька.

Представляющій заиньку бѣгасть по кругу и хотеть выбѣжать изъ него; ему кричатъ:

Заинька, заинька,
Сѣринькой поизлаши!
На замочки присядь,
Бочкомъ, и ружномъ прилагь.

Заинька вертится, ищетъ мѣста, хочетъ выскочить; хороводъ не выпускаетъ:

Сѣринькой заинька,
Не скачи, не вертись;
Нриляжь, повернись,
Бочкомъ, кружномъ поматись.

Заинька высакиваетъ и хороводъ разстраивается.

Судя по другой хороводной вѣсни, она выражаетъ сватовство. —

Заинька бѣлинькой!
Хожу я не хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу,
Ищу богатаго тестя.
Нашель я, нашель я,

Богатаго тестя.

Будь ты мнъ тестикъ,
А я тебъ зятикъ.

Занинка бывинькой!

Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.

Ищу я ласкову тещу.
Нашель я, нашель я,
Ласкову тещу.

Будь ты мнъ темца
А я тебъ зятикъ.

Занинка бывинькой!

Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.

Ищу я богатаго шуриня.
Будь ты мнъ шуринъ,
А я тебъ зятикъ.

Занинка бывинькой!

Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.

Ищу я ласкову своячину.
Нашель я, нашель я,
Ласкову своячину.

Будь ты мнъ своячина,
А я тебъ зятикъ.

Занинка бывинькой!

Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.

Ишу я себъ ладу милую.
Нашель я, нашель я,
Себъ ладу милую.

Будь ты мнъ лада невѣстой,
А я тебъ женихомъ.

Я выпивши пива,
Ударю тестя въ рыло;
Я пріѣвиши пироги,
Пущу тещу матушку въ толчки.
Осѣдлай шуринъ коня,
Потѣжай шуринъ со двора. —

Ласковой своячинѣ,
Подарю подарочекъ,
Шелкову плетку.
Весель я, весель,
Что одинъ остался.
Съ своей ладой милой,
Съ своей ладой милой,
Три раза поцѣшуясь. (*)

Дѣйствительно ли зайвька могъ служить когда либо предметомъ, для изображенія семейнаго быта? — Заецъ, по своей трусливой природѣ, можетъ служить только для забавы рѣзвой, беззечной и неопытной юности, которая не размышляетъ о томъ, что ожидаетъ ее впереди. — Играютъ въ зайвьку еще иначе. Мужчины и дѣвушки, побравшись за руки, составляютъ довольно обширный кругъ; въ срединѣ его помѣщается заецъ, избираемый изъ мальчиковъ. — Хороводъ двигается то въ правую, то въ лѣвую стороны, оставаясь въ равномъ разстояніи отъ зайца, и поетъ:

Зайвька ускоки, стѣрньюкай ускоки,
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ поднимается на лапочки и хочетъ выскакнуть изъ круга, но его не выпускаютъ. Тогда онъ, упираясь руками обѣ землю, кружится во всѣ стороны.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 83.

Заныка ускоки, стрыньюкай ускоки,
И подъ бочки подопрись,
И подъ бочки подопрись.

Заецъ подпирается въ бочи *фертикомъ* и забрасываетъ ногу: сначала одну, потомъ другую.

Заныка въ ладоши, стрыньюкай въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ ставъ на кортежки, беть въ ладоши; потомъ мечется во всѣ стороны.

Здѣсь города все нѣмецкіе,
Здѣсь города все нѣмецкіе,
Закрѣпочки все желвазны,
Закрѣпочки все желвазны.
Есть зайцу куда выскочить,
Есть зайцу куда выскочить.
Сврому куда выскочить,
Сврому куда выскочить.

Заецъ начинаетъ куакать, какъ дитя; взвизгивать, подражая зайцу, пойманному въ тенатахъ; брыкать ногами и старается вырваться изъ круга. Мушки отталкиваютъ его и кричатъ: ату—уу!—у—лю. Дѣвушки машутъ на него платками. Наконецъ заецъ, замѣтивъ слабое мѣсто, вырывается изъ круга и этимъ оканчивается игра. —

Гус. Чертятъ небольшой кругъ и въ срединѣ его садится волкъ, кому завязываютъ глаза; потомъ молодые люди, составляющіе хороводъ, берутся за руки и становятся вокругъ волка, на довольно значительное разстояніе отъ начерченного круга; между хороводомъ в кругомъ помышлаются дѣти: они играютъ гусеницъ.

Хороводъ. А гуси, вы гуси!
Гусенята. Га га га, га га га.
Хороводъ. Вы сѣрыя гуси!
Гус. Га га га, га га га,
Хор. А гдѣ гуси были?
Гус. Га га га, га га га.
Хор. Кого гуси видѣли?
Гус. Га га га, га га га. —

Въ то время, когда гуси кричать, волкъ бросается на нихъ, чтобы схватить кого нибудь, и если поймаетъ, то отводить на средину и сажаетъ на определенное имъ мѣсто. Посаженный не смѣеть встать до окончанія пѣсни. Если же волкъ не поймаетъ, то возвращается на свое мѣсто и ждетъ нового крика гусей. —

Гусенята. Мы видѣли волка,
 Унесъ волкъ гусеника;
 Что самаго лучшаго,
 Что самаго большаго.

Хоров. А гуси, вы гуси!
Гус. Га га га, га га га.
Хор. Щиплите-на волка.

Пойманныя и непойманныя гуси бросаются на волка, а онъ, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, кружится и старается ускользнуть изъ хоровода, что не такъ легко сдѣлать, потому что хороводъ не выпускаетъ волка. Если ускользнетъ волкъ, то его не трогаютъ болѣе, и игра оканчивается.

Вотъ замъ болицетворенное сватовство. Снѣгирь—же-^{Синичка} синичка, послѣ долгихъ неудачъ рѣшается жениться, а между тѣмъ знакомые спрашиваютъ его: почему онъ не женится? Онъ отвѣтываетъ: что ему нѣкого взять за себя. Такой обыкновенно отвѣтъ у жениховъ съ неудачами. Наконецъ синичка, сестра снѣгиря, созываетъ къ

себѣ гостей и тутъ улаживаетъ выборъ. Такъ дѣлается въ семейной жизни, въ коей женщины довершаютъ свадьбу.

Во время хоровода снѣгирь — женихъ ходить въ кругу, обращаясь лицемъ къ поющимъ, и высматриваетъ невѣсту. Хоръ поетъ:

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варила,
Солоду купила, хмѣлю взаймы взяла.
Черной дроzdъ пивоваромъ былъ,
Сизой орель винокуромъ слыть.
Дай же намъ, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина пакурить.
Созвемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташекъ.
Совушка, вдовушка, незваная пришла, —
Снѣгирюшка по ствичкамъ похаживаетъ,
Совушка головку поглаживаетъ. —
Стали всѣ птачки межъ собой говорить:
Что же ты снѣгирюшка не женишься?
Радъ бы я жениться, да нѣкого взять:
Взялъ бы я чечетку, — то матка моя,
Взялъ бы я синичку, — сестричка моя,
Взялъ бы я сороку, — щекотливая.
Есть за моремъ перепелочка,
То миѣ ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю, за себя возьму.
Здравствуй хозяинъ съ хозяйкою,
Съ малыми дѣтками на многи лѣта! (*)

(*) Чулк. Собр. пѣсн. с. 232.; Собр. пѣсн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 2. с. 92. и издан. Моск. 1822 г. ч. 3. № 269. Говорить, что синичка сочинена въ царствованіе Иоанна грознаго, и что въ тоже время она запрещена, потому что она заключала въ себѣ

Это насмѣшка надъ разными недостатками дѣвицъ <sup>Боробу-
шевъ.</sup> и молодыхъ парней. Она вошла въ хороводъ въ видѣ поученія, и часто случается, что намеки производить явное неудовольствіе, или между играющими или между тѣми, кои смотрѣть на эту забаву. Въ старину не знали театральныхъ представлений, но за то многія пѣсни служили нашимъ предкамъ изъясненіемъ слабостей сбоего пола. Бывають случаи, что пороки не всегда могутъ быть осмѣяны явно. — Древніе народы рассказывали объ нихъ подъ видомъ басней, потомъ вывели ихъ на сцену подъ многоразличными измѣненіями, и наконецъ олещетворили ихъ на театрахъ. — Наши зрѣлица, появившіяся въ половинѣ XVII вѣка, въ царствование Алексея Михайловича, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ достойнаго его любимца, близкаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, не могли занять простой народъ, который и доселе забавляется хороводными играми отъ души и сердца. Пора бы намъ заняться своимъ народнымъ, вводить свое, потому что многое чужестранное не по насть и не по нашему духу. Справедливо сказалъ въ свое время объ иноземцахъ, ближній бояринъ Афанасій Лаврентьевич

намекъ на жизнь какого-то боярина, и что потомъ пѣснь эта содѣялась любимою при застольныхъ пиршествахъ, одного великаго монарха, какъ думаютъ Петра I. Сочинитель Сказ. русск. народа, г. Сахаровъ (кн. З. с. 60. изд. 1841 г.) ве вѣрить этому преданію: онъ требуетъ на это историческихъ актовъ. Да разве все историческія события вполнѣ основаны на актахъ? — Многія, и очень многія, подтверждаются одними народными преданіями. Почему же не вѣрить, что эта пѣснь имѣть свое преданіе? У сочинителя сказаний русск. народа, почти все событія взяты изъ изустныхъ преданій,—по этому и ему надлежало бы не вѣрить; отъ него такъ же надобно требовать историческихъ фактовъ. —

Ордынъ-Нашекинъ: *ихъ пластья не по чась, а наши не по чась.* — Какъ бы ии было, игра воробушекъ есть любимая между сельскими жителями, и она дѣйствительно веселитъ всѣхъ ихъ. — Дѣлается кругъ изъ воробушекъ и молодцевъ, въ срединѣ ихъ стоитъ воробушекъ, одинъ изъ играющихъ; онъ представляетъ, при пѣніи пѣсни, разными своими тѣлодвиженіями и коверканіями, походку гордыхъ, уродливыхъ, настырныхъ и ненавистныхъ людей. Искусство воробушкиа состоять въ томъ, чтобы умѣть все выставить ловко и естественно.

**Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣти ходать?**

Онъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

**Они такъ, и вотъ такъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ орешки лежать.**

**Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ девицы ходять?**

Воробушекъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

**Они такъ, и вотъ такъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидять.**

**Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ молодцы ходять?**

Воробушекъ представляетъ ихъ.

**Они такъ, и вотъ такъ:
Туды глядь, сюды глядь,**

Где голубушки сидать. —
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ старушки ходятъ?

Онъ показываетъ имъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ молодые сидять —
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ купцы ходятъ?

Отвѣтъ походкою:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ товары лежать.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ скучные ходить?
 Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ сундуки стоять.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ наши вороги ходятъ?
 Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Какъ честные говорать.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ злые люди ходятъ?

Показываетъ имъ.

Они этакъ, и вотъ этакъ;
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ добрые сидять. —

Вопросы продолжаются иногда долго, смотря по за-

нимательности и ловкости вопрошающихъ. Оканчиваются обыкновенно:

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ скажеть чивъ, чивъ воробей?
Вотъ этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
И порхъ черезъ заборъ.

Воробушекъ старается вылетѣть изъ круга, и тотъ, кто могъ удержать его и не удержитъ, заступаетъ его мѣсто; въ противномъ случаѣ воробушекъ снова всту-
паетъ въ прежнюю свою игру.

Есть другая игра воробушекъ. Она разыгрывается съ тою цѣллю, чтобы посмѣяться надъ предающимися пьянству. Нѣкоторые думаютъ, что ее только разыгрываютъ на Успеніе, и когда гости бываютъ на веселѣ. Можеть быть это такъ было прежде, но съ того времени, какъ эта игра сдѣлалась хороводною, она превратилась въ одну забаву; разыгрываютъ ее, когда вздумаютъ, и по-
ютъ, что имъ по сердцу. Самая пѣснь выскажетъ намъ это лучше. —

У воробушки головушка болѣла,
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.
У воробушки сердечушко щемило —
Охъ, какъ щемило?
Такъ щемило, вотъ такъ щемило, этакъ щемило. —
У воробушки спинушка болѣла,
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.
У воробушки рученьки болѣли,
Охъ, какъ болѣли ?

Такъ болыи, вотъ такъ болыи, этакъ болыи.
 У воробушки ножинки болыи,
 Охъ, какъ болыи?
 Такъ болыи, вотъ такъ болыи, этакъ болыи.
 Ужъ стала воробей присѣдати,
 Охъ, какъ воробей присѣдати?
 Такъ присѣдати, вотъ такъ присѣдати, этакъ присѣ-
 дати.
 Захотѣлъ воробей перемѣны,
 Охъ, какъ перемѣны?
 Такъ перемѣны, вотъ такъ перемѣны, этакъ пере-
 мени.

Еще поютъ :

У воробушки головушка болыла,
 Такъ болыла, такъ болыла.
 У воробушки сердечушко щемило. —
 Такъ щемило, такъ щемило, такъ щемило.
 У воробушки спинушка болыла,
 Такъ болыла, такъ болыла, такъ болыла. —
 У воробушки рученька болыла,
 Такъ болыла, такъ болыла, такъ болыла.
 У воробушки ножинка болыла, —
 Такъ болыла, такъ болыла, такъ болыла.
 Ужъ какъ стала воробей присѣдати,
 Такъ присѣдати, такъ присѣдати, такъ присѣ-
 дати. —
 Захотѣлъ воробей перемѣны. —

Въ смоленской губерніи разыграваютъ иначе воробушка. Молодые люди, взявшись за руки, составляютъ кружокъ; въ срединѣ его ходятъ воробушекъ:

А у воробушки головушка
 Болитъ, болитъ, болитъ;

А у воробушки сердечуно
 Щемить, щемить, щемить.
 Не пора ль тебе воробушка,
 Садиться на лужокъ?
 На лужечекъ, на пружечекъ,
 На желтенькой на песочень?

При этихъ словахъ воробушекъ садится или становится на колѣни.

Хоръ поетъ:

Не пора ль тебе, воробушка,
 Встать, полетать?
 Встать, встать, полетать?
 Кого любишь, цѣловать. —

Воробушекъ встаетъ, машетъ руками и бѣжитъ по хороводу, наконецъ останавливается предъ той, которую цѣловать хочетъ, и пѣлуетъ. Но цѣлованная имъ выходитъ на средину хоровода, и игра повторяется тѣмъ же порядкомъ.

Воробушки. Дѣвушки и парни, взявшись за руки, скачутъ и пляшутъ, соображаясь съ дѣйствіями воробушекъ. Весь хороводъ поетъ громко, весело и со всѣми измѣненіями разнообразныхъ забавъ.

Воробы скачутъ, воробы пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилишутъ,
 Собираютъ свою братью.
 Ахъ братцы, всѣхъ моихъ!
 Воробы скачутъ, воробы пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилишутъ,
 Собираютъ свою братью,
 Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!

Воробы скакуть, воробы пляшутъ,
Попелешутъ, пипилишутъ,
Собираютъ свою братью.

Ахъ братцы, всѣхъ до старого!

Воробы скакуть, воробы пляшутъ,
Попелешутъ, пипилишутъ,
Собираютъ свою братью,
Да всѣхъ во единой кругъ.

Воробы скакуть, воробы пляшутъ,
Попелешутъ, пипилишутъ.
Собиралися на зеленой лугъ,
Ахъ на рабинушку.

Воробы скакуть, воробы пляшутъ,
Попелешутъ, пипилишутъ.

Тутъ хороводный кругъ разрывается, дѣвушки рожаютъ парней и потомъ составляютъ свой кругъ:

Зароняютъ свою братью,
Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!

Воробы скакуть, воробы пляшутъ,
Попелешутъ, пипилишутъ,
Разгоняютъ свою братью,
И всѣхъ до старого!

Парни разогнаны отъ малаго до большаго, однѣ дѣвушки скакуть въ хороводѣ.

Красны дѣвушки, все голубушки,
Собиралися, соходилися,
Ахъ, на зеленой лугъ!

Разогнанные парни пристаютъ къ дѣвушкамъ, и составляютъ общий съ ними кругъ.

Добрьи молодцы, разудальи!
 Собиралися, соходилися
 Къ краснымъ дѣвушкамъ,
 Ахъ, во широкой кругъ!
 Всъ развалися, веселились,
 Съ молодчиками,
 Съ удалими совыкалися.

Одинъ парень, разыгрывая сизого воробушка, входитъ въ кругъ, и когда запоють: разгонялъ, разсыпалъ и т. д., тогда онъ разознываетъ пару, выгоняетъ изъ круга дѣвушку а за нею ея парня.

Сизъ воробушекъ, сизъ молоденькой,
 Доброй молодецъ, разудаленькой.
 Разгонялъ, разсыпалъ красныхъ дѣвушекъ,
 Онъ съ первой, онъ до послѣдняго!

Послѣднія четыре строчки поютъ хороводныя до-
 толь, пока онъ не разгонитъ всѣхъ и самъ улетить
 послѣ.

Люди все бы пировали и веселились, если бы нужда не разгоняла ахъ, а эта нужда: ихъ мотовство и разореніе отъ пиротъ. Веселящіеся пепелешутъ, какъ воробы, пока есть кормъ; не станетъ его, чирикаютъ, разлетаются во всѣ стороны и не узнаютъ тѣхъ, у кого веселились; даже забываютъ ихъ, оправдывая собою общенародную поговорку: всѣ пріатели и друзья, до чернаго лишь дня. —

Воложинъ. Эта игра употребляется преимущественно въ юдахъ смоленской губерніи: юхновскомъ, гжатскомъ, сычевскомъ и частію вяземскомъ и духовщинскомъ. Играютъ слѣдующимъ образомъ: сажаютъ молодого парня на траву и покрываютъ его платкомъ. Возлѣ не-

где обрашается одна девушка, которая во время пѣнія ходить вокругъ его: то въ правую, то въ лѣвую сторону; ихъ окружаетъ поющій хороводъ:

Кругъ куста, кругъ куста;
 Ракитова кустика;
 Ракитова кустика.
 Ходила, гуляла,
 Молодая воложаночка,
 Молодая воложаночка. —
 Кликала, гаркала,
 Молодаго воложанина,
 Молодаго воложанина:
 Подъ сюда, подъ сюда;
 Молодой воложанинъ подъ сюда.
 Молодой воложанинъ, подъ сюда. —
 Подъ сюда, подъ сюда;
 Солода растить, подъ сюда;
 Сороды растить, подъ сюда.

Молодой парень отвѣчаетъ:

Я не умень, я не гораздъ;
 Солода растить я не умень,
 Солода растить я не гораздъ.

Хороводъ, повторяя прежніе стихи, зоветъ воложанина варить пиво:

Подъ сюда, подъ сюда;
 Пиво варить, подъ сюда,
 Пиво варить, подъ сюда.

Парень отвѣчаетъ:

Я не умень, я не гораздъ;
 Пиво варить я не умень,
 Пиво варить я не гораздъ.

Хороводъ преть времія слова и логомъ прыма-
наетъ воложанія цѣловать дѣвушекъ.

Подъ сюда, подъ сюда;
Дѣвокъ цѣловать, подъ сюда,
Дѣвокъ цѣловать, подъ сюда.

На этотъ зовъ парень отвѣтчаетъ:

То я умью, то я гораздъ;
Цѣловать дѣвокъ я умю,
Цѣловать дѣвокъ я гораздъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ сбрасываетъ съ себя платокъ, подхолитъ къ хороводу и цѣнуетъ которую нибудь изъ дѣвушекъ; ходившая же вокругъ его, цѣнуетъ другого мужчины. Подѣланнныя занимаютъ мѣста воложанія и водопадки; потомъ игра повторяется и продолжается по общему согласію. —

Интер. Въ этой игрѣ болѣе участвуютъ дѣвицы, включая ящера, которымъ всегда бываетъ мальчикъ. На него набрасываютъ платокъ, потомъ составляютъ около него кругъ, пляшутъ и поютъ:

Сиди, сиди ящерь,
Въ ореховомъ кустѣ;
Грызи, грызи ящерь,
Каленые ядра,
Дамъ тебѣ ящерь —
Красную дѣвку,
Алую ленту. (*)

(*) Въ пѣсевникахъ изданія С.-П.-Б. 1829 г. ч. 4, № 80 и москов. 1822 г. № 829, тамъ напечатано.

Одна изъ девушки выходить изъ хоровода и спрашиваетъ:

Кто сидитъ?
Ящерь.
Что грызетъ?
Ядры.
Кого хочетъ?
Девицу.
Которую?

Ящерь называетъ вилы девушки, участвующей въ хороводе; вызванная бросаетъ ему платокъ и садится возлѣ него. Такое дѣйствіе продолжается дотолѣ, пока все девушки не перейдутъ къ ящеру. Потомъ все девушки встаютъ, снова становятся въ хороводъ и пляшутъ:

Насидѣлся ящерь,
Въ орѣховомъ кустѣ;
Насмотрѣлся ящерь,
На красныхъ девокъ.
Отдай же ящерь,
Алую ленту;
Алую ленту,
Дѣвки Надѣжи.

Ящерь раздаетъ по принадлежности платки, хоръ пляшетъ и поетъ, пока онъ всемъ не раздастъ. —

Разыгриваются еще ящера плачо. Изобразь парня или

Сиди ящерь въ орѣховомъ кустѣ,
Щипли ящерь зѣльи орѣхи,
Грызи ящерь орѣховы ядра.
Лови девку за русую косу,
Лови красную зѣлью ленту.

дѣвушку, ставить въ срединѣ круга вмѣсто ящера. Играющіе образуютъ кругъ, и побравшись за руки, ходятъ въ одну сторону, припѣвая:

Сиди, сиди ящерь,
Въ ореховомъ кустѣ;
Гложи, гложи ящерь,
Ореховы ядра;
Лови, лови ящерь,
Дѣвку чернобровку.

Пр. окончаніемъ прѣцѣа, весь хороводъ наливается бо-
ро, вѣртѣться, въ одну сторону. Ящерь старается пой-
мать этого либо изъ кружачихся; пойманнаго цѣлуетъ
его и становится разыгрывать ящера.. Такамъ образомъ
продолжается игра.

Селезень.

Воложанинъ и ящерь, выражаютъ волокитство. ---
Забавляются не одни взрослые но и дѣти, для кото-
рыхъ селезень составляетъ гимнастическое занятіе, по-
тому что здѣсь бѣгаютъ и вѣртятся. По обыкновенію дѣ-
лается хороводный кругъ, въ срединѣ его бѣгаютъ се-
лезень и утка: селезень гонится за уткою, старается сло-
вить ее; она уходитъ отъ него.. и ныряетъ. Селезень
кричить, утка выплываетъ и это продолжается дото-
лѣ, пока парень не словить дѣвушку. Часто хороводные
не допускаютъ до этого: они кричатъ и машутъ руками.

Селезень, селезень,
Сизъ голубчикъ селезень!
Селезень, догоняй утку;
Молодой, лови утку.
Хохлатой селезень,
Селезень, догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди свиньяка домой.,

Гдѣ утушка твоя?
 Гдѣ семеро твоихъ дѣтей?
 Седеень, селезень,
 Сизъ голубчикъ селезень!
 Утушка вырястъ,
 По полямъ лгаетъ.
 Кигъ-кигъ, — догоняй!
 Кры-кра, утушка домой!
 У селезя семеро дѣтей,
 А самъ осьмой безъ ногъ.—

Разсерженый селезень нападаетъ на утку: ее защищаютъ. Эта оборона вѣдетъ къ ссорѣ, потому что долгое бѣганье приводить его въ усталость и лишаетъ охоты ловить болѣе. Отсюда произошла поговорка: подздоривай задоръ. — Вырнувшая утка, надсиѣхается надъ селезнемъ; онъ принимается за задоръ: укоряетъ и ссорится.

Есть еще другая хороводная игра селезень, обращенная въ насмѣшку надъ тѣми неопытными мужьями, которые довѣряютъ своихъ женъ молодымъ своимъ знакомымъ. — Селезня играетъ молодой парень; онъ, ходя въ кругу, поетъ съ прочими:

Ужъ какъ по рѣкѣ широкой,
 Какъ по рѣкѣ раздольной.
 Ой люди, селезень!
 По той рѣкѣ да по широкой,
 Бѣжитъ доброй молодецъ,
 Ой люди, селезень!
 Ты постой, постой,
 Хѣхлатой селезень!
 Ой люди, селезень!
 Плынетъ, ни ворохнется.
 Плынетъ-то удалой,
 Ой люди, селезень!

Онь къ молодушамъ плыветь,
Самъ весельцемъ гребеть.
 Ой люли, селезень!
Подъ сердцемъ замобумна :
Въ дому сударушки одна,
 Ой люли, селезень!
Ты постой, постой!—
Я сударушка не твоя.
 Ой люли, селезень!

Хороводные обращаются къ предстоящимъ и произносятъ съ извѣтльшой на смѣшкою :

Во тебя ли во дому,
Сочинилася бѣда?
Измѣнила молода!
 Ой люли, селезень!

Извѣтльный оборотъ производить иногда неудовольствіе, особенно, если обратить глаза на виновницу молодушекъ. Мужья, нахмуривъ брови, какъ случается вѣздѣ, уходить съ ними домой для расчета. (")

Слѣдующая пѣснь выражаетъ любовь дѣвушки къ своему милому. Первые три стиха поетъ играющая селезня, а прочие оканчиваются стоящіе въ хороводѣ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,

(") Эта пѣснь напечатана съ большими изменениями, въ сравненіи съ издан. г. Сахар. Сказ. русск. нар. 1841 г. ч. 3. с. 37. № 33 и с. 61.; с. 42. № 48 и с. 67., варианты № 48. Изъ этого можно видѣть, что наши хороводные пѣсни подвержены мастерствомъ принаровленіямъ, по послѣднѣмъ : что *серебро*; то *корсет*; что *деревня*, то *обычай*.

Я каftанъ ему купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобрюхий селезень,
Черноглазой селезень,
Въ каftанѣ селезень.

И я селезни любила,

Я касатова хвалила,

Я камзольъ ему купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазей селезень,
Въ каftанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень.

И я селезни любила,

Я касатова хвалила,

Черны бархатныя штаны купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ каftанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штаниахъ.

И я селезни любила,

Я касатова хвалила,

Я чулки ему купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ каftанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штаниахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Башмачки ему купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бывыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьяновыхъ башмакахъ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Пряжечки ему купила. —

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень.
Въ каftанѣ селезень,
Въ камзэльѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бывыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ саfьяновыхъ башмакахъ. —

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Ему сердце отдала.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень, —
Ему сердце отдала. —

Отдавшая свое сердце, подаеть руку любимому єю парню, который выводить ее изъ круга.—Если желаютъ еще играть селезня, то вновь начинаютъ въ прежнемъ порядке. Часто привимаютъ участіе, въ этой забавѣ, молодые парни. Тогда невольно обнаруживается скры-

тная любовь парня къ своей дѣвичѣ; тогда распространяется повсюду слухъ: парень полюбилъ, парень женится, вѣдь не даромъ онъ игралъ съ нею! —

Неподѣльное русское веселье, когда варить пиво.^{пиво варить.} Тогда бываетъ радость не только въ семейномъ кругѣ, но и въ цѣломъ околодкѣ. Вездѣ говорятъ: тамъ варять пиво, тамъ и веселье. Русское радушѣ: угостить и веселиться, причиною сочиненія этой хороводной игры. — Кому не радостно позабавиться! И кто какъ не Русской, веселится отъ полноты души! Разгуль сельской жизни открывается любимой забавою: пиво варить, и это бываетъ не одной осеннею порою, но во всякое время, когда задумается хороводу. Въ старое время велось обыкновеніе варить пиво осеню, предъ бабьимъ лѣтомъ. Молодые, наполнивъ кувшины брагою, выходили къ воротамъ и подчвали старыхъ, а потомъ молодыхъ людей, и когда немножко всѣ подгуляютъ, или, какъ говорятъ: хмѣль разумъ зашибеть, тогда принимались за хороводы, и плясаль всяки, кто былъ крѣпокъ на ногадъ. Теперь осталась въ воспоминаніи одна игра съ пѣснію. Дѣвушки и молодцы, избираютъ изъ своей средины хороводницу, которая и зачинаетъ:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо, мое ладо, пиво варила!
Мы съ этого пива всѣ вокругъ соберемся.
Ладо, мое ладо, всѣ соберемся!

Хороводъ, повторивъ пропѣтое, продолжаетъ:

Мы съ этого пива, всѣ разойдемся,

Расходятся въ разныя стороны.

*Ладо, мое ладо, весь присядемъ! —
Мы съ этого пива, весь присядемъ;*

Присѣдають:

*Ладо, мое ладо, весь присядемъ! —
Мы съ этого пива спать ляжемъ (лажатся),
Ладо, мое ладо, спать ляжемъ!
Мы съ этого пива опять встанемъ (встаютъ),
Ладо, мое ладо, опять встанемъ! —
Мы съ этого пива въ ладоши ударимъ (быть
въ ладоши),
Мы съ этого пива весь переньемся.
Ладо, мое ладо, весь переньемся! —
Мы съ этого пива весь передернемъ,
Ладо, мое ладо, весь передернемъ!
Мы съ этого пива домой уберемъ,
И до завтра не проснемся,
Ладо, мое ладо, не проснемся! —*

Въ другіи мыстай вмносятъ къ хороводу пиво и брагу. Случается, что отъ нея перениваются, и что на завтра встаютъ съ головной болью самыя дѣвушки, которые сначала отказывались отъ пива и браги:—Обыкновенно ихъ просятъ немножко откупашть пива: они пьютъ сначала немножко, будте бы цѣль вѣжливости, потомъ прихлебываютъ.—Когда же перазчутствуются, тогда растраиваютъ свой хороводъ и начинаютъ плясать.—На другой день собирается уже хороводъ изъ насмѣшилыхъ молодыхъ людей, которые поютъ: у воробушки головушка больша, и проч. Пусть говорить послѣ этого, что у поселянъ нѣть своихъ язвительныхъ выходокъ. —

Макр. стат. Забава дѣтская и взрослыхъ обоего пола. Въ этой игрѣ не видно ни одной черты семейнаго быта: одно веселіе и удовольствіе управляетъ хороводомъ.

Макъ растить, играють по всей Россіи и въ нѣкои изъ славянскихъ земляхъ. О произоажденіи этого хоровода, не известно. Должно думать, что онъ вошелъ въ игру у Грековъ, съ усвідомліемъ усыпляющаго свойства мака; коему еще въ древнія времена весільная гимны и изображенія его божествомъ сна, подъ именемъ Морфея. Ему строили храмы, потому, что усыпительное дѣйствіе считали сверхъестественнымъ, а что почтадесь сверхъестественнымъ, то производило всеобщее поклоненіе. — Язычество усиливало суевѣрное поклоненіе къ маку, а знаменитые афинскіе мудрецы, торжки гоненія, отъ черни, когда они смыслись въстановить маки въ ложныя. У Славянъ, хотя было божество иѣшо что подобное на Морфея, Кукимора, но она же выражаетъ бoga сна, и мы не знаемъ даже, какія совершили ей жертвоприношенія. Изъ веселыхъ весільныхъ макъ, составлялась забава. — Взявшись рука за руку, становятся въ кружокъ, который вскорѣ соединяется изъ двухъ сотъ паръ обоего пола. Сначала движутся едва замѣтно, и въ то время одна изъ девушекъ, называемая зачинщицей, начинаетъ запѣвать макъ. Но прежде всего сажаютъ въ срединѣ кого либо растить макъ, и когда всѣ заносятъ, тогда начиняется ходить кругомъ, и поютъ громко:

Ой на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою танъ, танъ.
Маковки, маковички!
Станемъ въ рядъ,
Спросимъ про макъ. (')

(') Поютъ въ разныхъ мѣстахъ различно, но вездѣ одинъ и тотъ же смыслъ:

Хороводъ останавливается, спрашивается: посѣянъ ли макъ? Сидящій въ срединѣ отвѣчаетъ: только венахана земля. Тогда хороводъ снова ходитъ вокругъ сидящаго, и поетъ первый куплетъ; потомъ останавливается и опять спрашивается: посѣянъ ли макъ? Сидящій отвѣчаетъ посѣянъ. Хороводъ продолжаетъ ходить и пѣть прежній куплетъ, пока не удовлетворить ихъ вопроса, что макъ уже поспѣлъ. Вопросы дѣлаются иногда произвольные, но обыкновенно послѣ вопроса: посѣянъ ли макъ? — повсюду спрашиваются: всходить ли макъ? — Растить макъ отвѣчаетъ: всходитъ. Зацвѣть ли макъ? — зацвѣлъ. Проспѣвать ли макъ? — проспѣвается. — Отцвѣть ли макъ? — отцвѣлъ. — Поспѣль ли макъ? — поспѣль. — Тогда кричатъ: сбирайтесь срывать! или: сбираитесь отряхать макъ! При послѣднемъ словѣ растить макъ спѣшишь убѣжать изъ круга; хороводъ его удерживаетъ, хватаетъ за голову и начинаетъ трясти, и бываетъ, что трясутъ такъ крѣнко, что у бѣднаго глаза на выкатѣ: отъ чего не всякий соглашается растить макъ. Тогда уговариваются, просятъ, обѣщаютъ подарочекъ или задариваются впередъ пряничками, орѣхами и пр., и потому вошло въ обычай называть, согласившихся растить макъ: маковыми дурачкомъ, или дѣлаютъ ему насмѣшилъя причитанія: сиди, сиди, макъ расти, на сладенькій пирожокъ, маковый дурачекъ и т. п.

Нѣкоторые изъ писателей замѣчаютъ, (*) что часто для этой игры выбираютъ дурака, или послушнаго

Ахъ на горѣ макъ,
Полъ горою такъ, такъ.
Охъ свѣтъ мои маковочки,
Золотыя маковочки!
Станемъ-те въ рядъ,
Будеть у насъ макъ.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 71. изд. 1887 г.

и безответного до последней возможности, чтобы онъ терпѣливо переносилъ побои: напротивъ, для этой игры выбираютъ смѣлыхъ и ловкихъ, которые бы могли увернуться отъ трясения мака. —

Вотъ еще небольшая измѣненія этой игры. Избравъ мушину растить макъ, сажаютъ его на землю. Хороводъ, побравшись за руки, становится вокругъ растить макъ и движется въ родѣ пляски: то въ ту, то въ другую сторону, съ припѣвомъ: —

А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
Макъ, макъ, маковочка,
Золотая головочка,
Серебряный макъ!

А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.

Хороводъ спрашиваетъ: послѣдѣ ли макъ. Ему отвѣ чаютъ, что только вскопаны гряды. — Хороводъ снова пляшетъ, поетъ, и пропѣвшіи врежнее, спрашиваютъ: послѣдѣ ли макъ? — Еще только посѣянъ. — Потомъ растить макъ отвѣчаетъ имъ: исходить, потомъ цвѣтеть а тамъ созрѣвать. Послѣ каждого отвѣта пляшутъ и поютъ; но когда услышать, что макъ созрѣлъ, тогда поютъ:

Станемъ-те трясть макъ,
Золотой нашъ макъ! .

При послѣднемъ словѣ, что макъ созрѣлъ, хороводъ бросается срывать его: поднимаетъ съ земли сѣявшаго макъ и трясетъ его голову.

При мѣстномъ измѣненіи игры, иные ходя поютъ около сѣющаго макъ:

Въ полугоры макъ,
 Въ косогоры макъ,
 Маки маковочки,
 Золотыя головочки!
 Станемъ мы въ рядъ,
 Спросимъ про макъ:
 Созрѣлъ ли нашъ макъ?

Потомъ продолжаютъ спрашивать, прежнимъ порядкомъ, и оканчиваютъ единообразно. — Пѣніе мака измѣняется иногда до совершенного переиначиванія. (') Представляемъ сдѣсь образчикъ:

При горѣ макъ, макъ,
 Презеленой макъ.
 Маки, маки, маковочки,
 Золотыя головочки!
 Тамъ былъ макъ,
 Всякъ былъ макъ.
 Красны девушки
 Станьте въ рядъ,
 Спросимъ все про макъ.

У воды стали девушки въ хороводѣ,
 А мы молодыя юношушки словали,
 Перемотушки клали.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Какъ вечеръ-то въ торгу кликали, кликали.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Да что у насъ въ торгу дорого?
 У насъ дорого во торгу красныя девушки.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Какъ одна то девушка сто рублей,

(') Въ волскомъ уезде, саратовской губ.

Какъ другая-то девушки тылечу,
 А третьей девушки цыши ить. —
 Тай, тай, ла, думаю!
 Да что у нась во торгу дешево?
 У нась во торгу дешево добрые молодцы,
 Тай, тай, ла, думаю!
 По шести молодцевъ на овсяной блинъ,
 А седьмой то молодецъ,
 На придачу пошелъ, —
 Тай, тай, ла, думаю!
 А седьмой молодецъ,
 На придачу пошелъ, —
 Ой съ конемъ и съ лошадью,
 И съ булатнымъ конемъ.
 Тай, тай, ла, думаю!

Славяне употребление проса гораздо прежде
 ржи, и оно, у дунайскихъ Славянъ, долгое время замѣ-
 нало хлѣбное зерно. Когда же именно просо вошло во все-
 общее употребленіе? Трудно сказать. Вѣроятно совреме-
 ни осѣдлости Славянъ (въ VI в.), когда земледѣльчество
 привязало ихъ къ землѣ. Но пѣвали ли просо сѣять въ
 глубокое время древности? Мы не можетъ отвѣтить на
 это утвердительно, покрайней мѣры думаемъ, что пѣснь
 вошла во всеобщее употребленіе не прежде распро-
 страненія проса. Мы не знаемъ досель пѣсни, древнѣе
 о полку *Игоревомъ*, но судя по слогу о пѣснѣ просо сѣ-
 ять, то она должна быть не старѣе XVII вѣка. — Окон-
 чанія: *ой дидъ, ладо*, составляютъ произвольный при-
 пѣвъ, но припѣвъ пріятный, музыкальный, подобно
 словамъ: *ой люти, или кадина, машина мол.* (*).

(*) Въ вадольской губерніи окозъ Межибожъ, поселяли не-
 ють на прагахъ, во время пасхи, о царевѣ ладѣ, а подъ Брестъ.

Нѣтъ мѣста въ Россій, гдѣ бы не пѣвали просо сѣять,
и по большей части поютъ въ теплые вечерніе дни. Замѣчательно, что этой игрой встрѣчается самая весна. Едва зазеленѣютъ луга, уже выходятъ лѣвушки и молодцы
повеселиться на просторѣ. — Сначала вдругъ отдельно,
потомъ сходятся на лугу. Кто посмѣѣ, тотъ собираетъ хороводъ. Но хороводъ еще не начался. — Пожилая женщина береть на себя хлопоты, чтобы со-
ставить дружескій хороводъ. Въ иныхъ мѣстахъ назы-
ваютъ эту женщину кумушкой, въ другихъ бабушкой,
въ иныхъ хороводницю. Какъ бы ни было, только
она зачинаетъ; къ ней приступаютъ и она поетъ съ
ними:

Какъ на улицѣ досчикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ девокъ прибываетъ.
Охъ вы, девушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы холостые, не гладите,
Вамъ гладильцемъ девушекъ не взять.
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкіному повелѣнью,
Что по матушкіному благословенію.

Послѣ этого раздѣляются на двѣ половины и ста-
новятся другъ противу друга. Хороводница остается при
одной какой либо половинѣ, и поетъ:

Литовскимъ о королевнѣ ладѣ. Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ
писателей выводить изъ етаго (Сыг. Русск. простонар. праздн. вып. III. с. 27); что Лада вероятно бывъ посвященъ весенній
праздникъ красной горки. — Мы уже имѣли случай гоेорить,
что Лада никогда не существовала между русскими Славянами,
и что это вымыселенное божество Стрѣйковскаго, а посему
низаѣко не могла быть праздникъ въ честь мнимой у насть
богини Лады.

А мы просе свали, свали,
Ой дидъ-ладо, свали, свали!

Стоящие напротивъ, отвѣчаютъ:

А мы просе вытощемъ, вытощемъ,
Ой дидъ-ладо, вытощемъ, вытощемъ!

И продолжаютъ перепѣваться до слова прибыло.

А чѣмъ же вамъ вытощать, вытощать?
Ой дидъ-ладо, вытощать, вытощать!

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!

А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой дидъ-ладо, перенять, перенять!

Шелковыи поводомъ, поводомъ,
Ой дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ!

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой дидъ-ладо, выкупить, выкупить!

А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!

Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой дидъ-ладо, тысячи, тысячи!

Л намъ надо лѣвицу, лѣвицу,
Ой дидъ-ладо, лѣвицу, лѣвицу!

Одна изъ лѣвицъ переходитъ на другую сторону.

А нашего полку убыло, убыло,
Ой дидъ-ладо, убыло, убыло! —

А нашего жолку прибыло, прибыло,
Ой дидъ-ладо, прибыло, прибыло —

Продолжают петь, пока не перейдут на одну сторону все девушки. — Въ Малороссіи это одна изъ любимѣйшихъ забавъ девушекъ, которая не всегда допускаютъ въ свой кругъ мушинъ.

Просо съять играется въ смоленской губерніи съ небольшими измѣненіями. Тамъ мушки и девушки, побравшись за руки, становятся въ два ряда, образующіе двѣ половины. Одна изъ нихъ, взмахнувъ руками, будто бросаетъ зерна, начинаетъ петь:

1. А мы просо съяли, съяли,
 Ой дидъ-лада, съяли, съяли!
2. А мы просо выточчемъ, выточчемъ,
 Ой дидъ-лада, выточчемъ, выточчемъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ вытолтать, вытолтать?
 Ой дидъ и лада, вытолтать, вытолтать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
 Ой дидъ и лада, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ,
 Ой дидъ и лада, переймемъ, переймемъ!
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять, перенять?
 Ой дидъ и лада, перенять, перенять!

Первая половина, растянувшись цѣпью, продолжаетъ:

1. А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
 Ой дидъ и лада, неводомъ, неводомъ! —
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
 Ой дидъ и лада, выкупимъ, выкупимъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ выкупить, выкупить?
 Ой дидъ и лада, выкупить, выкупить!

2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
 Ой дядь и лада, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи;
 Ой дядь и лада, тысячи, тысячи!
2. А мы дадимъ молодца, молодца,
 Ой дядь и лада, молодца, молодца!
1. Не надо намъ молодца, молодца,
 Ой дядь и лада, молодца, молодца!
2. А мы дадимъ девицу, девицу,
 Ой дядь и лада, девицу, девицу!
1. Вотъ то-то намъ надобно, надобно;
 Ой дядь и лада, надобно, надобно!

Послѣ этого двое ющихъ первой половины, поднимаютъ руки вверхъ и образуютъ изъ нихъ подобіе воротъ, а третій, т. е. тотъ, который отдалъ девицу, бѣжитъ въ ворота со всѣмъ хороводомъ; но тутъ опускаютъ руки, чтобы разлучить его съ своимъ хороводомъ, и когда успѣютъ, тогда поетъ первая половина:

1. Нашего полку прибыло, прибыло,
 Ой дядь и лада, прибыло, прибыло!
2. А нашего убыло, убыло,
 Ой дядь и лада, убыло, убыло! —

Это продолжается убывать дотѣхъ поръ, пока остается во второй половинѣ одинъ только чедорѣкъ, и этимъ оканчивается игра. — Поютъ еще иначе:

Краены дѣвушки чищу чистили,
Молодушки пашню пахали.
А мы просо сѣяли,
А мы коней пущали.
Диди, да, ой, пущали. —
А мы коней ловили,
А мы коней выручали —

Диди, ла, ой, выручили. —
 За вырочку сто рублей!
 За сто рублей славы нетъ,
 Диди, ла, ой, славы нетъ!
 А мы возьмемъ тысячу.
 За тысячу слова нетъ,
 Диди, ла, ой, слова нетъ!
 У насть у полку прибыло.
 У насть у полку убыло,
 Диди, ла, ой, убыло!
 Красныхъ девокъ прибыло, —
 Мелодушекъ убыло.

Просо сѣять поютъ въ Галиціи почти однаково,
 какъ у насть на Руси,

А мы просо сѣали, ой дидъ и ладо!
 А мы просо вытопчимъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же вамъ вытоптать? ой дидъ и ладо!
 А мы коней выпустимъ, ой дидъ и ладо!
 А мы коней переймемъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же перенять? ой дидъ и ладо!
 А шелковымъ неводомъ, ой дидъ и ладо!
 А мы коней выкупимъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же вамъ выкупить? ой дидъ и ладо!
 А мы дадимъ девицу, ой дидъ ладо! ()

Бранье. Этотъ хороводъ разыгрываютъ по большей части по-
 слѣ бранья льна, въ концѣ лѣта. Въ пѣкоторыхъ мѣ-
 стахъ играютъ его въ бабье лѣто, а въ другихъ ко-
 гда зазеленѣть лѣсъ. — Образовавъ кругъ, ставятъ
 въ срединѣ девушку, которая, представляя берущую
 ленъ, поетъ вмѣстѣ съ хороводомъ:

(*) Kollar: Národ. Zpiew, ч. I. с. 400.

**Я посвю бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Сталъ ленъ зеленъти,
Сталъ ленъ созреввати.**

**А я молодешенька,
Начала горевати :
Съ кѣмъ-то ленъ миѣ братъ ?
А свекоръ тутъ отозвался, —**

Одна изъ дѣвушекъ отвѣтаетъ вмѣсто сго :

**Я съ моей снохой,
Я съ моей съ молодой !**

Берущая ленъ :

**Чортъ возьми его !
Это не бранье,
Одно гореванье !**

Продолжаютъ пѣть :

**Я посвю бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой. —**

**А я молодешенька,
Зачала горевать :
Съ кѣмъ-то миѣ ленъ братъ ?
А свекровь тутъ сказала :**

Другая дѣвушка откликается вмѣсто свекрови.

Я съ моей снохой,
Я съ моей съ молодою!

Берущая ленъ отвѣщаетъ:

Чортъ возьми ее!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжаютъ пѣть:

Я постю бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бывой ленъ,
И тонокъ и волокнистой. —
А я молодешенька,
Зачала горевать :
Съ кѣмъ-то ленъ миѣ братъ ?
А милой тутъ.

Выходитъ третья дѣвушка:

Я съ тобою,
Съ мою дорогою!

Берущая ленъ отвѣщаетъ:

Вотъ-то ужъ бранье!
Все лишь прыгованье!

За нею повторяетъ то же самое весь хороводъ.
Бранье льна выражаетъ простосердечіе дѣвушки, думашщей, что вся жизнь ея одно только цѣлованіе.
Плетень. Веселая, живая и увеселительная дѣвическая забава, — это плетень. Какой же она заключаетъ въ себѣ смыслъ? Посмотримъ на самое образованіе. Становятся дѣвушки въ одинъ рядъ и вся переплетаются руками въ

видѣ плетня. Не знаніе ли это чистой дружбы? Но самая пѣснь выражаетъ совсѣмъ другое. Пропѣвъ первые три стиха, первая пара поднимаетъ дугообразно вверхъ руки, чрезъ ихъ лугу проходить попарно всѣ прочія въ хороводѣ, и потомъ расплетаются. Не означаетъ ли это разстройство дружбы? — Откуда же плетенье перешель къ намъ? — Греки любили эту забаву. Греческія девушки, пѣвшія хоромъ при богослуженіи, стояли у жертвенника, переплевшись руками, представляя этимъ дружбу добрыхъ и чувствительныхъ сердцъ: азъ не могутъ даже стоять вмѣстѣ. Нѣкто доказательствъ, чтобы плетенье перешель къ намъ изъ Греціи. Въ Европѣ его нѣть, и тамъ никогда не знали его. — Нѣкоторые русскіе обряды сходствуютъ съ греческими, изъ этого можно бы заключить, что мы, Русскіе, позаимствовали отъ нихъ и плетенье — нѣть, Русскіе сами изобрѣли плетенье: веселый ихъ духъ и расположеніе къ удовольствію, изобрѣли эту забаву. — Въ какое время появился у насъ плетенье? По слогу пѣсни она не раньше полов. XVI вѣка, ибо самое слово *сахарный*, встрѣчаемое здѣсь, показываетъ, что она не могла быть раньше: потому что сахаръ вошелъ у насъ, во всеобщее употребление, около этого времени, — хотя онъ былъ известенъ намъ въ XI вѣкѣ. — Вотъ самая пѣснь:

Заплетися плетенье, заплетися!
 Ты завейся труба золотая,
 Завернися камка кружчатая.
 Изъ за-горъ девица утей выгонила:
 Тиги! утушка домой,
 Тиги! страя домой. —
 Я сама гусынъ,
 Я сама стриинъ.
 Ой свѣтъ, стра утница!

Потомила малыхъ дѣтушекъ :
Во меду, во патокѣ,
И въ яствѣ сахарномъ.

Я дамъ старикамъ,
Киселя съ молокомъ ;
Краснымъ молодкамъ,
Шелковую плетку ;
А нашимъ дѣвицамъ,
Белыи и румянъ. —

Расплетайся плетень, расплетайся !

Въ это время хороводъ расплетается. Первая пара дѣлаетъ дугу, чрезъ которую всѣ проходятъ, расплетаясь постепенно, какъ бы нехотя, и поютъ всѣ :

Ты развейся труба золотая,
Ты развернися, камка кружчатая !
Изъ за горъ дѣвица утѣй выгоняла :
Тиги! утушка домой.
Тиги! сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣринькимъ .
Ой свѣть, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствѣ сахарныхъ. —

По расплетеніи расходятся въ разныя стороны, и оканчиваютъ припѣвомъ :

Тиги! наша молодость ,
Тиги! дѣвичья краса.

Послѣдній припѣвъ есть намекъ на дѣвическую, скоропролетающую молодость и вѣя быстроуводя-

щую прелестъ. И что такое краса дѣвушекъ? — Одно мечтательное достоинство. (•)

Въ плетень не вездѣ играютъ единообразно. Въ смоленской губерніи мушкины и дѣвушки, побравшись за руки, составляютъ сначала кружокъ и поютъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейея труба золотая,
Завернися камка парчевая. —
Какъ стра утица,
Потопила дѣвушекъ :
Да въ меду и въ патокѣ,
Да и въ яствахъ сахарныхъ.

Потомъ, при повтореніи снова этой пѣсни, начинаютъ заплеть плетень: первая пара лѣвой стороны поднимаетъ руки вверхъ въ видѣ дуги, сквозь которую ведеть хороводъ, избранная мать; потомъ вторая особа поворачивается спиной къ первой, и заплетаютъ плетень: лѣвая рука первой особы, идетъ чрезъ лѣвое плечо и грудь второй, и соединяется съ правой ея рукою, а лѣвую свою руку поднимаетъ вторая особа вмѣстѣ съ третью, въ видѣ дуги, чрезъ которую проходить хороводъ, и когда онъ дойдетъ до пары, поднявшей руки вверхъ, тогда третья особа поворачивается спиной ко второй, и лѣвая рука второй особы, идетъ чрезъ лѣвое плечо и грудь и соединяется съ правою рукою третьей, и т. д. Такимъ образомъ заплется весь плетень. Пѣснь поется безумолкно. По заплетеи плетня, мать про-

(•) Въ писемъ Прача. изд. 1790 года, и въ изсѣльникахъ изд. С. Н. Б. 1819 г. и изд. Московск. 1822 г., плетень сокращенъ и переизначенъ. См. тамъ эти хороводные пѣсни.

буетъ: ирѣють ли онъ? потому шатаетъ его во всѣ стороны, и запѣвши:

Расплетися плетень, расплетися,
Ты развейся труба золотая,
Развернися камка парчевая.
Кабы сѣра утица,
Потопила дѣтушекъ :
Ни въ меду, ни въ патокѣ,
Да ни въ яствахъ сахарныхъ.

Идеть уже въ противную сторону и расплетасть плетень. —

Въ саратовской губерніи играютъ въ плетень и нѣгда зимио. Въ вечерніе часы собираются парни, дѣвушки и молодушки, и на улицѣ составляютъ хороводъ, переплетаясь рука съ рукою. Послѣ словъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Ты завейся камка кружчатая,

Хороводъ выпрямливается. Первая съ конца пара поднимаетъ вверхъ переплетенные свои руки, подъ конми проходятъ всѣ играющія, не расплетаясь, и вторая изъ первой прошедшей пары, сдѣлавъ оборотъ за дугою, ставится спиной къ первой своей подругѣ, и положивъ свою руку на ее плечо, передаетъ другую слѣдующей, за кою всѣ слѣдующія переплетаются въ этомъ порядке, и поютъ въ тоже самое время. Когда всѣ заплѣтутся, тогда, послѣ словъ:

Расплетайся плетень, расплетайся,

Первая пара, проходя подъ руками послѣдней, начинаетъ расплетаться, и это продолжается дотолѣ, пока всѣ не расплѣтутся. —

Становятся девушки въ одинъ рядъ, который чмъ галка.
длиннѣе, тѣмъ красивѣе. Двѣ девушки, стоящія на
одномъ какомъ либо концѣ, водятъ хороводъ: это зна-
чить, когда одной изъ нихъ просятъ имъ, тогда она
съ своей подругою переходитъ съ своего конца на дру-
гой, поднимаеть тамъ съ нею свои руки вверхъ дугооб-
разно, и чрезъ эту дугу проходятъ всѣ девушки, од-
на за другой. Первая, проходящая чрезъ дугу, водитъ
танецъ, т: е: за нею идутъ всѣ девушки игровой ве-
реницемъ, въ родѣ танца. Когда всѣ пройдутъ, тогда
державшія руки вверхъ, не опускай ихъ, дѣлаютъ по-
луоборотъ и потомъ останавливаются уже въ послѣднемъ
ряду. Водившая же танецъ становится, съ первой ево-
го сосѣдкою на мѣстѣ водившихъ хороводъ, и такимъ
образомъ продолжаютъ играть поочередно, пока всѣхъ
не переберутъ.

При пѣніи пѣсни всѣ машутъ руками единообразно,
доколѣ не наступитъ очередь водить танецъ.

Ой галко, галко,
Золотая клюшице!
Стань же намъ на помочи:
Зъ молодыми молодыциами,
Зъ красными девчатами.
Ой галио черка,
Чимъ не моторна,
Чому не ночуешь дома? —
Галочка лятае,
Парочки шукае.
А ты Наѣтусю, скочь на кинецъ,
А ты Ганусю, веди танецъ.

Поименованная Настуся (Анастасія) переходитъ съ
своей подругою на другой конецъ, и поднимаеть съ нею
руки дугообразно, а поименованная Гануся (Аннушка)

ведеть танецъ, и, когда онъ идетъ, тогда все поютъ,
за исключениемъ держащихъ руки вверхъ.

Ой галочка чорна,
Чимъ не жоторна,
Чому не начуешь дома ?
Галочка лягас,
Нарочки шукас. —

Галка одинокая летаетъ не весело, потому что ищетъ себѣ дружка, такъ и каждая девушка, томясь одиночествомъ, ищетъ себѣ друга вѣковѣчнаго. —

Щитка.. Девушки и мушкы, побравшись за руки, ходятъ вокругъ одной девушки, которая въ то время, бѣгая по кругу, бѣть въ ладони и припѣвасть съ другими :

Щитка маленька,
Новидай де твоя пенька?
На маковци сидила,
Дрибенъ мачокъ дзюбала :
Дзюбъ, дзюбъ, дзюбанецъ,
Ходить дивка у танецъ,
А за нею молодецъ.
Не ходы дивко у танецъ,
Лихо буде пидъ кинецъ.

Выходитъ изъ круга молодецъ и подходя къ каждой девушки, говоритъ:

Горю, горю, пень!
Девушка. Чего ты горишъ?
Молодецъ. Щитки, гребинки, красной пани.
Девушка. Яком? (какой)
Молодецъ. Тебе молодой. —

При этомъ словѣ дѣвушка выбѣгаєтъ изъ круга, а молоцъ бросается ловить ее. Если онъ словитъ ее, то она становится въ кругъ, а если неТЬ, то онъ самъ вмѣсто бѣгавшей по кругу.

Молодость всегда горитъ любовью. —

Дѣвушки и парни, побравшись за руки, ходятъ ме-^{Горо-}
дленнымъ кругомъ и поютъ притопывал:

Посіять я горошечъ на зеленій инвицы,
Кунывъ же я черевички свой чернобривца;
Щей горошечъ не взішовъ, тилько лободочки.
Витоптала жъ черевички, тилько за пяточки.

Ой дивчино чія ты? чи выйдешъ ты на улицу гуляты?
Не пытайся чія я, коли выйдешъ, выйду и я;
Коли ходишъ, то ходы; колы любишъ, то любы.
Не зводь мене зъ ума, колы думки нема. —

Этимъ пѣніемъ оканчивается хороводъ, который од-
нако возобновляется по желанію. —

Когда мушинъ по сердцу дѣвушка, тогда онъ не
долженъ коварствовать предъ нею, ибо сама пѣснь
говорить: *если любишъ меня, то люби; но не своди меня
съ ума, когда на мысли нѣть любви* (*)

(*) Три эти хоровода суть малороссійскіе; они пропущены
въ оглавлениіи хороводовъ, равномѣрно пропущены въ оглавле-
ніи игръ слѣдующія три малороссійскія игры, а именно: *жело,*
україз ришки и *дробушки*, которые по этому помѣщаются вдѣль
къ примѣчаніямъ.

Несколько дѣвушекъ и парней садятся на землю въ тесный толъ.
Иружокъ, а одинъ кто либо изъ играющихъ садится посреди-
ни ихъ, вагнувшись головою къ самой земле. Всѣ играющіе

Барское угощенье. Въ день Успенія Пресвятых Богородицы, разыгрывались поселяне предъ барскимъ домомъ хороводъ, называемый барскимъ угощениемъ. Этотъ хороводъ нынѣ въ рѣдкомъ употреблениіи. Мне случилось однажды видѣть, что поселяне разыгрывали его въ праздникъ послѣ первого сѣнокоса. Пришѣдъ толпой къ дому

кладутъ на спину нагнувшагося своимъ рукамъ, и потомъ одинъ изъ парней или одна изъ девушки, взять чей-либо перстень, посты:

Ой толо, толо, золотое перо,
Да было соби толо съ квитками,
Ступаючи на перину съ диваками,
Да думай же толо, да гадай толо:
На чий руци, на мережанци,
Перстень упавъ?

При этомъ словѣ кладеть кому либо на руку перстень, а нагнувшись, положимъ девушка, должна отгадать: на чью руку онъ положенъ? Если не отгадаетъ, то прежняя девушка посты:

Не вгадала Аниа панина,
Пресличная Аниа панина,
На чий руци, на мережанци,
Перстень упавъ.

Потомъ снова начинаетъ пѣть прежнее: ой толо, толо, и т. д.; послѣ снять кладеть перстень и это продолжается дотолѣ, пока нагнувшаяся не отгадаетъ. Когда же отгадасть, на чью руку были положены перстень, тогда она встаетъ а ей место занимаетъ отгадавшая, и такимъ образомъ играютъ, пока не исключить.

своего господина и не спросясь его дозволенія, они начали пѣть и танцевать; комѣнѣкъ угощалъ ихъ потомъ виномъ и ужиномъ.—Прилагаемая пѣснь списана со словъ поселянъ смоленскаго уѣзда.

Эта игра составляетъ просто одну разную забаву, но въ ней часто прокрадывается желаніе *дѣвушекъ*: угадасть ли ея руку, кто дорогъ ея сердцу? По отгадыванію судить объ исполненіи своихъ желаній. —

Две *дѣвушки*, поднявъ свои руки вверхъ, образуютъ дугообразные ворота. Прочія *дѣвушки*, и чѣмъ ихъ больше, тамъ ^{уходятъ} лучше, побравшись за руки и составивъ кругъ, идутъ попарно одна къ другой спиною; и не разрываютъ круга, проходить попарно же чрезъ ворота. Прошедши ворота, она растягиваютъ свой кругъ какъ можно побольше, и держась крѣпко за руки, вружаются быстро въ одну какую либо сторону, и поютъ:

А вѣрагъ ринки,
Полетили къ чорту лятки.
Кто оторвется,
Тому не минетки.

Кто вырывается изъ круга и падаетъ, тотъ уже не прививается въ игра и еще насмѣхаются надъ удавшимъ. — Такъ и въ свѣтѣ.

Въ другихъ мѣстахъ эта самая забава носить название игры въ *дуркое колесо*. Такое название конечно произошло отъ того, что кругъ вертится колесомъ, и такъ скоро, какъ можно, а отъ этого вертѣнія происходятъ головокруженія и ушибы.

Вы нее играютъ только вдвоемъ. Ставъ другъ противъ друга ^{Пробужд.} и волнившись за руки, вытягиваютъ ихъ какъ можно подлиннее, и въ то же самое время протягиваютъ свои ноги, колени

Близъ города Смоленска
 Протекаъ быстрый Днѣпъръ,
 По той по рѣкѣ быстрой,
 Плытъ осетръ рыба,
 Осетръ рыба свежая.
 Ой вы, ребята молодые!
 Закиньте невода,
 Ловите осетра.—
 Какъ бы его словить!
 Хозяину на столъ,
 На скатерти тканыи,
 На блюда серебряныи.

Близъ города Смоленска
 Протекаъ быстрый Днѣпъръ,
 По той по рѣкѣ быстрой,
 Разыгрались черны соболи. —
 Завидѣли молодцы во чистомъ полѣ.—

упираются взаимообразно ; потомъ начибаютъ кружиться припѣвая:

Дробу, дробу, дробушечки,
 Навившия петрушечки.
 Гыля, гыля, до воды,
 Навившия лободы. —

При быстромъ кружевіи опускаетъ кто либо руки съ наизнѣвіемъ, или иногда сами опускаются руки отъ головокруженія, и тогда одинъ изъ нихъ летитъ на землю, а часто падаютъ вмѣстѣ. Зрители этой забавы издѣваются и хохочутъ надъ упавшими.

Дробушечки доставляютъ очень хорошее тѣлесное упражненіе, но въ этой игрѣ высказывается смыслъ падающій.

Ой вы, ребята молодцы,
 Раскиньте путы,
 На черныхъ соболей.
 Ахъ какъ бы ихъ изловить!
 Хозяюшкѣ на пубку,
 А дочкиамъ на бѣлы плечи.

Совершеніе хороводовъ измѣнено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ олонецкой губерніи. Тамъ они превращены въ выонъ и кругъ, при коихъ часто поются плясовыя пѣсни; разыгриваются весною и лѣтомъ, потому помѣщены здѣсь между лѣтними хороводами. Выонъ есть пласка; онъ похожъ на польскую, съ тѣмъ различiemъ, что въ польскомъ музциѣ выбирается дама и проходить ей всѣ комнаты, а въ выонѣ выбирается девушка мушину иходить съ нимъ по комнатѣ. Въ кругѣ становятся девушки парами; одна изъ нихъ запѣваетъ пѣнь, другая подхвачиваетъ общимъ хоромъ, ходя вокругъ тихой пляской и продолжая безпрерывное пѣніе, которое часто сопровождается хлопаніемъ въ ладоши. (*) Иногда кругъ останавливается, тогда одна какая нибудь пара выходитъ на средину и начинаетъ русскую. Танцовщицы помахиваютъ бѣдыми платками и изъясняются движеніями. — Вотъ нѣсколько образцевъ, хороводно-плясовыхъ игръ.

Всѣ мужья до женъ добры,
 Покупили женамъ бобры;
 Мой мужъ не ласковъ до меня,
 Не купилъ мнѣ черна бобра.

(*) Должно замѣтить, что всѣ пѣсни въ олонецкой губерніи называются плачами.

Онъ корову купыть,
Мыть заботу снарядить;
Лучшебъ масла и муки купыть,
Ябъ стряпейку нанида. (*)
Стряпешюшка бъ постригала,
А я млада похаживала,
Каблуками приколачивала.
Вы бывальцы, руманца мон,
Дорогія, новокупленыя,
Въ зелено вино возложеныя,
На бѣло лицо положены!
Скатись съ бѣлого лица долой!
Бдеть добрый мужъ домой,
Любимые подарочки везеть:
Шелкову паштъ не свистанную (**)
На младу жену избалованиую.

Дѣвушка въ горынче сидѣла;
Сперась оконушко глядѣла,
Сперась хрустальнѣе стекло.
Не работушку работала,
Гребенемъ голову чесала,
Русу косу плела,
Въ гости мылого ждала.
Не дождавши своего милова,
Постельюшку постлала,
И заплакала пошла. —
Почастехонъко въ окошко поглядывала.
Что нейдетъ ли, не летить ли,
Съ поля миленькой дружокъ?
Не ясень соколь летить,
Съ поля миленькой идеть,

(*) Стряпейка, — стряпуха, повариха. —

(**) Подъ этимъ словомъ разумываютъ такую паштъ, которую еще никого не били. —

Своими рывыми ногами ,
 Миль постукиваетъ ;
 Своими бывыми руками
 Миль помахиваетъ ;
 Своими желтыми кудрями,
 Миль потрахиваетъ .
 Прямо, прямо, мой милой,
 Ко мнѣ въ высокой теремѣ !
 Ко мнѣ въ высокой теремѣ !
 На тесовую кровать,
 На правую ручку спать.

Началь парень красну лѣвку целовать, миловать;
 Целовавши, миловавши, приговаривать
 Надъ моей русой косой,
 Надъ девичьей красотой :
 Ужъ ты, косынка-коса !
 Не ты ль меня, косынка, нѣвысушка ?
 Не ты ль меня съ ногъ срояла ?

Ужъ ты Ванюша, Иванъ,
 Вана, братецъ мой !
 Прилюбился разумъ твой,
 Весь обычай дорогой.
 Перестань Ваця пить ,
 Будутъ девушки любить ,
 Станутъ молодушки хвалять .
 Ужъ какъ я молода,
 Однокая была, въ одиночествѣ жила;
 Затоптила млада печку,
 Сама по воду пошла. —
 На водушкѣ на водѣ ,
 Гуси, лебеди сидятъ ,
 Свѣжу водушку мутятъ .
 Почекриула я, пошла ,
 До полу-горы дошла,
 До парева кабака .

У царева кабака сочицалася быда, —
Загорылась слобода.
Какъ на этотъ на пожарь,
Съѣзжались господа,
Со уезднаго суда.
Ахъ, что этотъ за пожарь!
Онь не жарко горить,
Онь не жарко горить,
Только смахиваетъ.
Ахъ, что это за мужъ,
Молоду жену не бьетъ!
Бей жену къ обѣду, —
Къ ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горачи,
Каша масляная....

Удалая голова!
Удалая голова!
Не ходи мимо сада.
Въ немъ тропинки не топчи,
И дорожки не тори.
Ты дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возьметъ:
Ни подъячій, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ.
Отцу, матери беочастье,
Роду племени укоръ,
Роду племени укоръ.
Съ плечъ головушка долой! (*)

(*) Эта пѣснь поется точно такъ же и въ смоленской губерніи, и она такъ же напечатана въ старинномъ писсенниѣ.

Мне нельзя итти домой!

Скажу такъ, скажу сакъ,

Скажу изнова оиять:

Я во садвку была, во зеленомъ гуляла;
Сладки яблочки щицала, наливчатыя,
Я наливчатыя, самы разсыпчатыя,
Я на блюдечко клала, на серебряный поднось,
Въ высокъ теремъ пошла,
И милому поднесла.

Милый яблокъ не принялъ,

Начего не говорить :

Ни отказывается, ни приказывается.

Только и знаеть мой миленькой,
Что сердитъ на меня.

Разсержусь же я молодёшенька,

Я сама лъ на него,

Еще лъ по крѣдче лъ того.

Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
А кипитъ, горитъ ретиво сердце,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
А кипитъ, горить по красной дѣвушкѣ. —
Что отъ дѣвушки пришла вѣсточка,
Пришла вѣсточка скора грамотка !
Красна дѣвица есть трудна, болѣна,
Во постелишкѣ, во могилушкѣ.

Я нойду съ горя на почтовый дворъ,

Я найму пару вороныхъ коней;

Я позду ли ко могилушкѣ,

Ко могилушкѣ, ко красной дѣвушкѣ:

«Ты встань-ка, красная дѣвица !

«Ты отдай-ка, отдай мой таллинской платъ,

«Ты бери, возьми свой злаченъ перстень.

«Ужъ ми твъмъ перстнемъ обручатися,

«Тебъ твъмъ платкомъ жениха дарить.»

Эта старинная пѣснь, сочиненная въ Петербургѣ въ началѣ XVII стол., перенесена олонецкими жителями, и она пѣвалась такъ:

Какъ въ городѣ во Санктпітерѣ,
 Что на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ;
 Какъ на пристани корабельной,
 Молодой матросъ корабли счастій,
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
 Что изъ высока нова терема
 Изъ косящетова окошечка,
 Изъ хрустальныя изъ оконечки, —
 Усмотрѣла тутъ красна лѣвица,
 Красна лѣвица, дочь отецкая,
 Усмотрѣвъ, выходитъ на берегъ,
 На Неву рѣку воды черпать;
 Почерпнувшія ведра поставила,
 Что поставивши слово молвила:
 Ахъ ты, душечка! молодой матросъ!
 Ты за чѣмъ рано корабли счастій?
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ! . . .
 Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ! . . .
 Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, молодой матросъ; . . .
 Ахъ ты, гдѣ еси красна лѣвица,
 Красна лѣвица, дочь отецкая! . . .
 Не своей волей корабли спашу:
 По указу ли Государеву,
 По приказу адмиральскому. . .
 Подняла ведра красна лѣвица,
 Поднявши, сама ко двору пашла.
 Изъ камни изъ подъ бѣлова,
 Изъ подъ кустика изъ подъ ракитова,
 Не огонь горить, не смола кипитъ,

Что кипить сердце молодецкое,
 Не по батюшку, не по матушку,
 Не по братцу, не по родной сестре,
 Но по душечку красной девицей.
 Перепала ли ему восточна;
 Красна девица неможна лежать.
 После восточки скоро грамотка:
 Красна девица переставилась!
 Я пойду теперь на конюшний дворъ,
 Я возьму коня что не лужавоу,
 Что не лучшаго, самодобраго:
 Я пойду ли къ Божьей церкви,
 Привяжу коня къ колокольнику,
 Самъ ударюсь объ щиту землю!
 Растился ты мать, омыла землю!
 И раскройся ты грабова доска,
 Развернися ты золота парча,
 Пробудися ты красна девица!
 Ты простись со мной, хуя добрыны молодцомъ,
 Съ добрымъ молодцемъ, другонъ мыныи,
 Съ твоимъ вѣрнымъ полюбованикомъ. (*)

Ты отеческая дочь!
 Не ходи гулять въ полночь,
 Не ходи гулять въ полночь,
 Мимо моего двора,
 Не прокладывай сугба.

(*) Новое и полн. собран. пѣсень ч. I. № 177. издан. Моск. 1780 года. Эта пѣснь перепечатаана въ новѣйшемъ и полномъ общевародѣ. пѣсенникѣ № 144, издан. Моск. 1810. г.; въ новѣйш. и полн. пѣсен. ч. 2. издан. С. П. В. № 19. г., и ч. 2. издан. Моск. 1822. г. № 232, но вѣдь съ измѣненіемъ.

У моего ли у двери,
 Приукатана, углажена тора:
 Водою улита,
 Водою улита,
 Каблуками убита,
 Лишь я скокъ на ледокъ, —
 Окайиный башмачокъ!
 Окайиный башмачекъ!
 Носкользнулся наблучокъ,
 Я упала на бочекъ!
 Не слыхала какъ упала,
 Погляжу млада, лежу,
 Я на правомъ на бену. —
 Я туда и сюда глядѣ
 Меня не кому поднять.
 Шель дѣтина моледой,
 Не женатой, холестой.
 Я не знала какъ назвать,
 Ноучилась солгать,
 Его душенькой назвать.
 Душа моя, душенька!
 — Ужъ я радъ бы поднять:
 Со стороны люди глядятъ,
 Со стороны люди глядятъ,
 Поймать меня хотятъ;
 Руки, ножки связать,
 Во солдатушки отдать,
 Во солдатушки отдать,
 Отцу, матери не ждать.

За моремъ далече,
 Межъ горъ высоко.
 Тамъ моя милая
 Подъ окошечкомъ сидитъ,
 Слезою плачетъ, говоритъ:
 Даъ за той стороны

Воздухъ пріятный несеть,
 Гдѣ моя любезная
 Сашинька живеть. —
 Скажи, скажи, скажи!
 Любишь ли меня?
 Если ты любишь,
 Возьму за себя;
 Если же не любишь,
 Убью самъ себѧ.
 Напишу я надпись,
 Надъ гробомъ своды.
 Увидишь, узнаешь,
 Что вѣренья я быть у
 Нашии пронитаешь.
 Однажды любишь. —
 Старые ходы пересудимые!
 Словно молоды не бывали;
 Словно про любовь не слыхали.

Эту пѣснь поютъ прѣтажно и заунывнымъ голосомъ.

Во полѣ бересняка стояла,
 Во полѣ юдрица стояла,
 Люди, люди, стояла!
 Некому бересняк заломать,
 Некому бересняк заломать,
 Люди, люди, заломают!
 Я пойду бересняк заломаю,
 Я пойду бересняк заломаю,
 Люди, люди, заломают!
 Вырвишь я три прутчика,
 Вырвишь я три прутчика,
 Люди, люди, три прутчика!
 Сдѣлаю я три гудочки,
 Сдѣлаю я три гудочки,

Люди, люди, три гудочки!
 Четвертую балалайку,
 Четвертую балалайку,
 Люди, люди, балалайку!
 Пойду я на новые из смы, .
 Пойду я на новые из смы, .
 Люди, люди, на новые из смы!
 Стану въ балалаичку играть,
 Стану въ балалаичку играть,
 Люди, люди, играть!
 Стану я старого пробуждати,
 Стану я старого пробуждати,
 Люди, люди, пробуждати!
 Встань ты, старой чорть, проснися! .
 Встань ты, старой чорть, проснися! .
 Люди, люди, проснися!
 Борода съдан, пробудися,
 Борода съдан, пробудися,
 Люди, люди, пробудися!
 Вотъ тебѣ помон, умойся,
 Вотъ тебѣ помон, умойся,
 Люди, люди, умойся!
 Вотъ тебѣ рогожа, оботрися,
 Вотъ тебѣ рогожа, оботрися,
 Люди, люди, оботрися!
 Вотъ тебѣ заслонка, земолиня;
 Вотъ тебѣ заслонка, земолиня;
 Люди, люди, земолиня!
 Вотъ тебѣ баранъ, разчесися;
 Вотъ тебѣ баранъ, разчесися;
 Люди, люди, разчесися!
 Вотъ тебѣ осметки, обуйся,
 Вотъ тебѣ осметки, обуйся,
 Люди, люди, обуйся! .
 Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
 Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
 Люди, люди, одѣнься!

Во поле березацка стояла,
 Во поле кудрявая стояла,
 Люли, люли, стояла!
 Некому березы заломати,
 Некому кудрявой заломати,
 Люли, люли, заломати!
 Я пойду березу заломаю,
 Я пойду березу заломаю,
 Люли, люли, заломаю!
 Вырежу я три прутичка,
 Вырежу я три прутичка,
 Люли, люли, три пружинки!
 Сдамлю я три гудочки,
 Сдамлю я три гудочки,
 Люли, люли, три гудочки!
 Четвертую балалайку,
 Четвертую балалайку,
 Люли, люли, балалайку!
 Пойду я на новая на съци,
 Пойду я на новая на съци,
 Люли, люли, на новая на съци!
 Стану въ балалайку играть,
 Стану въ балалайку играть,
 Люли, люли, играть!
 Стану я малаго пробуждати,
 Стану я малаго пробуждати,
 Люли, люли, пробуждати!
 Встань ты, душа, пробудися!
 Встань ты, душа, пробудися!
 Люли, люли, пробудися!
 Вотъ тебѣ водица, умойся,
 Вотъ тебѣ водица, умойся,
 Люли, люли, умойся!
 Вотъ тебѣ полотенце, оботрися,
 Вотъ тебѣ полотенце, оботрися,
 Люли, люли, оботрися!

Вотъ тебѣ икона, помолися;
 Вотъ тебѣ икона, помолися;
 Люли, люли, помолися!
 Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися;
 Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися;
 Люли, люли, причешися
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
 Люли, люли, обуйся!
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
 Люли, люли; нарядися!

Эту иѣснь поютъ еще и такъ:

Я пойду рабину заломаю,
 Выломаю три прутичка! —
 Стану я старого будити:
 Встань, мой старъ, пробудися!.
 Вотъ тебѣ помен, умойся!
 Вотъ тебѣ рогожа, оботрися!.
 Стану я малаго будити:
 Встань мой маль, пробудися!.
 Вотъ тебѣ грязна вода, умойся!
 Вотъ тебѣ тряница, оботрися!.
 Стану я ровношку будити:
 Встань мой ровношка, пробудися!
 Вотъ ключавая вода, умойся,
 Вотъ тебѣ платочекъ, оботрися,
 Вотъ тебѣ икона, помолися!
 Старый мужъ на руку ложится,
 Какъ колода валится;
 Ровноша-мужъ на руку ложится,
 Легче пера лебединаго.
 Старый мужъ къ устамъ принадастъ,

Какъ смолой поливаетъ ;
 Ровиоушка мужъ къ устамъ принадесть ,
 Словно медомъ поливается ,

—
 Какъ вила сѣрая утка ,
 Въ шелковой травѣ гнѣзде !
 Она вила нѣлью ,
 Она вила другую ;
 А на третью нѣлью поднялась , полетѣла !
 Какъ на встречу той уткѣ ,
 Государевы ловцы .

Эй вы ловцы , вы ловцы ,
 Удалые молодцы !
 Не видали ли вы селезёнка ?
 Ужъ , какъ твой селезёнокъ ,
 Во лесударевомъ во льгѣ ,
 На любовомъ на строѣ ,
 На серебряномъ блюде ,
 Бѣлымъ сахаромъ осыпанѣ ,
 И шафраномъ посыпанѣ . —
 За твоимъ ли селезёнкомъ ,
 Сидѣлъ Царь со Царицей ,
 Молодецъ со девицей . —

Какъ девица то скажеть :
 Я на смерть не навижу ,
 Столь богата скупого ;
 Я еще не навижу ,
 Кто вдову изобидить ,
 Красну девку осудить ,
 Молодца обезчестить .

Ты построй , милой , теремъ ,
 Противу терема теремъ ,
 Изъ дверей во двери ,
 Изъ окошка въ окошко . —

Не березанка съ березкой свивалася,
Не девушка съ молодцомъ совыкалася ;
Совыканыще было съ дружкомъ тайное,
Разставанье же съ дружкомъ было явное.

Отъезжаешь мой любезный,
Во путь во дороженьку ;
Хоть не въ дальнюю, любезный!
Жаль мить и тошненько.

Онь запѣлъ мой дружечень,
Запѣлъ съ горя писенъку :

Ты прощай-на, прощай ,
Прощай моя любушка !
Ты прощай-ка моя ,
Сизенка голубушка !

Наживай-ка ты себѣ дружка ~~иначе~~ —
Буде лучше наживись; меня пообаудишь;
Буде хуже наживись, меня вспомнишь.
Прѣзжай-ка мой любезный, жить-то міръ тошненько:
Надорвется живость, живость и сердце плачутъ,
Все тебя мой другъ дожидатъ! —
Со восточныхъ, мой милой, со стороныущини,
Со любезныхъ пути — дороженьки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ИГРЫ:

I.	Игры детския	5.
II.	Игры дѣвическия	27.
III.	Игры мужеския	50.
IV.	Игры обоего пола	84.

ХОРОВОДЫ:

I.	Весенніе хороводы	133.
II.	Лѣтніе хороводы	213.

ПОГРЪШНОСТИ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строчки.	Напечатано.	Читать.
3.	2.	многочисленны	многочисленны
6.	5.	У бабушки кушеми	У бабушки, кушала
21.	16.	паку	паку
24.	14.	курамъ	курамъ
26.	11.	разораются	разоряются
—	12.	чіа	чіа
40.	24.	въ руку	руку
42.	16.	захватываютъ	захватываетъ
45.	1.	зависать	зависить
49.	6.	разданный	розданный
51.	13.	граютъ	играютъ
63.	9.	бакокъ	бабокъ
66.	21.	на лету	на лету
68.	5.	Если	Если
69.	6.	другую	другую
78.	1.	меньшими	меньшимъ
79.	12.	купцевъ	у купцевъ
89.	32.	въ воздухѣ	въ воздухѣ
106.	24.	названіемъ	название
108.	17—18.	принаніе	принаніе
110.	7.	мужина	мужина
110.	27.	что	что
119.	20.	Продажа хъста	Продажа холста
125.	18.	занимались	занимались
126.	13—14.	на деревѣ	на дерев-
		вѣ	вѣ
—	16.	понадъ	понадъ
136.	20.	ихъ въ разговорахъ	въ ихъ разговорахъ
140.	33.	лиди	лади
146.	25.	къ черту	къ черту
—	28—30.	къ черту.	къ черту
148.	23.	на неизѣсть	на неизѣсть
156.	3.	полою	полою
164.	3.	со крутиго	со крутаго
166.	20.	гуть	тутъ
171.	23.	кругомъ	кругомъ

180.	13.	люде́	люди
203.	7.	подавица,	надавица,
219.	34.	въ сло- ворѣ	въ сло- ворѣ
235.	7.	находатсѧ	находится
238.	27.	не сойдется	ни сойдется
247.	12.	Жена	Жена
249.	14.	они	они
254.	23.	каль	каль
265.	27.	а пототу	а потому
278.	27.	, кому	, кому
293.	8.	Седеzenъ,	Седеzenъ,
299.	18.	не знаетъ	не знаетъ
318.	17.	вагнувшася	нарнувшася
330.	4.	бъзлайку	базлайку
—	7.	Лили	Люли,
